

Юрий Бондарев КРЕПОСТЬ НА БЫСТРОЙ СОСНЕ

Юрий Бондарев

Крепость
на Быстрой Сосне

Автор благодарит за материальную поддержку в издании книги индивидуального предпринимателя Токмакова Александра Станиславовича.

Автор признателен Бондаревой Л.В. за техническую помощь в подготовке рукописи к печати.

Бондарев Ю.И.
Крепость на Быстрой Сосне

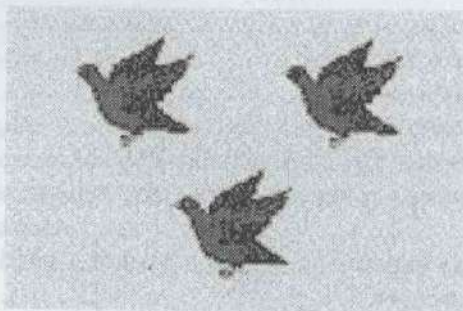
Орел: Издательство «Картуш», 2010, 250 с.
Вёрстка — В. Барабанов.

В книге сделана попытка всесторонне исследовать вопрос о дате возрождения города Ливны в XVI веке и описать становление и развитие города в XVI - XVII веках. Впервые в современной краеведческой литературе здесь подробно описан период жизни ливенцев в XVI - XVII веках. Книга адресована широкому кругу читателей.

На обложке : 1-я стр. — картина С.В. Иванова «На южном рубеже».
4-я стр. — фото памятника подвигу ливенцев в 17-м веке в Курской области.

Содержание

Предисловие.....	4
Возрождение Ливен в XVI веке.....	6
Ливны в конце XVI-го века.....	24
Воеводы на Ливнах в XVI-м веке.....	41
Ливны в годы Смутного времени в начале XVII века.....	51
Противостояние набегам врагов на земли Московского государства в годы Смуты.....	68
Борьба ливенцев за укрепление южной границы в 1613 – 1630 годах.....	71
Забывтый подвиг Ливенцев.....	76
Участие Ливенцев в строительстве Белгородской черты и отражении набегов крымчан в 1633 – 1699 годах.....	92
Развитие г. Ливны и его уезда в XVII веке.....	108
Ливенцы в водовороте «бунташного века».....	135
Воеводы на Ливнах в XVII веке.....	140
Хозяйственная деятельность ливенцев в конце XVI - XVII в.в.....	154
Быт и нравы ливенцев в XVI-XVII веках.....	162
Заключение.....	198
Приложения.....	205
Летопись города Ливны XVI-XVII веков.....	207
Литература.....	216

Предисловие

Кто-то из великих сказал, что для полного счастья человеку нужно достойное Отечество. Сделать Отечество достойным в глазах людей — основная задача истории и историков. Это тем более важно, что всегда есть люди в мире, да и в нашей стране, которые пытаются очернить ее прошлое, а нынешнее поколение представить потомками никчемного сброда.

Конечно, в прошлом любой страны есть немало мерзостей. Но они не могут вызвать у ее граждан уважение к Отечеству. Вместе с тем, поскольку эта страна, Отечество, до сих пор существует, живет, значит в ее истории больше светлого, жизнеутверждающего и достойного гордости, чем темных дел.

Особенное место в формировании у человека чувства гордости за свою Родину принадлежит краеведам. «Краеведение — это труд души, любовь к родному краю, увлечение, хобби. Все это так, но одной любви мало, есть другая половина этого слова — ведение (ведать — знать). Итак, знание края. Краеведение — это наука, научные знания о крае, которые питают историю. Термин «краеведение» впервые появился в начале двадцатых годов XX века, его нет в толковом словаре Даля, а в толковом словаре Ожегова этот термин означает «совокупность знаний (географических, исторических) об отдельных местностях страны». В новейшей «Российской музейной энциклопедии» (2002 г.) этот термин несколько расширен, а слово «знание» заменено словом «изучение»: «краеведение — изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории». (17, с.3).

«Слово краеведение общеупотребительно. Однако, толкование его и

в языке науки и в нашем просторечии неоднозначно. Опыт рассмотрения истории отечественного краеведения объясняет обусловленность этого самым характером понятия.

Краеведение — это и наука, и научная и научно — популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо края (местности); это и метод познания от частного к общему, выявления общего и особенного, и метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи.

Краеведение — это и форма общественной деятельности, причем, такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и значительно более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. По определению академика Д.С. Лихачева, краеведение — «самый массовый вид науки».

Следовательно, краеведение — это и школа познания и методики мышления, и школа воспитания — воспитания культурой (а основа культуры — память, поэтому можно особо говорить о «воспитании историей») и воспитания общения людей разного поколения, разного уровня образованности, разной степени специальной (научной) подготовки.

Краеведческое знание — комплексное знание, обычно и историческое (шире историко — культурное, историко — экономическое) и географическое (точнее даже — географо-биологическое) одновременно... Краеведение воспитывает уважение к истокам нашим». (65, с.3-4).

Однако задача историков — краеведов, пишущих о малой Родине, о «малом» Отечестве, состоит, на мой взгляд, не только в том, чтобы просто изучать родной край, а и в том, чтобы показать все достойное в жизни малой Родины, донести эту гордость за свою землю до нынешнего поколения, и таким образом сделать жизнь современного поколения чуточку счастливее, и породить в их душах гордость за своих предков.

В той или иной степени этим благородным трудом, историей Ливенского края, Ливны занималась целая плеяда местных краеведов. Не претендуя на исчерпывающий перечень, приведу фамилии краеведов, которые в разное время писали о Ливенском крае, его истории, возникновении и развитии города Ливны (Ливна). Вот эти краеведы: Агошков В., Артемьев А., Беляев И., Беляев Ю.Н., Беляева Л.А., Бондарев Ю.И., Булатников О.Н., Водарский Я.Е., Волков С.П., Ковалев Ф.В., Кожемякин А., Краснощекова С.Д., Неделин В.М., Новосельский А.А., Паршин С.Н., Пясецкий Г.М., Рыжкин Г.В., Савосичев А.Ю., Строев М.Я., Сундуков М.П., Якубсон О.Л. Обширный краеведческий материал о Ливенском крае содержится в альманахе «На берегах Быстрой Сосны», авторов которого просто невозможно перечислить.

Историей Ливен и Ливенского края в той или иной мере касались работы известных российских историков, среди которых Загорский В.П., Карамзин Н.М., Соловьев С.М., Солодкин Я.Г., Татищев В.Н., Тихомиров М.Н., Мацук М.А. В произведениях упомянутых исследователей о Ливенском крае и Ливнах сказано почти все. По многим вопросам истории Ливенского края и Ливен просто невозможно написать лучше, чем уже написано.

Эта книга посвящена возрождению Ливен в XVI - XVII веках. А об этом периоде истории Ливен лучше опубликованных в 1893 году «Исторических очерков города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении» Пясецкого Г.М., ставших классическим трудом по истории г.Ливны, написать просто невозможно. Однако за прошедшее со дня опубликования этого капитального труда время появилось немало новых данных по истории Ливен и его уезда. Поэтому естественно, что в книге использованы многочисленные цитаты из работ вышеперечисленных авторов и особенно Пясецкого Г.М. На мой взгляд, открытое использование чужих слов и мыслей (многие это делают не менее активно, но часто без кавычек и ссылок) не умаляет достоинство и оригинальность книги. А новизна книги о Ливнах, представляемой на суд читателя, по мнению автора, состоит в том, что в ней сделана попытка систематически и, по возможности, полно изложить историю города Ливны в XVI - XVII веках. В этом автору помогли не только известные публикации, но и библиотечные и архивные изыскания новых фактов из истории Ливенского края. О том, в какой степени эта книга по-новому осветила наиболее, казалось бы, изученный период в истории Ливен, судить читателям.

Возрождение Ливен в XVI веке

Возрождение Ливен на их нынешнем месте неразрывно связано со стремлением московских князей расширить свои владения на юг. Происходило это в 15-м веке за счет планомерного поглощения Московским княжеством земель граничившего с ним на юге Рязанского княжества. Уже в 1483 году во время княжения Ивана III земли Ливенского края были изъяты из владений рязанских князей и напрямую вошли в состав Великого Московского княжества.

В 1505 году великий князь московский Иван III скончался. Московский престол занял Василий III, человек и правитель еще более жесткий и властный, нежели его отец. Василий III покончил с после-

дними самостоятельными феодальными владениями, среди которых было и Рязанское княжество. События, связанные с потерей Рязанским княжеством остатков независимости, произошли в промежутке между 1516 и 1521 годами. Не позднее 1521 года Рязанское княжество, а вместе с ним и земли Ливенского края, окончательно вошло в состав великого княжества Московского. Так закончилась история Рязанского княжества. По мере слияния удельных княжеств с Москвой появляется новое административное деление — уезд, то есть земли, округ, приписанный к какому-нибудь городу, откуда его контролировали и собирали с него дань. Так и бывшее княжество начали называть Рязанским уездом. В связи с этими событиями и земли Ливенского края вошли в состав Рязанского уезда. До 1547 года Ливенский край входил в состав Великого княжества Московского в составе Рязанского уезда, а с 1547 года - в Московское государство. Ливенский край оказался южной окраиной зарождавшейся российской империи.

Именно здесь была позднее образована сеть пограничных городов, главной задачей которых было защищать южные рубежи молодого государства. Судьба этих городов, к которым относятся и Ливны, в XVI - XVII веках, как и история обороны южного порубежья России еще далеко не исследована. Это героические, трагические и, вместе с тем, романтические страницы прошлого нашей Родины и нашего народа. Именно на волне присоединения южных земель к Московскому государству возродились Ливны на нынешнем месте. Первым после долгих лет забвения на наши места обратил внимание Иван IV. С приходом его к власти войска Московского государства стали регулярно посылаться в район Быстрой Сосны с целью предотвращения беспрепятственного разграбления этих мест и лежащих севернее городов Московского государства.

Об этом свидетельствуют записи в Разрядных книгах. Вот некоторые из них.

«В 1557 году в Москву из Крыма сообщал Федор Загряской, «что крымскому царю подлинно быти на государевы Украины. И по тем вестем было велено быти на поле воеводам из украинских городов Ивану Петровичу Хирону, да князю Петру Ивановичу Горельскому, стояти усть Ливин». (53, с.62).

В 1560 году «Из Дедилова велено боярину князю Александру Ивановичу Воротыньскому да князю Федору Ссееву идти на поля. А Михайловским и пронским воеводам велено идти на поля ж и, спетчися со князем Андреем, велено стояти вместе на Сосне усть Ливен...» (53,с.92).

Из этих сведений следует, что уже в конце 50-х - начале 60-х годов

КАРТА СТАРЫХ ШЛЯХОВ — ПУТЕЙ (в XVI — XVII ВЕКАХ)

--- Граница Русского государства в 40-е гг. XVII в.
 —>—> СТАРЫЕ ШЛЯХИ — ПУТИ

(52).

Ливенский край попал в сферу первостепенных интересов Московского государства. Однако простого стояния войск «на Сосне усть Ливен» вскоре стало недостаточно для обеспечения интересов Московского государства на его южных границах. Укрепление царской власти внутри страны неизбежно влекло за собой укрепление внешних границ,

определение пределов властвования тирана, четкого их закрепления.

Это вынудило царское правительство в 70-х годах XVI-го столетия, в том числе, устроить заново охрану южной границы государства. А положение с южными рубежами Московского государства было к тому времени таково, что граница эта просто-напросто официально закреплена не была. Большие территории к югу от Москвы были практически в совместном пользовании татар и московитов. Наступило время, по мнению Ивана Грозного, когда надо было четко определить границы его государства, его власти.

С этого времени и начинается новая история Ливен, тесно связанная с распространением границ и приобретением южных земель Московским государством. Территория современного Ливенского района в конце XVI века находилась в области так называемых «польских городов», или «городов на Поле». Пределы «Поля» того времени были весьма обширны и не вполне определены. Летом 1570 года с границы стали поступать тревожные сведения о большом набеге крымских татар (до 30 тысяч человек). Осенью навстречу татарам к реке Оке вышли крупные силы русских во главе с Иваном Грозным. Однако татар не было. Взбешенный ложностью информации пограничников, царь распорядился навести порядок в погранслужбе. Дело поручалось 60-летнему князю Михаилу Ивановичу Воротынскому. В январе 1571 года он собрал в г. Москве станичных голов (командиров), опытных рядовых стражей, казачьих атаманов, старых и увечных ветеранов и даже бывших пленников татар. Словом, тех, кто знал эту непростую службу, повадки врага и мог дать дельный совет.

В феврале того же года под руководством Воротынского был разработан «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». 16 февраля 1571 года царь Иван Грозный подписал указ «О станичной и сторожевой службе на государевых украинках и в степи». Это был первый российский пограничный устав. (См. Приложение №1).

Цель сторожевой и станичной службы на южных рубежах определялась в оповещении властей о нападении кочевников и отражении мелких набегов врага. Ставилась задача — нести службу в местах, удобных для обнаружения противника, безопасных для нарядов и обеспечивающих первичную защиту населения.

После принятия устава сторожевой службы были расписаны сторожи на южных рубежах Московского государства. Среди созданных в 1571 году на южной границе 73 сторож была сторожа «на Сосне усть Ливен», на которую должен был послать 10 человек служилых людей воевода из Данкова, Елифани, Дедилова, Новосили и Мценска, по два

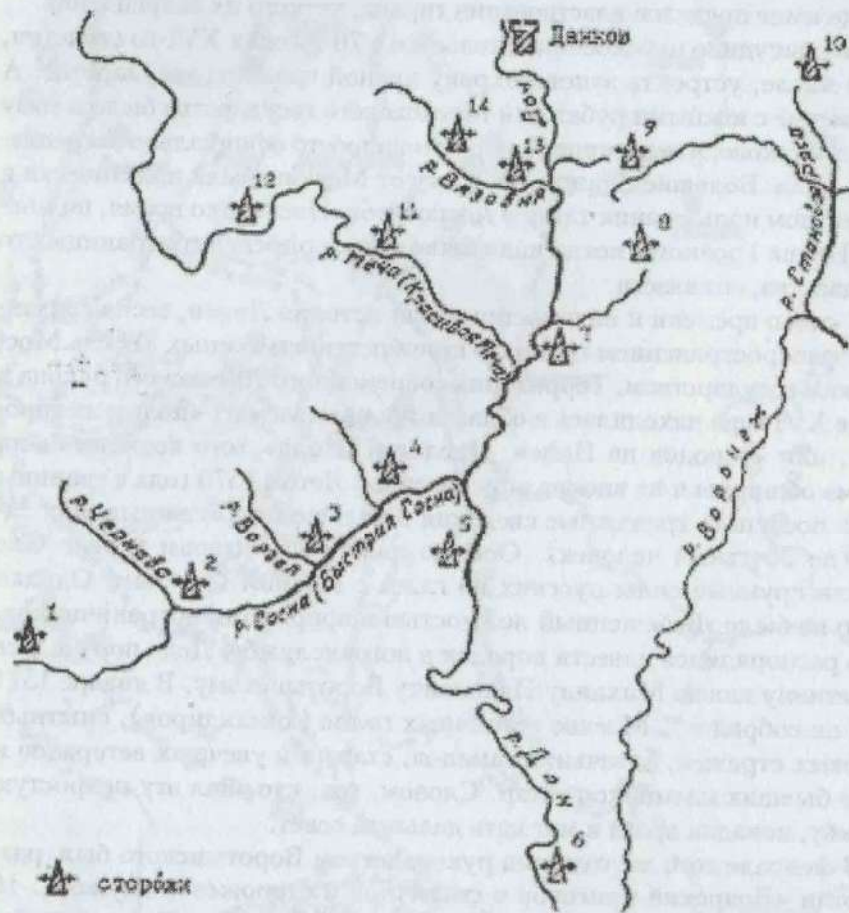

Схема расположения данковских сторож в 1571 г. 1 — сторожа «на Сосне усть Ливен». (25, с. 159).

человека от города. А всего данковский воевода был обязан контролировать 14 сторож. Среди данковских сторож Ливенская сторожа имела первый номер. В районе этих 73-х сторож были установлены особые знаки в южной степи, которые обозначили первую маркированную границу России. Так на том месте, где сейчас расположены Ливны был поставлен один из пограничных столбов первой официальной границы России, а вскоре возрожденные на этом месте Ливны стали одним из первых пограничных городов нарождавшегося централизованного Го-

сударства Российского. Поэтому Ливны, по праву, могут включить в перечень праздников, особо отмечаемых ливенцами, День Пограничника. Так при Иване Грозном начинает возрождаться поселение в районе древних Ливен. Пясецкий справедливо замечает, что «... не подлежит сомнению, что город Ливны, после долгого исчезновения из памяти истории, возван был к новой жизни царем Иоанном Васильевичем...» (52, с. 41). Однако продолжать интенсивное проникновение на Юг Грозный не захотел, да и не мог. У него были дела поважней на севере. В Ливонской войне шла борьба за обладание Балтийским берегом. Иван Грозный в этой войне не преуспел и был вынужден подписать унижительный мирный договор. Случилось это в 1582 году.

До проведения маркировки границы Московского государства лишь небольшая часть «Поля» формально считалась российским владением, а с 1571 г. можно говорить о попытке официального включения всего «Поля» в состав России. Такое присоединение южных земель в состав Московского государства, конечно, не признавалось Крымским ханством, Турцией, Речью Посполитой. Для закрепления границ «на Поле» должны были возникнуть постоянно существующие русские города, села.

Да и сама организация сторож на южной границе поначалу не дала ожидаемого эффекта. Сразу после начала их функционирования весной 1571 года крымский хан Девлет-Гирей, собрав за короткое время войско численностью до 120 тысяч, совершил молниеносный бросок на Москву. Сторожевая служба не смогла вовремя предупредить о наступлении татар. Крымчане застали врасплох Ивана Грозного, находившегося с опричниками в Серпухове. Царь бежал, оставив Москву на произвол судьбы. Девлет-Гирей сжег Москву дотла, в городе погибло около 80000 человек. Иван Грозный получил от хана урок, который надолго запомнил, и сделал из него выводы. Уже в следующем году войска Девлет-Гирея, пытавшегося повторить свой успех, были разбиты русскими войсками на дальних подступах к Москве. Успеху операции, которую возглавил воевода Михаил Воротынский, способствовали во многом заблаговременные сообщения служилых людей из сторож о приближении татарских войск. Сторожевая служба начала приносить государству пользу. В это время сторожам в районе бассейна реки Сосны Москва уделяло особое внимание. Особенно значимой считалась сторожа на Сосне «усть Ливны» на том месте, где расположен сейчас город Ливны. Связано это было с тем, что возле этого места сходились несколько татарских саек, дорог, по которым крымчане ходили на Москву. Здесь встречались Муравский, Изюмский и Калмиус-

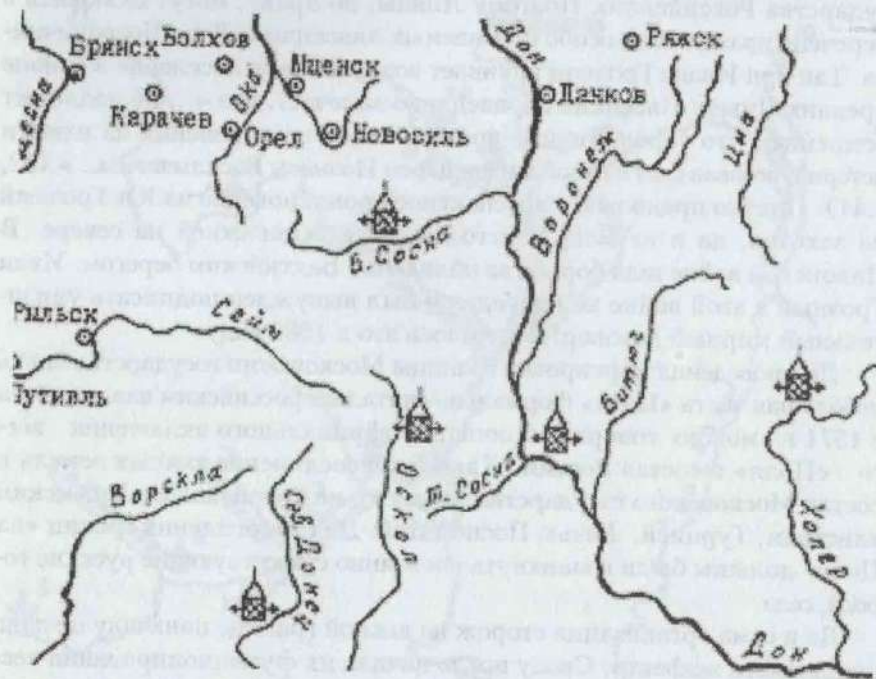

Схема расположения общероссийских сторож

Условные обозначения:

 — общероссийские сторожи
(25, с.181)

ский шляхи.

Потому в 1575 г. было принято решение о создании на этом месте новой общероссийской сторожи «на Сосне усть Ливен», причем под командованием воеводы, а не стоялого головы. Первым воеводой на Сосну был послан в 1575 г. М. Д. Карпов. Вместе с ним на все лето были отправлены станичные головы, станичники, вожи и сторожа. Для размещения служилых людей и обеспечения нормального функционирования не просто сторожи, а общероссийской сторожи, людьми Карпова на высоком берегу Сосны был построен малый острожек, который впоследствии стал ядром нового города-крепости на реке Сосне. Но, как свидетельствуют разрядные книги, и у этого поселения был уже статус города.

Вот какие записи есть в Разрядных книгах: «Тое же весны (7083 –

1575 – Ю.Б.) велел государь быти воеводам от поля по украиным городом (подчеркивание Ю.Б.): (53, с.229).

(Перечисляются воеводы на Туле, Деделове, Новосили, Резани, Пронске, Ряскове, Донкове, Мценске, Ореле – Ю.Б.).

В этом же перечислении есть запись: «На Сосне на Ливнах Михайло Долматович Карпов да Посол Ивашкин». (53, с. 230). Получается, что на украинном городе Ливны на Сосне были назначены воеводы. А, значит, город Ливны в 1575 году уже существовал. В Разрядной книге за 1576 год есть запись: «Того же году (7084 – 1576 – Ю.Б.) с весны велел государь быти воеводою по украиным городом (подчеркивание Ю.Б.):... (53, с.236).

На Сосне на Ливнах воевода князь Иван Петрович Залуца Охлябин да голова Михайло Глебов». (53, с.237). Новый город Ливны (Ливна) получил своё название по протекавшей здесь реке с учётом находившегося рядом древнего городища, имя которого Ливна сохранилось в людской памяти ещё с прошлых времён. В этих случаях, как отмечает Д.А. Ляпин, «...в процессе градообразования наименованию городов придавалось большое значение. Сознательно государственной властью с учётом сохранившейся исторической памяти населения подчёркивалась связь и преемственность между прошлым и настоящим, доказывалась историческая принадлежность города к русским землям».

Записи в Разрядной книге за 1575 и 1576 годы свидетельствуют о том, что в эти годы Ливны существовали уже как город. На мой взгляд, эта Разрядная книга может служить достоверным и достаточным источником для фиксации тех или иных исторических событий, в т.ч. и касающихся города Ливны. Вот что пишет о «Разрядной книге 1550 – 1636 гг.» один из крупнейших специалистов по переводу и публикации Разрядных книг В.И. Буганов: «В настоящем томе публикуется разрядная книга 1550-1636 гг., принадлежащая к типу сокращенных редакций этого важнейшего исторического источника...»

Публикуемая же разрядная книга, по всей вероятности, вышла из официальной канцелярии правительства - того же Разрядного приказа. Ввиду этого она отличается в лучшую сторону от предыдущей сокращенной редакции 1605 г. - ей свойственны гораздо большая точность в передаче текста пространной редакции, продуманность в построении материала, отсутствие небрежностей, ошибок, случайности в выборе записей, которые характерны для редакции 1605 г., и др. подобного типа сокращений, выписок из пространной редакции...

Сокращенная редакция 1636 г., имеющая ряд новых сведений в сравнении не только с сокращенной редакцией 1605 г. и «Государевыми

разрядами» ХУ1 - нач. ХУП вв., но и с пространной редакцией, является, таким образом, вполне самостоятельным источником, который имеет большую ценность для научного исследования». (53, с.3-6). Поэтому у нас есть все основания доверять приведенным в этой книге записям, относящимся к городу Ливны.

До сих пор при определении даты основания г. Ливны основным документом считалась запись от 1 марта 1586 года, взятая из «Сторожевой книги», которая гласит, что «И 94 году (1586 – Ю.Б.) марта в 1 день боярин Никита Романович Юрьев сей (эти – Ю.Б.) росписи слушал и приговорил: на Осколе усть Убли и на Дону на Богатом Затоне стоялым головам нестояти. По государеву, цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу и по приговору бояр князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи на Сосне не доезжая Оскола два днища поставить велено город Ливны; а на Дону на Воронеже не доезжая Богатово Затону два днища велено поставить город Воронеж; а быти на Ливнах и город ставити воеводе князю Володимеру Васильевичу Кольцову Мосальскому да Лукьяну Хрущову».

Однако эта запись не стыкуется с записью в Разрядной книге (1550-1636 гг.), которая гласит: «Тово же году (7094 – 1586 – Ю.Б.) велел государь поставити город Воронеж усть Дону на реке Воронаже.

Тово же году (7094 – 1586 – Ю.Б.) на Ливнах были воеводы князь Володимер Васильевич Кольцов Мосальской да голова Лукьян Хрущов». (54, с.29-30).

Эта запись свидетельствует о том, что в 1586 году Ливны уже существовали и построены они были раньше, не позднее 1575 года.

Как объяснить тогда появление записи в «Сторожевой книге» в 1586 году, а еще ранее в Пискаревском летописце в 1584 году о якобы строительстве нового города Ливны? Напомним, что запись в Пискаревском летописце: «Того же го[ду] 92-го.... (7092 год по новому летоисчислению начинался 1 сентября 1583 г. и заканчивался 31 августа 1584 г. – Ю.Б.) ...великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии великим хотением и желанием разпростирает Рускую землю, аки древний сродник его великий князь Владимир, крестившу Рускую землю святым крещением: приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичю Годунову да дьяку ближнему своему Андрею Шелкалову города ставити на поле и в Сивере, и к Астарахани, которая за много лет запустевша от безбожных агарян и от межуусобных брани: елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Манастырев и иныя многия польския и сиверския».

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Разрядная книга

1550-1636 гг.

I

МОСКВА 1975

В Пискаревском летописце в отношении города Ливна и других есть фраза: «города ставити». Посмотрим на значение глагола «ставити» (ставить). У В. Даля в его «Толковом словаре» (20, с.310) у глагола «ставити» наряду со значением «строить» приведено значение – «устраивать, приводить в порядок». Т.е. в Пискаревском летописце, как впрочем и в «Сторожевой книге», речь, видимо, шла не о строительстве нового города, а о «приведении в порядок» существовавшего, но отвечавшего новым потребностям обороны государственной границы, города Ливна. И это является еще одним подтверждением того, что Ливны существовали уже в 1584 году и основаны они были еще в 1575 году. Тогда-то началась новая история Ливен.

Тое же весны велел государь быти воеводам от поля по украиным городом:

д. 118
об.

На Туле князь Борис Васильевич Серебреной, Никита Иванович Очин Плещеев, голова Декис Ивашкин. И князя Бориса не стало, а был князь Данило Нохтев.

На Дедилове князь Ондрей Иванович Хворостинин, голова Михайло Глебов.

В Новосили Раман Плещеев.

На Резаи наместник и воевода князь Петр Иванович Хворостинин да Никита Ржевской.

В Пронску князь Иван⁸⁶ Петрович Залуца Охлябинин да Игнатей Кобяков.

В Ряском Дьяк Ржевской.

7088

В Донкове князь Василей Дмитриевич Хилков да Ондрей Яковлев сын Измайлов.

Во Мценску Раман Дмитриевич Бутурлин да Дмитрей Мячков.

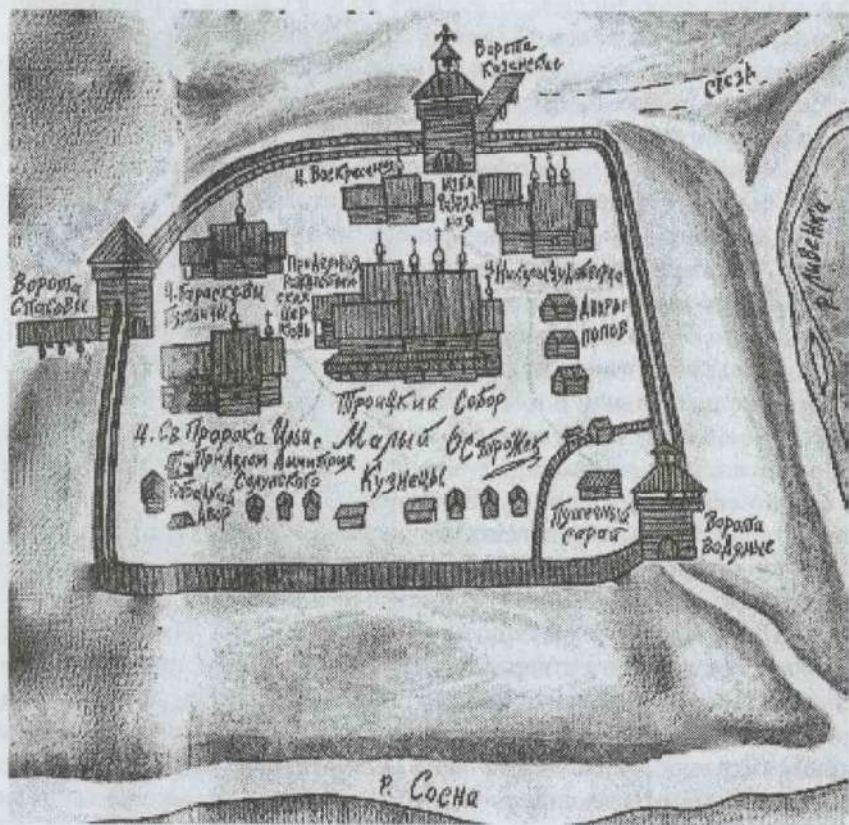
На Арле князь Михайло Федорович Гвоздев да Иван Фустов.

На Сосне на Ливнах Михайло Далматович Карпов да Посол Ивашкин.

Запись о назначении воевод на Ливнах в Разрядной книге. (54, сс. 229- 230).

В 1575 году воевода М. Карпов основал на Сосне при впадении в нее реки Ливны укрепленный пункт, малый острожек, в котором разместились и несли службу служилые люди из окрестных городов.

Описания того острожка, датируемого концом XVI-го века, не сохранилось. А вот из приправочной книги 1615 года можно составить пред-

Малый острожек 1616 г. (32).

ставление о том острожке, который возвел воевода М. Карпов со своими людьми в 1575 году. По размерам он был такой же, т.к. крепостные стены вряд ли перемещали в течение сорока последних лет существования острожка. А вот построек внутри него было в 1575 году, скорее всего, несколько меньше. Однако нет сомнения, что Троицкий Собор был построен при закладке крепости. В то время закладка городов происходила в определенном порядке. Соборная церковь строилась вместе с крепостными стенами и освящалась в честь того святого или церковного праздника, в день которого она была заложена. Название соборной церкви не менялось, даже если город и она сама разрушались и возводились вновь. По переписной книге 1615 года в Ливнах

соборной церковью числилась церковь во имя Святой Живоначальной Троицы. Значит, Ливны в 1575 году закладывались в день Троицы. А он у православных празднуется с мая по июнь в зависимости от года. Выходит, что крепость Ливна была заложена не позднее июня 1575 года, а ее строительство завершили, скорее всего, до зимы.

Ливенский острожек, который стоял на месте нынешнего городского сада, был построен на высоком каменистом мысе при слиянии рек Сосны и Ливенки. Деревянные крепостные стены образовали неправильный шестиугольник. На территории острожка были возведены, по крайней мере, две церкви. Уже упоминавшийся Троицкий собор и церковь Святого Пророка Илии, которые в приправочной книге 1615 года названы ветхими, т.к. к 1615 году успели обветшать. Крепость имела несколько башен, в том числе не менее трех проездных.

Место на Сергиевской горе для крепости было выбрано очень красивое (хотя в XVI-м веке строители Ливен об этом вряд ли задумывались) и в некоторой степени уникальное. Об этом в своих воспоминаниях восторженно пишет известный ученый-ливенец Пустовалов Л.В.: «Мне посчастливилось исколесить Советский Союз и побывать во многих странах Европы, Азии и Африки. Я видел много действительно красивых пейзажей и выдающихся явлений природы. Именно поэтому я беру на себя смелость утверждать, что далеко не все ливенцы отдают себе отчет в том, около какого чуда природы они живут. Я имею ввиду поразительный вид на широкие, бескрайние, чисто русские просторы, открывающиеся с Сергиевской горы на протекающую внизу реку Сосну и безграничные, спокойные и в то же время величественные дали.

Такой вид я видел только в двух местах: в Ливнах и в Киеве. В Ливнах под Сергиевской горой течет р. Сосна, а за ней простираются необозримые засосенские дали. В Киеве под Владимирской горой протекает Днепр, а за ним широко раскинулись заднепровские дали. Эти два пейзажа очень близки между собой. Они неповторимы и незабываемы.

Ливенцы имеют счастье в любое время любоваться одним из них. Я часто вспоминаю Сергиевскую гору и открывающийся с нее вид грандиозных просторов неопишуемой красоты и величия...». (АРАН, Ф-1630, Оп.2. Л.3).

Общероссийская сторожа во главе с воеводой «на Сосне усть Ливен» была сохранена и в следующем 1576 году. Воеводами, как уже было сказано, в 1576 году «на Сосну» были назначены князь Иван Охлябинин и Михайло Назарьев, идти им туда предлагалось с ратными людьми из Новосили. В 1577 году общероссийскую сторожу, по ряду причин, в Ливнах было решено не выставлять. Из этого следует,

*Иван IV Васильевич (Иван Грозный) 1530-1584
Великий князь Московский
в 1533-1584
Русский Царь в 1547-1584
годах*

«...что общероссийский сторожевой пост во главе с воеводой при впадении речки Ливены в Быструю Сосну существовал только в 1575 и 1576 гг. В сентябре 1576 г. он подвергся нападению татар. Весной 1577 г. боярин Н. Р. Юрьев и дьяк В. Я. Щелкалов, ведавшие сторожевой службой, решили его не выставлять по географическим соображениям: «потому что донецкие и оскольские и донские головы стоят на Поле дале ливенских воевод и вести от тех голов про крымских и про ногайских людей к государю наперед ливенских воевод бывают». (25, с.180). Итак, общероссийский пограничный пост, сторожа, «на Сосне усть Ливен» просуществовала 2 года. Однако это не значит, что перестал существовать сам город Ливны. Хотя воеводы туда до 1586 года не назначались, постройки острожка сохранились, в том числе и церкви. Здесь все эти годы существовал сторожевой пост. В Государевой грамоте за 1577 год о посылке

сторожей на польские сторожи из Донкова упоминается сторожа «...на Сосне усть Ливен, а сторожем на ней быти из Донкова, из Епифани, из Дедилова, из Мценска, из Новосили десяти человеком из города по два человека, а беречи им от усть Ливен на право до усть Трудов верст с шесть, а на лево до усть Кунача верст с пятнатцать!». (1).

О том, что город сохранился свидетельствует и уже приводившаяся запись в Разрядной книге, которая гласит: «Тово же году (7094 – 1586 – Ю.Б.) велел государь поставити город Воронеж усть Дону на реке Воропаже.

Тово же году (7094 – 1586 – Ю.Б.) на Ливнах были воеводы князь Володимер Васильевич Кольцов Мосальской да голова Лукьян Хрущов». (54, с.29-30). Из этой записи следует, что в 1586 году воевода и голова в Ливны назначались как в существующий город. Когда речь шла о строительстве города, то запись делалась так, как это написано в

Федор Иванович
Русский Царь в 1584 —
1598 годах

отношении Воронежа.

А незадолго до этого ушел из жизни Иван Грозный. Сказался его «нездоровый» образ жизни. «Ему только было пятьдесят лет с небольшим, а он казался дряхлым, глубоким стариком. В начале 1584 года открылась у него страшная болезнь: какое-то гниение внутри; от него исходил отвратительный запах». (34, с. 517). Врачи не помогли, и 17 марта 1584 года тиран оставил этот, так ненавидевший его, мир. Наследников у Грозного осталось двое: малолетний Дмитрий и слабоумный Федор. Ни тот ни другой реально править страной не могли. В результате борьбы боярских партий 4 мая 1584 года дума признала царем Федора. Вот что новый царь из себя представлял. «Царь Федор Иванович был человеком небольшого роста, опухлый, с бледным лицом, болезненный; он

ходил нетвердыми шагами, и постоянно улыбался. Когда польский посланник Сапега представился ему — Федор, одетый в царское облачение с короной на голове, сидел на возвышенном месте и с улыбкою любовался своим скипетром и державным яблоком, а когда проговорил несколько слов тихим и прерывистым голосом, то Сапега сделал такое заключение: «хотя про него говорили, что у него ума немного, но я увидел как из собственного наблюдения, так и из слов других, что у него вовсе его нет». (34, с. 567). А страной кто-то должен был управлять. И некоронованным царем России стал боярин Борис Годунов. Пришло его время.

Первое чем занялся Годунов, так это строительством городов, любимым делом всей своей жизни. Этому хобби правителя России, видимо, и были обязаны своим третьим рождением Ливны. Формально все государственные акты и практические дела во время царствования Федора Ивановича подписывались и приписывались ему, а на деле их автором был Борис Годунов. «Безвольный, добрый и благочестивый Федор, который начинал свой день с молитвы: «Дай, Господи, никому не сделать ничего плохого», находился «в полной воле» Годунова, практиче-

ски самовластно управлявшего страной от его имени». (19, с. 210).

Не успел Годунов начать властвовать, как распорядился строить новые и укреплять старые города на границах государства. Не оставил он без внимания и южные границы страны. Об этом свидетельствует запись в Пискаревском летописце, касающаяся и Ливен тоже. Распоряжением нового царя Ливнам был вновь придан статус общероссийской пограничной заставы, военного города, начавшего играть заметную роль в колонизации южных окраин Московского государства.

Назначенные в Ливны новый воевода князь Владимир Васильевич Кольцов - Мосальский и боярин Лукьян Хрущев начали с восстановления уже имевшихся построек и сооружению Большого острога в Ливнах еще в конце 1585 года, а уже весной 1586 года они направили ливенцев в сторожи, закрепленные теперь за ливенским гарнизоном. Как это происходило можно видеть из росписей ливенских строж.

«Роспись сторожем Ливенским.

1-я сторожа под Котельским лесом, а быти на ней сторожем 6 человек с Ливен, а переезжати им на лево до Погорелово лесу и до верх Девици, а проезду днища, а назад тоже.

2-я сторожа в Пузацком лесу, а быти на ней сторожем с Ливен 6 человек, а переезжати на право вниз по Семи до Высады, а проезду полднища, а назад тоже, а на лево до верх Оскольца, а съезжатца им с теми сторожми, которые стоят с Ливны же на Семи у Мелового броду, а проезду днище и назад тоже.

3-я сторожа на Семи у Мелового броду, а быти на ней сторожем с Ливен 6 человек; а переезжати им вниз по Семи верст с пятнатцать до Индинсково городища, а верх по Семи до Высады, а съезжатца им с Пузацкими сторожами с Ливенскими, а проезду днища, а назад тоже.

4-я сторожа вверх Долгово Колодезя на Муравском шляху, а быти на ней сторожем с Ливен 3 человека, а переезжати им на лево (к) х Щеневои верст с семь а направо беречи к Тиму.

5-я сторожа верх Свешен, а быти на ней сторожем 4 челов. с Ливен, а переезжати им на право до Ольми верст с дватцать; а на лево до верх Снав Донских, а переезду их до верх Снав верст с дватцать.

6-я сторожа на Муравской же дороге под Мокрецким лесом, а быти на ней сторожем с Ливен 3 человеком, а беречи им Муравской дороги.

7-я сторожа на Сосне усть Трудов выше города, а быти на ней сторожем 3 человеком с Ливен, а беречи им на лево вниз по Сосне с

году воеводой Карповым.

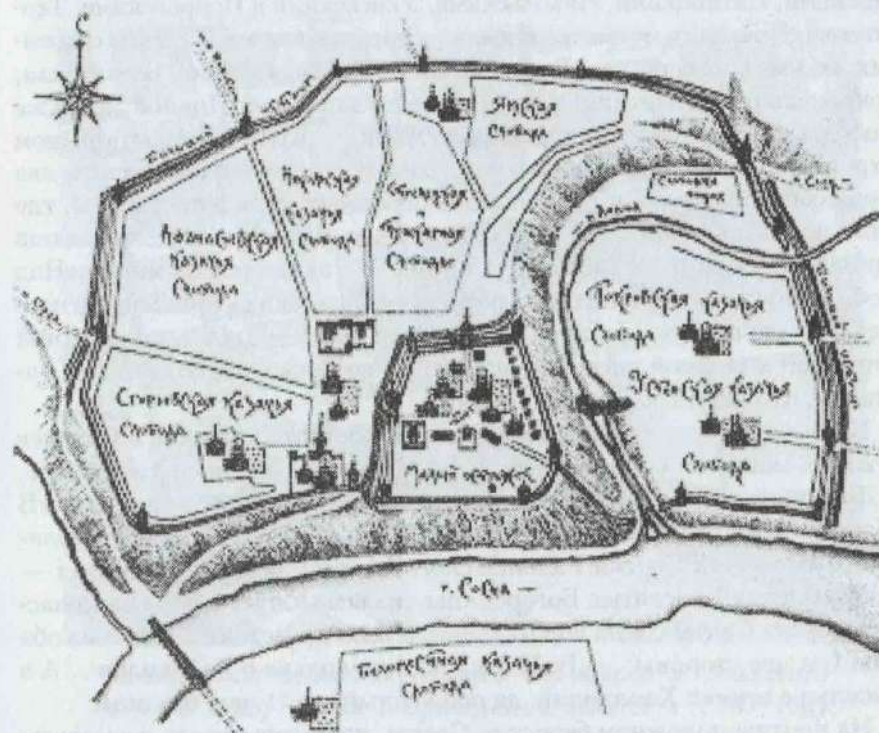
Говоря о статусе возрожденного города, можно констатировать, что ранее, в 1575 году, и теперь, в 1586 году, Ливны были не центром народнохозяйственной жизни своего уезда, а формировались, как центр административно-военный. Главная задача – охрана рубежей государства. Но она невозможна была и без развития хозяйства, т.к. материальной основой существования служилых людей, постоянно проживавших с 1586 года в Ливнах, было их хозяйство. Государство выделяло для обеспечения функционирования пограничного войска очень малые средства, но щедро раздавала земли, возделывание которых и должно было дать ресурсы для снабжения всем необходимым служилых людей и их семей.

Ливны в конце XVII-го века

Анализ архивных документов XVI – XVII веков показывает, что восстановление и расширение г. Ливны началось в конце 1585 года (см. Ю. Бондарев «Ливны изначальные» и др.). Воеводе Кольцову-Мосальскому и голове Хрущеву предстояла большая работа по восстановлению сохранившихся зданий в Малом острожке и его крепостной стены, а так же строительство Большого острога, второй, новой крепостной стены, охватывающей территорию вокруг Малого острожка. Внутри Большого острога заключался и весь посад, слободы. Окончено строительство Большого острога было, видимо, только в начале 1587 года. (52, с.46).

«Вероятно, вскоре после окончания строительства был составлен и отослан в Москву чертеж новопостроенного города, во всяком случае, согласно описи царского архива XVI в., в числе прочих там хранился и чертеж города Ливны, утраченный, видимо, в годы Смутного времени (1604-1612)». (42, с.82).

Возрожденный трудами служилых людей и строителей город приобрел новый, более внушительный для врагов вид. Если посмотреть на него с высоты орлиного полета, то можно было увидеть на берегу Сосны, окруженную с севера и запада дремучим лесом с стороны крепость, центр которой занимал «Малый острожек», служивший кремлем... «Он представлял в плане неправильный шестиугольник и был обнесен острогом с тарасами, который с напольной стороны стоял на земляном валу. В стенах имелось несколько глухих и не менее трех проезжих башен. Подступы к стене преграждали надолбы. Внутри

Ливны в начале 17 в. (до 1618 г.). (42, с. 83).

Малого острожка помещались разрядная изба, где сидели дьяки и подьячие, ведавшие делопроизводством, казенный погреб с оружием и пороховыми запасами...». (42, с. 81 – 83).

На территории Малого острожка находилось несколько церквей: соборная во имя Святой Живоначальной Троицы с приделом Рождества Богородицы, Святого Пророка Илии с приделом Святого Дмитрия Солунского, Св. Вмч. Параскевы Пятницы, Николая Чудотворца, Воскресения Господня. Кроме того в острожке находились: лавки, которые принадлежали стрельцам, казакам и прочему служилому люду, столы (столовые- Ю.Б.), кузницы и кабак.

«Малый острожек огромным полукольцом охватывал Большой острог, периметр его стен составлял около двух верст. Он занимал обширное пространство в междуречье Сосны и Ливны и левобережье речки Ливны. Его укрепления были аналогичны крепостным стенам Малого острожка и имели 7 башен с воротами: Потайными, Егорьевскими, Афана-

ла по краю возвышения перед РДК. Малый острожек занимал всю территорию городского сада и часть площади Победы.

Стены Большого острога располагались с запада в районе нынешней улицы Дружбы Народов. С севера крепостная стена имела выпуклую форму. Ее дуга начиналась на западе на перекрестке улиц Свердлова и Дружбы Народов, пересекала месторасположение здания ГИБДД, профучилища №4 на ул. Горького, РКЦ на ул. Ленина, городской бани на ул. К. Маркса, территорию многоквартирных домов на ул. Крестьянской и заканчивалась недалеко от перекрестка ул. Свердлова и Рабочей. От этой точки начиналась восточная стена Большого острога, которая простиралась на юг, пересекая ул. Свердлова, речку Ливенку, и выходила на ул. Красова в Заливенке, упираясь своим южным концом в берег Сосны. Южная крепостная стена Большого острога проходила вдоль берега реки Сосны от ул. Дружбы Народов до ул. Красова. Еще раз отметим, что эта стена была возведена при возрождении Ливен и имела такую же конструкцию, как и стены Малого острожка. Простояла она недолго, до 1618 года, когда ее уничтожили огнем черкасы под предводительством атамана Сагайдачного. После этого крепостную стену Большого острога не восстанавливали.

Следует еще раз подчеркнуть, что все эти строительные работы по возведению города велись в основном силами и, что удивительно, «...на средства ливенских детей боярских и служилых людей по прибору (стрельцов, казаков, пушкарей, затинщиков и воротников). Необходимо было выполнить большой объем земляных работ (выкопать траншеи под фундамент крепостных сооружений, ров, погреба для складов), заготовить и доставить лесоматериалы и, наконец, под руководством опытных мастеров построить все перечисленные здания и сооружения. Мы даже приблизительно не можем представить объем денежных и трудовых затрат ливенских детей боярских на строительство острога и официальных зданий и сооружений. Думаем, что эти объемы были весьма значительны». (41, с. 68).

В 1587 году основные строительные дела были завершены. Расширялась сфера деятельности ливенского гарнизона. Уже с весны 1587 года ливенцы не только несли службу на сторожах, но и организовывали посылку станиц в близлежащие места в сторону крымских татар.

«А 95 (1587 – Ю.Б.) года марта в 4 день воевода князь Володимир Кольцов Мосальской сказывал: посылал с Ливен станицы к верху Донцу Северскому, а другую к верху Семи к Масленому долу, проезду для, а посылати пропущая меж станиц по три дни, да с Ливен же посылал станицу к Карпову сторожевую, а проезду с Ливен всего неделя, а стояти им по верху у Карпова сторожевья неделя по верху, и где

будет пригоже, да с Ливен же посылают станицы на Тихую Сосну к Каменному броду проезду неделя». (1, с.59).

Станица в XVI – XVII вв. представляла из себя небольшой конный отряд (60 – 100 чел.) из служилых людей и казаков, высланный в степь для охраны границ и наблюдения за основными путями движения крымских татар, совершавших набеги на земли Московского государства. В составе станицы был станичный голова, станичный атаман, проводники (вожи) и рядовые ездоки. В отличие от сторожи, станица выдвигалась далеко в степь и объезжала отдельные ее участки по заранее утвержденному маршруту, вела разведку, захватывала пленных и уничтожала небольшие отряды татар.

Однако посылка в «Поле» станиц не решала всех задач защиты границ государства. Вот и в 1587 году татары нанесли чувствительный удар по Московскому государству. Около 40-ка тысяч татар дошли до Крапивны и сожгли ее. Система обороны страны с юга в конце XVI-го века в летнее время состояла как бы из трех линий. Самая южная линия состояла из трех полков служилых людей, которые располагались в 1588 году в Туле, Дедалове и Одоеве. На южную границу государства в те годы направлялось только конных воинов около 65-ти тысяч. (25, с.206).

Войска выстраивались так, чтобы обеспечить безопасность Москвы. О безопасности украинских городов, к которым относились и Ливны, заботы было намного меньше. Практически эти города были предоставлены сами себе в противостоянии с могущими появиться в любое время крымцами или черкасами. Следует отметить, что служилые люди из «городов на Поле», к которым относились и Ливны, в полки украинного разряда не привлекались, а были сосредоточены на несении сторожевой службы и обеспечении своей собственной безопасности. Не всегда это получалось.

Так в 1590 году черкасы напали на Воронеж. Причем сделали они это, усыпив бдительность воронежцев своим враньем о том, что они пришли для того, чтобы вместе с воронежцами воевать против крымчан. Их пустили в город, накормили напоили. А ночью черкасы убили воеводу и много воронежцев с подошедшими основными силами их отряда, а город сожгли. Вот такие опасности поджидали служилых людей украинских городов.

**

Население Ливен составляли поначалу только служилые люди. Никаких поселений вокруг города до возрождения города в 1585 – 1587 годах в окрестностях Ливен не было. Из-за постоянных набегов крым-

*Поместная конница XVI век. В центре — воевода, слева — дворянин — ополченец, справа — боевой холоп.
Реконструкция С. Левитина.*

чан жить здесь в то время попросту было невозможно. Заселение Ливенской округи началось только с появлением здесь города и служилых людей в нем. Ибо они, собственно, и стремились на свободные, пока, земли с целью приобрести ее для своего существования. Можно однозначно утверждать, что Ливенскому уезду начало положил город Ливны. А с другой стороны, только от возделывания земли они могли получить средства для того, чтобы купить коня, оружие и прочую амуницию, которая была необходима для выполнения основных своих обязанностей, несения службы государевой. Выделяемые земельные участки назывались «дачами», размеры которых зависели от категории служивого и поступающего в раздачу земельного фонда.

Население Ливен, как и других городов, делилось на тяглые и «белое». Тяглые платили налоги. Это были посадские люди и крестьяне. Надо сказать, что в первое время в Ливнах крестьян практически не было. Они появились позднее, когда земли вокруг Ливен стали осваиваться для пашенного земледелия. Не облагались налогами только «беломестные» казаки, жившие за Сосной. Их риск в связи с набегами татар был наиболее велик и за это беломестных казаков от налогов освобождали. К служилым людям относились дети боярские, стрельцы и казаки, пушкарки и затинщики, городские воротники, казенные плотники и кузнецы. Они получали жалованье деньгами, хлебом, землями.

Бояр в Ливнах было мало. Из них происходили городские воеводы и головы. Зачастую они имели придворные чины. Двор воеводы в

XVI век. Стрелец, изготовившийся для стрельбы.

Ливнах в конце XVI века стоял на территории Большого острога, а не в кремле. Воеводы в Ливны назначались Московским правительством.

Привилегированным сословием служилых людей были «дети боярские». Это сословие появилось в России в связи с тем, что в свое время удельных княжествах образовалось очень много боярских фамилий, т.е. служилых родов, члены которых бывали в звании бояра. Но звание боярина жаловалось не всем членам боярских фамилий.

Члены боярского рода, еще не получившие звания бояра, в удельное время назывались детьми боярскими, которые стояли выше простых вольных слуг или дворян. Бояре служили в Москве, члены боярских родов, не носившие это звание, оставались на местах, нося звание детей боярских. Таким образом, сын боярский стал синонимом провинциального служилого человека. Дети боярские, дворянское ополчение были основой, ядром русского войска в XVI – XVII веках.

Вот и в Ливнах в конце XVI века основной ударной силой гар-

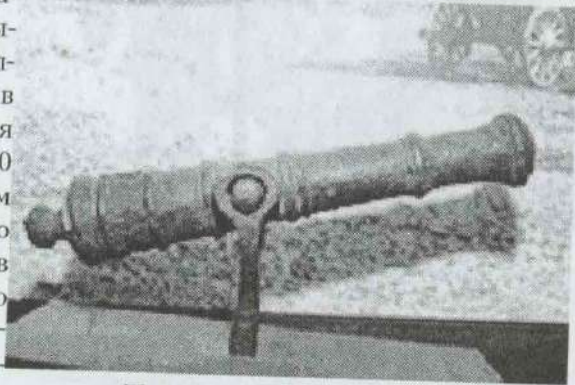

Городовые пушкарки XVI век.

низона была поместная (дворянская) конница, комплектовавшаяся путем «верстания», во время которого вновь поступающих на службу детей боярских наделяли поместным (земельным) и денежным жалованьем. В XVI веке дети боярские считались «новиками» (новобранцами) по достижении ими 15-летнего возраста. «Воины и служивые люди..., которых Великий князь (царь – Ю.Б.) за службу наделял землей – «помещал на землю» - стали называться помещиками». (9, с. 39).

Данные о количественном составе и структуре населения Ливен в конце XVI века не сохранились. Однако по аналогии с такими украинскими городами как Елец, Белгород, Оскол, в которых в начале их существования насчитывалось около 160 детей боярских в каждом из этих городов, можно предположить, что и в Ливнах в первые годы его существования (1585 – 1590) в составе гарнизона было не менее 150 детей боярских. Учитывая среднее соотношение детей боярских и других служилых людей в составе гарнизонов пограничных крепостей на южной границе, а оно было таковым, что дети боярские составляли обычно около половины численности населения крепости, можно предположить, что численность ливенского гарнизона в 1585 – 1590 годах составляла более 300 человек.

Еще одним способом комплектования вооруженных сил в конце XVI века была вербовка («прибор») на службу воинов из вольных людей. Таким образом набирались пушкарки и затынчики, стрельцы и «сторожевые» и «станичные» казаки, которые составляли большую половину ливенского гарнизона. Вместо поместного жалованья, полагавшегося служилым людям «по отечеству», детям боярским, приборные воины получали денежное и вещевое довольствие. Пушкарки, затынчики, служившие «за тыном», внутри города, и воротники несли службу в крепости, составляли крепостное войско. Служба их была пожизненной и переходила от отцов к детям. И в мирное время пушкарки и затынчики охраняли город. Воротники стояли на карауле в крепостях и в

Пушка - пищаль XVI в.

походах не участвовали. В Ливнах была еще одна разновидность служилых людей – ямщики, которые выполняли важную государственную повинность по перевозке лиц, находящихся на государственной службе, и государственных грузов, в т.ч. и почты. В XVI веке ямщики составляли особый класс и занимали место между крестьянами-землепашцами и служилыми людьми. Для выполнения своих обязанностей они должны были держать по три мерина. И все-таки большую часть служилых людей «по прибору» составляли стрельцы и казаки.

Стрельцы - воины, вооруженные огнестрельным оружием, саблей и бердышом. Они выполняли как военные, так и полицейские функции в гарнизоне. Служили в Ливнах стрельцы, набранные из разных городов Московского государства: Владимира. Смоленска. Ржева, Твери. Волхова, Костромы... Однако основу населения Ливен составляли рязанцы. В 2006 году Жерлицина М.С. в своей кандидатской диссертации в ходе исследования генетической структуры популяций юга Центральной России пришла к выводу, что «...за счет переселенцев из Рязанского региона в XVI в. было сформировано население г.Ливны...». (28, www.med-gen.ru/ar/ar_Jerlicina.doc). Эти исследования еще раз подтверждают рязанские корни ливенцев, хотя, конечно, в формировании населения Ливенского уезда и Ливен в XVI века приняли участие и выходцы из других юго-восточных территорий Руси, но не западных (белорусы).

Особый разряд служилых людей составляли воины «пушкарского чина». Кроме пушкарки и затынчики (действовавших в бою из малокалиберных орудий - затынных пищалей) к этому воинскому разряду относились мастера, изготовлявшие и чинившие «наряд», а также крепостные служители – воротники, рассыльчики и сторожа. Их количество было не так велико как стрельцов и казаков, но они играли важную роль в обеспечении боеспособности ливенского гарнизона.

В Ливнах строевые пушкарки и затынчики разделялись на две половины, которые попеременно несли полковую и городскую (гарнизонную) службу. В тех городах, где не было воротников, кузнецов и плотников, пушкарки выполняли их обязанности: запирали городские ворота, производили ремонт орудий и т.п. Как и другие «приборные люди», пушкарки и затынчики участвовали в строительстве и починке крепостей.

В XVII веке у русских пушкарки были особые отличительные знаки, изготовлявшиеся в виде круга, с нанесенным на него чеканным изображением головы льва с пушкой в пасти. Каждая из категорий ливенских служилых людей жила в Большом остроге в своей слободе. В большом остроге в конце XVI века располагались четыре слободы: Стрелецкая,

Пушкарская, Ямская и Казачья. Названия слобод соответствовали профессии служилых людей, проживавших в них. «Слобода Казачья состояла из пяти слобод: Егорьевской, Афанасьевской, Никольской, Покровской и Успенской. Из них Егорьевская и Афанасьевская принимались за одну слободу». (52, с.50 -51). Покровская и Успенская слободы находились за рекой Ливною. На правом берегу реки Сосны располагалась беломестная казачья слобода. Во всех слободах были свои церкви.

«Военные слободы служилых людей имели жесткую войсковую организацию. Здесь поддерживалась постоянная боевая готовность, возможность быстрой мобилизации войска на случай приближения неприятеля. В мирное время служилые люди занимались мелким ремеслом, обработкой оброчных пахотных земель и огородов.

Слободы не имели четкого пространственного разделения. Их границы были известны часто только их жителям. Сеть улиц вела к центру города. Часто улицы формировались вдоль дороги. Геометрическая прямизна улицы была необязательной, требовалась лишь ясность направления». (18, с. 169).

1591 год породил в Московском государстве зародыш последующих распрей и смут. В мае 1591 года страну ошеломило известие о неожиданной смерти царевича Дмитрия, единственного наследника Ивана Грозного, в Угличе. Начинается расследование угличского дела. Следственной комиссией руководил В. Шуйский. Комиссия сделала заключение о самоубийстве царевича по неосторожности. В стране же ходил так и не подтвержденный и не опровергнутый за столетия слух о намеренном убийстве царевича Дмитрия по указанию Бориса Годунова.

В обстановке неопределенности и всеобщей подозрительности в высшем эшелоне власти Московского государства в 1591 году состоялся последний безуспешный поход 150-тысячного войска Казы - Геря на Москву. На Ливнах в этом году воеводствовал князь Бутурлин Иван Михайлович, который имел большой боевой опыт. Это он в 1574 г. нанес поражение крымцам и ногайцам в битве при Печерниковых Дубравах; затем он был воеводою в Новосиле, Болхове, откуда ходил походом под Венден (1578) и Лифляндию, в Смоленске, где разбил наголову литовцев Кмита (1580). Помогал ему Князь Ондрей Звенигородский, происходивший из древнего русского княжеского рода, основанного потомком Рюрика в XIII колоне.

Первое донесение о приходе татар на московскую Украину было получено в Москве от сторожевого головы из Путивля 10 июня 1591 года. «Следующее донесение было получено из Ливен, от ливенских

воевод И. М. Бутурлина и А. Д. Звенигородского. Они писали о появлении в Ливнах татарина-перебежчика, сообщившего им о планах Казы-Гирея. Крымский хан, по словам перебежчика, ведет с собой войско в сто тысяч человек; он хочет «кош свой метать в Семицких Котлубанях», а оттуда идти прямо к Москве. Очень важным было и такое сообщение перебежчика, переданное ливенскими воеводами: «А войны де ему до Москвы не ропустить нигде».

Татарское войско пересекало территорию Центрального Черноземья на этот раз классическим путем — старинной Муравской дорогой. Упомянутое в документе ливенских воевод урочище Семицкие Котлубаны, где Казы-Гирей намеревался оставить обоз, находилось на Муравской дороге, в северной части современной Белгородской области. Реку Быструю Сосну татары форсировали восточнее Ливен, новая русская крепость Ливны татарам не помешала». (25, с.210).

Грабить южные земли России приходили не только татары, но и соседи, черкасы. В 1591 году, по случаю нападения малороссийских казаков на Путивльские станицы и сторожи по дороге к усть-Айдару и к усть-Боровой, состоялся следующий боярский приговор от 16 апреля: «Учинити на Ливнахъ две станицы добрыя, и съ ними vybrати вожей изъ казаковъ, или изъ какихъ людей пригоже. Да одну станицу добрую послати къ Донцу Северскому Царевою дорогою Муравскимъ шляхомъ; а другую станицу послати къ Донцу же Северскому до Изюмскаго кургана межъ Донца и Оскола, а перезжати той станице на Донце перевозки Башкинской, да Шабалинской, да Булуклейской, да Савинской, да Изюмской. А ездити темъ двумъ станицамъ теми двумя дорогами безпрестанно встречаясь, и вестей проведывать и ждаты большихъ вестей съ Ливень, чтобъ Крымский царь и царевичи и большие люди на Государевы украинны безвестно не пришли, чтобъ про царя и про царевичей и про воискихъ людей вестъ была за — долго до приходу». (52, с.46).

Анализ похода крымчан в 1591 году, а именно, легкость, с которой они миновали недавно построенные крепости Ливны и Воронеж, принудил царя принять решение о дальнейшем укреплении южной границы государства. Для этих целей «на Поле» в 1592-1597 годах были построены крепости Елец, Курск, Белгород и Оскол. Первым в этом списке стоит Елец, который был возрожден вблизи от старого городища на Быстрой Сосне недалеко от впадения ее в Дон в 1592 году. Возведение нового Ельца вели строители и служилые люди из нескольких российских городов. Деятельное участие в его сооружении приняли служилые люди из Ливен. По указу царя ливенскому воеводе И. М. Бутурлину было приказано направить на строительство Ельца «...шездесят человек казаков

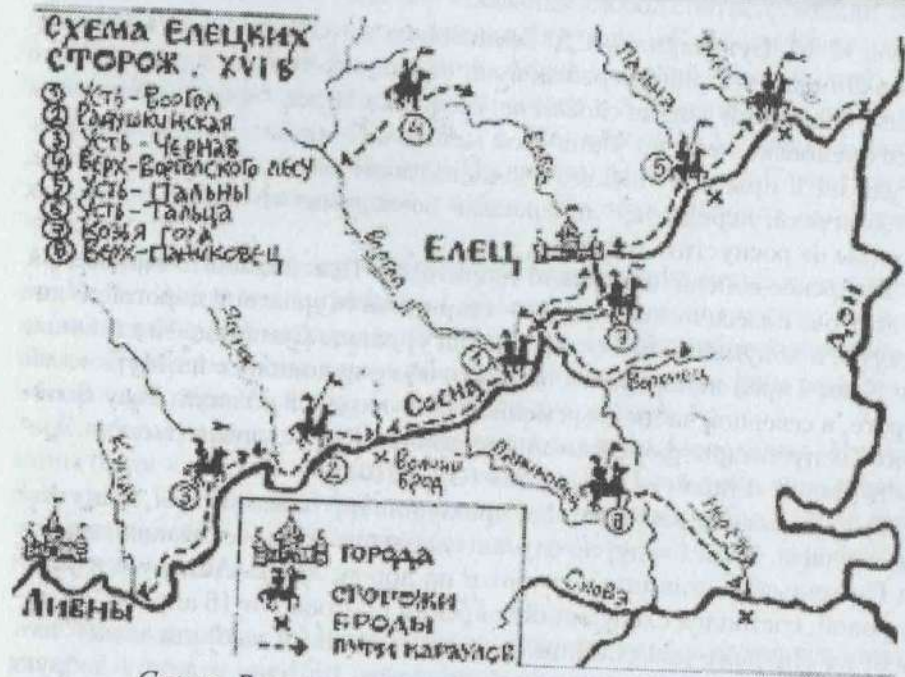

Схема Елецких сторож в XVI веке. (18, с.59).

ливенских налутчих, прожиточных и семьянистых». Бутурлин полностью и в срок выполнил царский указ. Прибывшие в 1592 году на стройку ливенцы, а теперь елецкие казаки, вскоре после начала службы в Ельце жаловались царю, что они добросовестно выполняют все обязанности по строительству Ельца, а вот их условия жизни никуда не годятся. В Ливнах их бывшие дворы ливенский голова Д.С. Яковлев отдал черкасам, да и в Ельце им ничего не платят. А живут они в таких условиях, в каких у них в Ливнах жила скотина. Они просили государя помочь им материально (пожаловать) и оставить за ними их дома в Ливнах. (56, с.36 – 37).

Такое положение дел в Ельце привело к тому, что многие казаки, в том числе и ливенские, которых силою привели в Елец на строительство города, из-за плохих бытовых условий на новой стройке государственного значения разбежались по другим городам округи (Данков, Епифань, Тула, Орел, Чернь, Новосиль). Тем не менее, несмотря на эти трудности, Елец был построен, а к Ельцу были приписана часть бывших донковских и ливенских сторож.

Однако от того, что городов «на Поле» в конце XVI века стало

больше, сама сторожевая служба не стала менее рискованной и опасной для жизни служилых людей, особенно для рыскавших по «Полю» станичников. Московское правительство стремилось возмещать потери тех, кто выезжал на дозорные станицы.

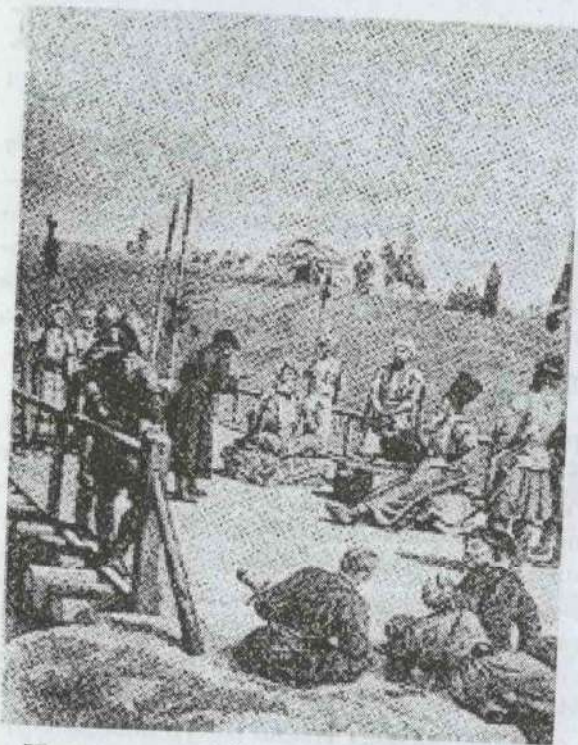
«В 1594 году вышел специальный указ царя Федора Ивановича о жалованье за убытки в сторожевой службе. Царь указал: «...Путивльским, и Ливенским, и Елецким станичным головам, и станичникам, и вожам за службу и за урон, и за полон давати свое государево жалованье за конь по 4 рубли, а за мерин по 3 рубли, а которого станичника или вожа на поле в станице убьют, и за его службу, и за убийство, и за изрон давати государево жалованье женам и детям их по 4 рубли»». (18, с.58).

Однако, несмотря на принятые меры по укреплению южной границы, уже в следующем году 80-тысячное крымское войско во главе с Фети-Гиреем и Бахты – Гиреем пришло «на тульские, каширские и резанские места» и взяло «полону много множество, яко и старые люди не помнят такие войны». Сторожевая служба проворонила поход крымчан к верховьям Дона, к Епифанскому уезду. Русское правительство попыталось хоть в какой-то мере снизить потери от нападения крымчан. Главная роль в этой акции отводилась ливенцам. «18 мая 1592 г. «государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велел посылати на Поля за крымскими царевичи с Ливны воеводу Ивана Бутурлина да Ортемья Колтовского, да голову Афанасья Зиновьева». Неизвестно, состоялась ли погоня русских воинов из Ливен за татарами. Если она и состоялась, то к успеху не привела. Из донесений гонца М. Протопопова видно, что татары пригнали в Крым весь захваченный русский полон и расценивали весенний грабительский набег в 1592 г. как весьма удачный». (25, с.217).

На этом походы крымчан на русские земли временно поутихли, но не прекратились совсем. Большую роль в снижении интенсивности набегов татар сыграла дипломатическая активность русского правительства, возглавляемого боярином Борисом Годуновым.

В эти годы Ливны были городом, где неоднократно проходили переговоры между Крымским ханством и Московским государством. Первая из этих русско-татарских встреч состоялась в 1593 году.

«В Ноябре 1593 года съехались знатные Послы, Ханский Ахмет-паша и Московские, Князь Федор Хворостинин с Богданом Бельским, на берегу Сосны, под Ливнами, для предварительного договора: сия река была тогда границею обитаемой, или населенной, России; далее к югу, начинались степи, приволье Татарское, и Вельможа Казы-Гиреев не

Переговоры 1593 года на Сосне под Ливнами. (Н. Дмитриев-Оренбургский).

сроки ливенцы построили через Сосну «дипломатический» мост. «Послы, сходясь на мосту, условились с обеих сторон прекратить неприятельские действия, освободить пленников, утвердить мир и союз навеки: для чего Крымскому Ширинскому Князю, Ишимамету, надлежало ехать в Москву, а Князю Меркурию Щербатову в Тавриду. Сии новые, Великие Послы, встретясь на том же мосту (через Сосну в районе Ливен — Ю.Б.), ласково приветствовали друг друга, и каждый отправился в свой путь. В залог дружбы Феодор отпустил к Хану жену Царевича Мурата, умершего в Астрахани; доставил Казы-Гирею 10000 рублей, сверх шуб и тканей драгоценных, обещая присылать ежегодно столько же; наконец имел удовольствие получить от него (летом в 1594 году) шертную или клятвенную, грамоту с золотою печатью». (30, с.105.). Эти переговоры воссоздал на своей картине художник Н. Дмитриев-Оренбургский.

хотел ехать на левый берег Сосны, боясь отдаться нам в руки и тем унижить достоинство Хана». (30, с.105.)

Татарские и Московские послы долго думали, как выйти из этой ситуации. Одни не хотели проводить переговоры в Ливнах, другие считали ниже достоинства своего государя вести переговоры на Ногайской стороне реки Сосны. Видя, что переговоры могут затянуться, русские переговорщики Хворостянин и Бельский предложили крымчанам обсудить мирный договор на нейтральной территории, посредине реки Быстрой Сосны, чтобы никому обидно не было. Этот вариант устроил обе стороны. В короткие

Вместе с тем, практические мероприятия по расширению земель на юг не прекращались. В 1595 году с ливенскими сторожами на Быстрой Сосне на западе вошли в соприкосновение еще семь новых сторож, которые ставились из нового города Кромы. В следующем, 1596 году, на Поле появились еще три города: Белгород, Курск и Оскол.

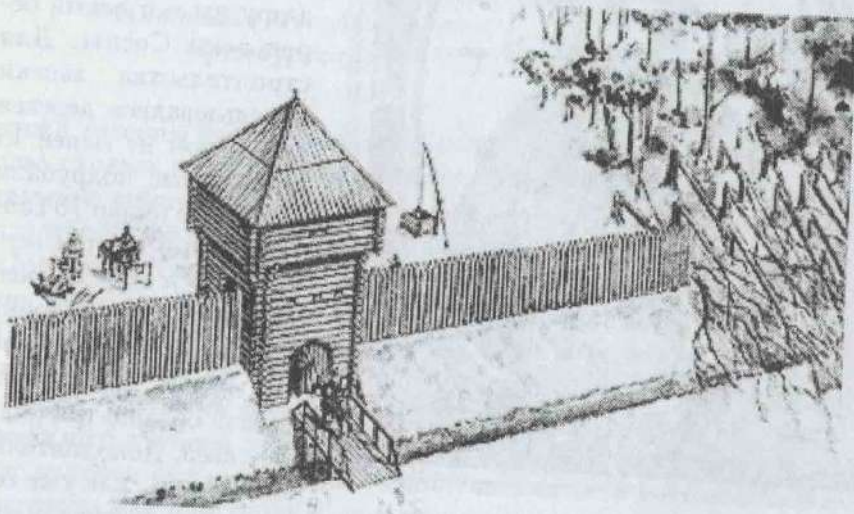
А Ливенская крепость, готовясь к будущим набегам врагов, продолжала укрепляться. В 1595 году думный дворянин Вельяминов-Воронцов сделал близь Ливен засеку. (52, с.46). Однако это была не одна из тех засек, которые устраивались на засечной черте между острогами и крепостями в виде сплошных лесных завалов и протяженность которых составляла многие сотни километров. Это засека была предназначена для дополнительной защиты города. В то время вокруг Ливен с северной и западной стороны стоял вековой лес, поэтому и была возможность создания засеки вокруг города. Чертежи ливенской засеки не сохранились, но, скорее всего, она охватывала Большой острог полукольцом с северной и западной стороны, упираясь одним концом в правый берег речки Ливны, а другим — в левый берег реки Сосны. Для строительства засеки использовались деревья диаметром не менее 15 см, которые подрубали на высоте около 70 сантиметров и валили вершинами в сторону возможного удара. Ширина завала составляла около 100 метров, для чего засекали обычно три ряда деревьев. Дополнительно к завалу, как уже говорилось, создавали искусственные укрепления — частоколы, надолбы,

Борис Годунов
Русский Царь в 1598 — 1605 годах

волчьих ямы. Для проезда через засеку строились ворота.

Продолжала совершенствоваться сторожевая и станичная служба. Текст Устава 1571 года пополнялся новыми положениями, а значение Ливен в охране южной границы Московского государства становилось более весомым. В 1595 году ливенскому воеводе Полеву И.О. 20 марта была направлена из Разрядного приказа грамота, которая дополняла и уточняла некоторые положения Устава 1571 года. В соответствии с этой грамотой ливенские стоялые головы заменяли своих коллег из Деделова на охране границы в районе реки Оскол. Увеличивалась численность отряда для несения сторожевой службы на реке Оскол со 100 человек до 300. Да и отряд этот должен был теперь обеспечивать не только наблюдение за перемещением татар, но и патрулировать границу в определенных грамотой пределах, пресекая проникновение малых банд татар на территорию южных уездов Московского государства. В обязанность станиц входила также добыча языков и доставка их в ближайшие города и Москву. Недобросовестное исполнение своих обязанностей для стоялых голов грозило смертной казнью. А общая задача по охране границы для стоялых голов ставилась так: «...чтоб бес посылков и бес сторожей на поли не было ни на один час, чтоб крымской царь, и царевичи, и воинские люди на наши Украинны безвестно не пришли и нашим бы украинном никакой порухи не было...».

Засека (справа) с проезжими воротами.

(27, с.184).

Конец XVI - начало XVII веков был временем правления в России Бориса Годунова. Еще в 1594 году Борис Годунов был официально назначен правителем Московского государства, председателем правительства (каковым он уже фактически являлся и ранее).

А после кончины в январе 1598 года Федора Иоанновича Борис Годунов был венчан на Царство и правил страной до 1605 г. Борис Федорович Годунов был избран на царство Собором и возведен на трон Патриархом. Хотя некоторые историки утверждают, что он, на самом деле, был законным сыном царя Федора Иоанновича. (12, с. 38).

К концу XVI века противостояние русского государства с агрессивными южными соседями была далека от завершения. Предстояли еще десятилетия кровавого противостояния и дипломатических переговоров. Но расширение на юг русского государства продолжалось неуклонно. Царь Борис продолжил русскую экспансию на юг, и по его указу на Поле в 1599 году были построены еще два города Царев-Борисов и Валуйки. В этом процессе значение Ливен с годами возрастало, а город менялся вместе с изменением внешних условий на южной границе российского государства.

Воеводы на Ливнах в XVI-м веке

Рассматривая историю Ливен конца 16-го века, первых годов существования города как крепости на южной окраине Московского государства, нельзя не сказать о тех людях, которые руководили освоением земель Ливенского края в то время. Первым лицом в этом деле считался, несомненно, воевода, практически получавший от правительства неограниченную власть. Ливенский воевода следил, чтобы «не было непристойных речей про государя», провинившихся сажал в тюрьму, наблюдал, «чтобы люди вина не курили, в летнее время в великие ветры изб и мылен не топили». Его подчиненные разыскивали «зажигальщиков пожаров», отвечали за то, чтобы «пороха, свинца, вина и других заповедных товаров на Дон не провозили». Воеводы руководили и городом, и уездом.

Ливенские воеводы, как впрочем и воеводы других «польных» городов, во все времена отличались жадностью и взяточничеством. Подношения были обычным делом. Для учета взяток велись даже

специальные книги. Обращаясь к воеводе, его подопечные несли, кто что мог. Иначе с ними просто не желали говорить или беседа принимала нежелательный поворот. Да и как можно было просто так появиться пред очами администратора, если каждый знал, что воевода лично набирает войска, «разверстывает службу между служилыми людьми», рассматривает государственные преступления, может арестовать, казнить или помиловать, наградить землей, лесом и рыбной ловлей, либо все отобрать...

И отбирал. Вот какой случай самоуправства ливенскотго воеводы Толстого описан в книге «Донские дела». «Станичный казак Минька Иванов вез в Москву «языка» — татарина. Он проезжал с ним через Ливны. У Миньки была таволга в драгоценной оправе. Заметив, ливенский воевода Емельян Толстой решил добыть ее любой ценой. Под предлогом покупки лошадей у казаков, сопровождавших Миньку Иванова. Толстой зазвал их к себе. Дома воевода рассматривал ружья казаков, обратив особое внимание на сааданную серебряную таволгу. На ней было два золоченых яблока и вставлено девять драгоценных камней. За это оружие воевода да-

С.В. Иванов. Приезд воеводы

вал казаку восемь рублей, но Минька не продал таволгу Толстому.

Тогда воевода пошел на «хитрость» - таволгу занес в избу. Людям своим он приказал ее спрятать. Вернувшись во двор, Емельян начал еще осматривать лошадей.

Прошло полчаса. Воевода зашел в избу. А через некоторое время он возвратил Иванову лишь один саадак, заявив о «пропаже» таволги. Чтобы как-то искупить свой поступок, Толстой предложил казаку деньги. Минька Иванов, будучи оскорбленным нечестным поступком воеводы, подал на него жалобу царю. Царь решил пожаловать казака за службу. И вот 4 февраля 1658 года на имя казачьего головы города была выслана грамота, в которой был дан приказ отобрать у воеводы таволгу. Вот он: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б таволгу, которую он взял у донского станичника, у Мишки Иванова, ливенский воевода Омельян Толстого, по нашему великого государя, указу, взял, прислал к нам, великому государю, к Москве тотчас с тем же донским станичником, с Мишкой Ивановым. А буде он тое таволгу тебе не отдаст, и ты б за тое таволгу на нем, Омельяне, доправил денег двадцать рублей и, доправя, отдал ему ж, Миньке, не дожидаясь о том иного нашего указа; да о том к нам отписал, а отписку и таволгу велел отдать в Посольском приказе диаком нашим». (23, с.305).

По прибытии на новое место воевода принимал по описи все городское хозяйство у своего предшественника. При смене воевод в городе зачастую возникали и конфликтные ситуации. Один хотел продлить свое воеводство, ибо хорошо наживался на взятках и прямом грабеже ливенцев. Другой спешил этим заняться.

Часты были жалобы воевод, что их сменяют на один-два месяца раньше срока, нередко были случаи и неспадчи города новому воеводе. - Очень не любили воеводы вмешательства в свои дела, особенно людей не выше их по родовитости. Сложная пограничная жизнь вносила свои коррективы. Обладая большой властью, воевода ведал в Ливнах всеми сторонами местного управления - военной, административной, финансовой, судебной. Важной его обязанностью следить за своевременным сбором податей в доходы Государя. Присутственным местом воеводы была съезжая или приказная изба, которая располагалась на территории крепости. В нее приводили неисправных плательщиков податей «...и били на правеж палками по ногам...». Делопроизводством и хранением официальных бумаг ведали подьячие, численность которых не превышала 3 - 4 человека и лишь в конце 17-го столетия их число увеличилось до 10 - 14 человек. Должность их, как правило, передавалась от отца к сыну.

Помощником воеводы был осадный голова. Он должен был готовить город к осаде и руководить боевыми действиями во время нападения татар. В мирное время осадный голова ведал в городе артиллерией и ее личным составом - пушкарями, затинщиками, воротниками, казенным кузнецом и плотником. Обычно голова назначался из местных детей боярских, но в начальный период становления города прибывал вместе с новым воеводой.

Это были государственные люди, благодаря которым новые земли Московского государства постепенно обживались и приносили доход государству. А служилые люди, руководимые воеводой, с риском для жизни защищали новейшие рубежи Московского государства. Кто же правил Ливнами в первые годы возрождения города? Сведений о воеводах осталось немного. Да и не все фамилии их известны. Перечислим тех, чьи фамилии сохранились в документах.

1575 г.

Первым воеводой на Сосну был послан Иваном Грозным в 1575 г. *М. Д. Карпов*. Именно он основал Малый острожек на Сосне «усть Ливен». Так при впадении речки Ливны в Быструю Сосну был построен город Ливны.

Карповы - русские дворянские роды. Их было несколько. Род, из которого происходил Михайло Долматович Карпов, относился к родам Карповых позднейшего происхождения. Семен Карпов был воеводой при Иоанне III, Федор Иванович Карпов - окольничим при Василии III, Никита Иванович - воеводой был тогда же, Иван Федорович - послом в Крым во время малолетства Иоанна IV. Долмат Федорович был окольничим в 1549 г., воеводой сторожевого полка и основателем города Свяжска в 1551 г., участвовал в походе в Полоцк (1562), в 1565 г. назначен членом боярской думы. Умер в 1571 г. Его потомки назывались Карповыми - Долматовыми. Михайло Долматович - воевода в ливонскую войну (1558, 1559, 1564, 1565 и 1576 годов), муромский наместник (1578) и посол в Польшу в том же году. В 1578 году, направляясь в очередной раз на переговоры в Польшу, Михайло Долматович скоропостижно скончался. (28).

1576 г.

Воеводми «на Сосну» были назначены князь *Иван Охлябинин* и *Михайло Назарьев*, идти им туда предлагалось с ратными людьми из Новосили.

- Охлябина — прозвище долговязого человека, потому что в русских говорах так называется жердь. Князь Охлябина Ухтомский Федор Васильевич жил во второй половине XV в., от него пошли

князя Охлябины. От владения окрестностями реки Ухры, в XVI в. составлявшими особый (Ухорский) стан в теперешнем Пошехонском уезде, - прозван князем Ухорским второй сын Данилы Романовича, младший брат родоначальника князей Львовых — князь Василий Данилович Ярославский (XVIII в.). Он имел пять сыновей: Никиту Васильевича, бездетного, как третий сын его, Александр Васильевич и четвертый — Ярослав Васильевич; остальные двое имели потомство, образовавшее особые фамилии. От второго сына князя Василья Даниловича Ухорского — князя Федора Васильевича Охлябинина — пошли Охлябинины, а от последнего, пятого, Михаила Васильевича Хворостинина — Хворостинины князя. Роды их, впрочем, были невелики.

У Охлябинина было два сына: Петр Федорович, воевода Василия Ивановича (1523 г.), и Василий Федорович, воевода Елены Глинской (1535 г.), первые князья Охлябинины, из которых последний служил прежде князю Юрию Васильевичу.

Князь Петр Федорович имел двух сыновей: бездетного Дмитрия и Андрея Петровичей. А у князя Василья Федоровича было шесть сыновей, из которых по сыну было у второго Петра Васильевича (Иван Петрович Залуца). Вот Иван Петрович и был вторым воеводой в возрожденных Ливнах. (28).

С 1577 года по 1585 год воеводы на Ливны не назначались, хотя все эти годы там в летнее время существовала сторожа, располагавшаяся в Малом острожке, построенном под руководством воеводы М. Д. Карпова. А вот со дня возрождения города-крепости Ливны воеводы стали назначаться регулярно.

1585 - 1586 г.

Воевода — *Кольцово - Мосальский Володимер*;

Голова — *Хрушев Лука Иванович*. (55, с. 368).

Хрущевы - старинный русский дворянский род, ведущий свое происхождение от Ивана Ивановича Хруща, выехавшего из Польши в Москву в 1493 г., принявшего православие и названного Хрущевым. Из восьми его сыновей, помещиков Тульского, Тарусского и Московского уездов, известен Лука Иванович, черниговский голова и воевода-участник нескольких походов; он записал в 1547 г. речь Иоанна Грозного, произнесенную с Лобного места к народу.

Воевода — *Боротянский Дмитрий* при том же голове. (55, с. 374).

1587 г.

Воевода — князь Андрей Яковлевич Дашков. (55, с. 381).

Дашковы - русский дворянский род, происходящий от выехавшего в начале XVI века из Большой Орды в Москву «мужа честна» Дашка,

получившего при крещении имя Даниила. Петр Григорьевич и Авксентий Яковлевич Дашковы, воеводы, за участие в московском осадном сиденье 1608 г. пожалованы вотчинами. Игнатий Денисович, выборный от алексинских дворян, подписал акт избрания на престол царя Михаила Федоровича (1613). Андрей и Василий Яковлевичи были думными дворянами при царях Федоре, Иоанне и Петре. Многие Дашковы были в XVII в. стряпчими, стольниками и воеводами на второстепенных воеводствах. (28).

Голова - *Полтев Григорий*. (55, с. 381).

1588 г.

Воевода - *Бутурлин Иван Михайлович*. (55, с. 384).

В 1574 г. нанес поражение крымцам и ногайцам в битве при Печерниковых Дубравах; затем он был воеводою в Новосиле, Болхове, откуда ходил походом под Венден (1578) и Лифляндию, в Смоленске, где разбил наголову литовцев Кмита (1580) и откуда совершил поход в Литву, Дорогобуже, Ржеве, Тарусе, из которой усмирал черемис, Калуге, опять в Смоленске, Новгороде, Пскове, Рязани, Ливнах, Астрахани, Царицыне и снова в Астрахани. В 1604 г. Бутурлин был послан в Дагестан, в виду ходатайства грузинского царя Александра о присоединении Грузии к России. Заняв Тарки, он приступил к постройке крепости, но был осажден аварцами, кумыками, лезгинами и турками; укрепления были уже разрушены, и Бутурлину обещан свободный выход, но в степи он и все войско его было изменнически уничтожено. С ним вместе погиб и сын его Федор. (28).

Воевода - *Милюков Иван Григорьевич*. (55, с. 384).

Милюковы - дворянский род, происходящий, по преданию, от выходца «из немец» Семена Милюка, бывшего воеводою в сторожевом полку и убитого в Куликовской битве. Один из его внуков, Семен Иванович Милюков, по прозвищу Старый, был родоначальником Старово-Милюковых. Михайло Иванович Милюков был сокольничим и наместником трети московской (1506). В XVI и XVII столетиях многие Милюковы были полковыми и городскими воеводами, стольниками и стряпчими. Род Милюковых внесен в родословные книги Московской, Орловской, Петроградской, Симбирской, Тверской и Тульской губерний. (28).

Голова - *Кульнев Михаил* (55, с. 384).

Кульневы - русский дворянский род, известный с конца XV века и разделившийся на 4 ветви. Нечай Иванович Кульнев был воеводою в Белеве (1563), брат его, Григорий, - воеводою в Одоеве, наместником в Карачеве и воеводою в Астрахани (1575). Сын его, Михаил Григорье-

вич, был наместником в Карачеве (1584) и Болхове (1594). Представители другой ветви генералы - Иван Петрович Кульнев и младший брат его Яков Петрович Кульнев. (28).

Воевода - *Иван Меньшой Коромышев*,
Голова - *Огарев Василий*. (55, с. 398).

1589 г.

Воеводы - *Бутурлин Иван Михайлович*,
Григорий Калединский,
Князь Ондрей Волконский. (55, с.402).

Волконские, русский княжеский род, происходящий от князя Михаила Всеволодовича Черниговского (умер в 1246), внук которого Иван Юрьевич, по прозвищу Толстая Голова, владелец городка Волконы, был первым князем Волконским. Он имел двух сыновей, Федора и Мстислава, убитых в Куликовской битве (1380). С начала XVI в. Волконские служили воеводами, головами и владели вотчинами и поместьями в Коломенском, Костромском, Тульском, Зубцовском, Белевском уездах. В XVII в. они служили стряпчими, стольниками, воеводами, послами, окольными; один из них, Федор Федорович, получил в 1650 боярство. (28).

Голова - *Яковлев Дементий* (32, с.402).

1590 г.

Воеводы - *Бутурлин Иван Михайлович*,
Князь Ондрей Волконский.
Воевода - князь *Долгорукий Семен*. (55, с.429).

Долгорукие - княжеский род, Рюриковичи. Велю своё происхождение от удельных князей Оболенских, в свою очередь, восходивших к черниговскому князю Михаилу Всеволодичу, убитому в ставке Бату-хана (1246). Среди 5 его сыновей были: Семён, родоначальник князей Одоевских, Белёвских и Воротыньских. Мстислав, от которого пошли князья Мосальские, Звенигородские, Елецкие, Горчаковы. Юрий, княживший в Тарусе, у которого было 2-е сыновей: Всеволод, родоначальник князей Борятинских и Мезецких, и Константин. У последнего был единственный сын - Иван, сын которого Константин получил в удел г. Оболенск на р. Протва (современная Калужская обл.). У Константина было трое сыновей, младший из которых, Андрей, имел сына Ивана, по прозвищу Долгорукий. Его потомки и стали писаться князьями Долгорукими, сыгравшими большую роль в политической, военной и культурной истории России. (28)

1591 г.

Воеводы - *Бутурлин Иван Михайлович*,

Князь *Ондрей Звенигородский* (55, с.438).

Звенигородские - русский княжеский род, отрасль князей черниговских, происходящий от потомка Рюрика в XIII колоне, князя Адриана Мстиславича Звенигородского (умер в 1339 г.). Его потомки сохранили уделы до половины XV в. Род князей Звенигородских разделился на ветви: Шистовых, Звенцовых, Ноздреватых, Рюминых, Барашевых, Спячих и Токмаковых. Все эти ветви, кроме Спячих, давно угасли. Спячие-Звенигородские с XVII в. именовались просто Звенигородские. Князь Семен Юрьевич Звенигородский был окольным (1689). (28)

1592 г.

Воеводы - *Бутурлин Иван Михайлович*

Артемий Колтовский. (55, с.459).

Колтовские - русские дворянские роды. Один из них происходит, по преданию, от касожского князя Редеги. Михайло Иванович Глебов, боярин рязанский, пожалован был в кормленье волостью Колтовской (Каширского уезда) и стал писаться Колтовский. Его правнучка Анна была женой Иоанна Грозного. Многие Колтовские в XVI и XVII веках служили воеводами. (28).

Голова - *Афанасий Зиновьев*. (55, с.459).

Зиновьевы - русские дворянские роды. Литовский дворянин Александр Зенович, потомок Деспотов-Зеновичей, выехал в 1392 г. из Литвы в Москву. Многие из его потомков были стольниками, стряпчими, воеводами. Степан Степанович Зиновьев (умер в 1764 г.) был при Екатерине II посланником в Испании. Николай Иванович Зиновьев (1706 - 1773) был генерал-полцеймейстером в Санкт-Петербурге, а затем сенатором. (28).

Голова - *Чулков Федор* (55, с.459).

Чулковы. Существует несколько дворянских родов этого имени. Первый принадлежит к числу родов, происшедших от германского выходца Радши (XII век), и считает своим родоначальником, в XI колоне от Радши, Андрея Васильевича Чулкова, один из внуков которого, Дмитрий Иванович, был убит при взятии Казани (1552). Другой род Чулковых выводит себя от выехавшего из Литвы к великому князю Василию Дмитриевичу и потом перешедшего на службу великого князя Олега Рязанского Семена Федоровича Ковылы-Кислого, праправнук которого, Григорий Иванович, получил прозвище Чулок, а от него и сын Григория Ивановича - Данило, письменный голова сибирских воевод, основатель Тобольска и первый его воевода (1590), стал именоваться Чул-

ковым. Клементий Матвеевич Чулков (умер до 1725 г.) был стольником и начальником тульского оружейного завода при Петре I. (28).

1593 г.

Воевода - *Бутурлин Иван Михайлович*.

Голова - *Чулков Федор*. (55, с.471).

1594 г.

Воевода - *Бутурлин Иван Михайлович*.

Голова - *Чулков Федор*. (55, с.475).

1595 г.

Воевода - *Полев Иван Осипович* (55, с.475) - (умер в 1605 г.), князь из династии Рюриковичей (21-е колоне) - государственный деятель. Государеву службу начал в 1586 г. воеводой в Пронске, в сторожевом полку в Михайлове, в Рязске. До 1596 г. исполнял обязанности воеводы крепости Ливны. Распоряжением царя Фёдора Ивановича был направлен в Курск, где он исполнял обязанности первого Курского воеводы в 1596 - 1597 г.г. И. Полев вместе с курским головой Нелюбом Огарёвым и подъячим Яковом Окатьевым были первыми руководителями строительства деревянной Курской крепости и современного Курска. С 1598 г. - рязанский воевода, в 1600 г. - второй полковой воевода в сторожевом полку в Орле, затем - третий воевода во Пскове. В 1603-1604 г.г. был послан воеводой передового полка ставить города на Тереке. В 1605 г. на русский гарнизон было совершено предательское нападение, и в ожесточённом бою И. Полев и многие другие русские воины погибли. Род Полевых пресекается в 1707 г. (28).

Голова - *Степан Колтовский*. (55, с.475).

1596 г.

Воевода - князь *Ромодановский Григорий Петрович* (умер в 1628 г.) (55, с.496).

Ромодановские - княжеский род, происходивший от князей Стародубских. Потомок Рюрика в XVI колоне, кн. Василий Федорович Стародубский-Ромодановский, живший во 2-й половине XV века, был родоначальником князей Ромодановских. Его старший сын, князь Василий (умер в 1512 г.), был окольным, а второй, князь Иван, прозванный Телеляш (умер в 1520 г.) - боярином. Князь Антон Михайлович Ромодановский был в 1562 году послан в Копенгаген. Князь Иван Петрович (умер в 1607 г.) был послом в Персии и, возвращаясь оттуда, убит калмыками в Астрахани. Род князей Ромодановских пресекается в 1730 году. (28).

Воевода - *Жировой – Засекин Иван.* (55, с.496).

Жировые-Засекины - русский княжеский род. Отрасль князей Ярославских. Потомок Рюрика в 19-м колене, князь Иван Иванович Меньшой Засекин, по прозвищу Жировой, был родоначальником этого рода. Род князей Жировых-Засекиных пресекался во 2-й половине XVIII века. (28).

1597 г.

Воевода – князь *Елецкий Андрей Васильевич.* (55, с.509).

Елецкие, князья, Рюриковичи, ведут свой род от святого Михаила Всеволодовича, князя черниговского. Правнук его, князь Федор Иванович Елецкий, участвовал в Куликовской битве. Елецкий Андрей Васильевич - князь, сын боярский и голова, затем дворянин московский и воевода Елецкий, младший из 3 сыновей князя В. И. Елецкого. В 1576 году – голова в полку левой руки во время похода русской рати из Карелии в Ливонию. В 1591 году был послан воеводой «идти города ставить вверх Иртыша, на Тару-реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтобы пашню завести, и Кучума-царя истеснить...» Елецкий получил под свою команду более 1500 чел. Для решительного наступления против сибирского хана в его рать входили, кроме русских – стрельцов и казаков, пленные литовцы, поволжские татары и башкиры, 500 покорённых сибирских татар. Причём 300 из них были поставлены под команду татарских же воевод. Зимой 1594/95 г.г., закончив постройку крепости Тары, Елецкий трижды посылал на юго-восток смешанные русско-татарские отряды Г. Ясыря и Б. Доможирова на поиски Кучума, но хан был неуловим, и Елецкий вернулся в Москву. В 1599 г. вновь служил воеводой в Ливнах. Оставил 2 сыновей: Семёна и Федора..(28).

Воевода - князь *Путятин Михаил.* (55, с.509).

Путятинны - княжеский род, отрасль князей Друцких. Предок их, князь Иван Семенович Друцкой, прозванный Путятя, в 1422 году подписал трактат Литвы с меченосцами. Он был сторонником Свидригайла. Его сын, князь Дмитрий (умер в 1505 г.), был воеводой киевским; от другого сына его, Ивана, происходит ветвь, поселившаяся в Новгородской области. Князь Петр Никитич Путятин и племянник его князь Семен Иванович были взяты в плен литовцами под Оршей (1514). Князь Григорий Васильевич был воеводой, наместником и послом в Польше (1570), князь Григорий Давыдович - воеводой в Нарве и Орешке (1566-74), князь Иван Семенович - воеводой в Уржуме (1614). Князь Аврам Артемьевич (умер в 1769 г.) был оренбургским губернатором и сенатором. Князь Павел Арсеньевич (родился в 1837 г.) - известный археолог и антрополог. (28).

1598 г.

Воеводы – князь *Елецкий Андрей Васильевич.*
князь *Путятин Михаил.* (55, с.518).

1599 г.

Воеводы – князь *Елецкий Андрей Васильевич.*
князь *Путятин Михаил.*(28).

Ливны в годы Смутного времени в начале XVII века

На начало XVII-го века в России пришлось правление Бориса Годунова (1598–1605 гг.). Стремясь укрепить свою власть, он принял меры к упрочению положения землевладельцев из числа бояр, так и дворян. Сделано это было путем дальнейшего закрепощения зависимого крестьянского населения. Такая мера выглядела вынужденной и вызвана была стремлением обеспечить гарантированную обработку земель помещиков, которые составляли основу армии. Ведь только гарантированный постоянный доход с земли, которая была закреплена за служилыми людьми, позволял им полностью отдаваться воинской службе в интересах государства при возникновении различных военных опасностей. Особенно актуально было закрепление крестьян на земле для южной окраины Московского государства, на которой находился возрожденный г. Ливны. Поэтому еще в 1597 г. был издан царский указ, вводивший «урочные лета», по которому был предусмотрен пятилетний срок розыска и возвращения хозяину беглых крестьян. Холоп, попавший в кабалу за невозвращенный долг, терял право получить свободу после уплаты долга и оставался в зависимости до смерти своего хозяина. Свободный крестьянин, устроившийся на работу по найму, через полгода превращался в холопа.

Новый, XVII, век начался с жесткого голода, который разразился практически на всей территории Московского государства. Вот и в Ливнах в 1601 году лето стояло очень дождливое, а затем неубранные поля покрыло снегом. Снег выпал в конце августа. Не менее неблагоприятными были и последующие годы. В 1601 – 1603 г. в Ливнах и окрестных землях из-за неблагоприятных погодных условий был неурожай и «великий голод». Люди ели траву, падаль, собак, кошек, кору липовую и сосновую.

Это стихийное бедствие вынудило Бориса Годунова разрешить переход крестьян от одного хозяина к другому и освобождение тех холопов, которых землевладелец был не в состоянии прокормить. Однако такое послабление обернулось еще более серьезными последствиями, так как «освобожденные» люди были обречены на голодную смерть. Люди гибли тысячами. Предпринятые раздачи государственного зерна не изменили ситуацию. Многие из богатых людей в это время отпускают на волю свою челядь, чтобы не кормить ее, и это увеличивало толпы бездомных и голодных. Из отпущенных и беглых крестьян образовывались шайки разбойников. Главным очагом брожения и беспорядков стала западная окраина государства - Северская Украина. Народ ждал чего-то страшного или чуда. Избавление от этой напасти виделось в приходе нового царя.

В государстве началась Смута, длившаяся более десяти лет. Ее главными причинами были заметное ухудшение экономического положения страны в результате нескольких неурожайных лет и обострение недовольства властью царя Бориса со стороны практически всех слоев населения. Бояре были недовольны недостаточно знатным происхождением нового царя, часть дворян — перебоями с выплатой жалованья. Многие крестьяне, испытавшие усиление крепостного бремени, оказались на грани выживания.

В этих условиях было достаточно любого повода для дискредитации власти. Таким поводом стали слухи о том, что в 1591 г. в Угличе погиб не младший сын Ивана Грозного — царевич Дмитрий, а другой ребенок. Вскоре в Польше появился человек (предполагают, что это был беглый монах из московского Чудова монастыря Григорий Отрепьев, близкий к боярам Романовым), который называл себя спасшимся сыном Ивана Грозного.

В то время такой поворот дела воспринимался всеми слоями населения России вполне достоверным. Более того, тайна «гибели» царевича Дмитрия до сих пор не раскрыта. Некоторые историки, анализируя документы конца XVI - начала XVII века, обращают внимание на то, «...что все, кто видел его (Лжедмитрия — Ю.Б.), признавали в нем наследника престола. Даже мать, Мария Нагая, признавала в нем своего сына. Сам же Шуйский впоследствии скажет: «Борис послал убить Дмитрия царевича, но царевича спасли, вместо него погребен попов сын». (12, с.37).

«Самозванец» обратился за помощью к польским магнатам и королю Сигизмунду III в осуществлении его похода на Москву. С целью привлечения на свою сторону поляков Лжедмитрий I принял католи-

ческую веру, пообещал подчинить Русскую Православную Церковь папскому, передать Польше часть русских земель. Взамен поляки предоставили ему помощь и снарядили войско. 1 апреля 1605 года умер царь Борис. Условия для смуты в государстве сложились идеальные. Появился законный престолонаследник, ненавистный царь умер и престол освободился. Возмущение населения старой властью было на пике своего подъема. Еще до смерти Бориса, осенью 1604 г. Лжедмитрий I пересек границу России. Он сразу издал воззвание к народу, в котором провозглашал, что Бог спас его, царевича, от злодейских умыслов Бориса Годунова и он призывает все население принять его как законного наследника русского престола. Началась борьба за Московский престол.

Ливны заняли заметное место в этой средневековой гражданской войне. Как только «самозванец» появился на территории Московского государства, Годунов приказал собрать в Ливнах полки (1605), командовать которыми были назначены Воеводы П.И. Шереметьев и М.Г. Салтыков. Такие сборы обычно устраивались для отражения набегов крымчан. Так думали ливенцы и на этот раз. Однако они ошибались.

В это же время через Ливны проезжал боярин Хруцов, который по заданию царя следовал на Дон. Он на время останавливался в Ливнах

и в разговоре с воеводами о Ливенском ополчении услышал от них, что «нас ожидает не Крымская, а совсем иная война; но — добавляли они — трудно поднять руку на Государя природного», т.е. Лжедмитрия I, какового они считали законным наследником престола. (52, с.78). Тем более, что крымчане и севчане, связав своих воевод, уже перешли на сторону Лжедмитрия I. Вскоре и в Ливнах появился беглый монах Леонид, который призывал присягать спасшемуся царевичу

Лжедмитрий I

Дмитрию. Монахова пропаганда легла на подготовленную почву, ибо большинство ливенцев царя Бориса не любили. Однако восставать против власти подобно кромчанам ливенцы пока не могли, т.к., кроме них, в городе стояла сильное царское войско. Через несколько дней ливенцы под началом царских воевод выступили на Кромы против взбунтовавшихся братьев по оружию. Однако, пововав спустя рукава некоторое время под Кромами с бунтовщиками, воеводы Шереметьев и Салтыков, руководившие ливенским ополчением, а с ними и главный царский воевода под Кромами П.Ф. Басманов, видя настроение служилых людей в своих войсках и ливенском ополчении, перешли на сторону «самозванца». Этот поступок царских воевод открыл Лжедмитрию I дорогу на Москву (через Орел и Тулу) к российскому престолу.

20 июня 1605 года «Дмитрий» торжественно въехал в Москву. Гражданская война на время остановилась. Новый царь начал проводить некоторые преобразования в государстве. «Лжедмитрий» послал в ссылку князей, которые служили царю Борису. На Ливны он прислал сначала князя Петра Ивановича Буйносова, а потом заменил его Матвеем Васильевичем Бутурлиным, который познакомил служилых людей Ливен с намерениями нового царя.

Среди ливенцев горячую поддержку получила инициатива «Дмитрия» по организации похода на Азов. В Ливнах начали прибывать служилые люди из других городов для участия в азовском походе. «Дмитрий» даже приказал послать передовой полк на Ливны. Командовали полком окольных Михаил Борисович Шенн да князь Василий Григорьевич Чертенюк Долгоруков.

Однако походу на Азов осуществиться было не дано. В Ливны пришло известие о смерти нового царя. Лжедмитрия I был убит 17 мая 1606 года в результате боярского заговора, который возглавили бояре Шуйские. Тело его было выброшено нагим на рынке в грязь на всеобщее обозрение. Очередным царем «всей Руси» был выбран боярин Василий Шуйский. Завершился династический период в развитии московской Смуты. (47, с.607).

Приход к власти Василия Шуйского не устраивал многих, и гражданская война в России продолжилась с еще большим размахом. Множество самозванцев («воров», как их тогда называли) объявлялись в этот период, и многие из них находили симпатии ливенцев. Поэтому Ливны и попали в знаменитую поговорку: «Орел и Кромы – первые воры, Ливны – всем вора дивны, Елец – всем вора отец, а Карачев на придачу». Под воровством в XVII веке понимались любые действия, направленные против законной власти.

Царь В. Шуйский

Ливенцы не признали Шуйского. Наряду с Ливнами нового царя не поддержали: Рязань, Карачев, Орел, Деделов, Венев, Михайлов, Болхов, Рязкск, Кашира, Трубчевск, Кромы, Алексин, Льгов и Епифань. (38, с.82). Тем более, что прошел слух о том, что «Дмитрия» не убили, что он жив и собирает новое войско для похода на Москву, чтобы рассчитаться с боярами-предателями.

В ходе гражданской войны в головах служилых людей на южной окраине стал складываться новый образ мышления. На глазах у них менялись три разных царя при том, что власть в представлении тех же

ливенцев еще имела божественный характер. Исподволь происходила ломка такого сознания. Ливенцы впервые видели на своем веку, что царем мог объявить себя каждый. Во многих местах появились самозванцы, которые объявляли себя «Дмитриями». Очередным самозванным царем в глазах ливенцев стал Шуйский. Под большим впечатлением от новой смены царя, а царь ассоциировался с государством, с высшей, божественной, властью, ливенцы отказались от подчинения всякой власти. В Ливнах начали бить воевод. М. Б. Шенн, возглавлявший передовой полк, из Ливен успел сбежать, хотя его имущество и имущество других дворян было разграблено.

А вот ливенский воевода Алексей Плещеев, поддержавший Василия Шуйского, оставаясь верным присяге, пытался уговорить восставших ливенцев, но тщетно. Его зверски умертвили. «Один летописец, наблюдавший издали за тем, что происходило тогда в Ливнах и по другим городам, исчислив важнейшие жертвы бунта, ограничился указанием на те роды мучений, каким предавали бунтовщики воевод и многих дво-

рян: «иных – говорит он – с башни метяху, иных – с мосту в ров, иных – вверх ногами вешаху, иных – по стенам распинаху, руки ноги гвоздем прибившее, из пищалей разстреляху...». (52, с.80). Одну из таких смертей, скорее всего, принял от рук восставших ливенских служилых людей и воевода Плещеев.

Царь, видя такое развитие событий, хотел остановить бунт уговорами. Он послал для проведения разъяснительной работы среди восставших Крутицкого митрополита Пафнутия. Однако ливенцы и жители других южных городов митрополиту не поверили, считая его пособником царя Василия. Тогда Шуйский направил на берега Сосны войска под предводительством боярина И.В. Воротынского и стольника Ю. Трубецкого. Но они потерпели поражение от восставших под предводительством Болотникова. А сами служилые люди перешли на сторону Болотникова. Весь орловский край, в т.ч. и Ливны, остались в состоянии восстания против московской власти. И это не мудрено, ведь всем в России было ясно, что В.Шуйский был поставлен на престол не решением совета земель, а заговорщиками – боярами. А все московское правительство представлялось служилым людям украинских городов, в т.ч. и ливенцам, незаконным и криминальным. Одной из причин отказа от признания нового царя стала и боязнь расправы за поддержку «Самозванца».

В Ливны с 1606 года по 1613 год воевода из Москвы не назначался. В это время в Ливнах и других городах южного порубежья господствовало общинное самоуправление, сложившееся в русском государстве за всю его предыдущую историю. Ливны с 1606 года по 1613 год жили фактически автономной от центральной власти жизнью, порой, не признавая никакой власти. И Ливны не потерялись в это время среди других российских городов, не пришли в упадок, а даже стали с 1611 года уездным городом. Только в 1613 году, уже при новом царе М.Ф. Романове в Ливнах появился воевода Петр Данилович Изсленьев.

А Смута продолжалась. Во главе очередного восстания служилых людей и крестьян южных уездов стоял Иван Исаевич Болотников – выдающийся руководитель и крупный народный полководец. Он довольно в короткие сроки, действуя от имени «царя Дмитрия», собрал вокруг себя мелких служилых людей: стрельцов, казаков, детей боярских и крестьян и создал повстанческое войско, способное побеждать царских воевод с их профессиональным войском.

Основой повстанческой программы Болотникова был призыв к преобразованию всего общественного устройства в стране, направленного

И. Болотников

против всего господствующего класса. По свидетельству патриарха Гермогена бунтовщики «велят боярским холопам побивати своих бояр и жены их, и вотчины и поместья им сулят; и шпыням и безымянником велят гостей (купцов – Ю.Б.) и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их воров к себе и хотят давать им боярство и воеводство и окольниковство и дьячество». (47, с.310).

Одержав победу в августе 1606 года под Кромами над царскими

воеводами, Болотников двинул свои войска на Москву. По пути к его мятежной рати примкнули вооруженные отряды бунтовщиков из Ливен, Ельца, Алексина и Каширы. Вскоре армия Болотникова осадила Москву.

В то время, когда армия И.И.Болотникова осаждала Москву, в Ливны прибыл большой отряд во главе с Илейкой Горчаковым, муромским посадским человеком, выдавшим себя за царевича Петра – сына царя Федора. Целью этого «самозванца», которых тогда на юге России появилось множество, был простой разбой. Тем не менее, к нему немедленно примкнули, не влившиеся в войско Болотникова, беломестенские, полковые и поместные казаки. («Поместными» назывались те казаки, которые, выполняя казачью службу, сумели по каким-либо причинам получить землю (поместье) лично, по типу детей боярских). Были среди поддерживавших Илейку (Петрушку) и ливенские дети боярские. В ливенском крае дети боярские в своем большинстве не имели крепостных крестьян, были фактически однодворцами. Они жили в поместьях в селах и деревнях, но обрабатывали землю своим трудом и трудом членов семьи. Вместе с беломестненскими атаманами, стрельцами, казаками и пушкарями ливенские дети боярские составляли общую группу «мелких служилых людей». Но они были все же дворянами по своему

социальному статусу. Вообще, «...дворянство в Смуту оказывало огромное влияние на происходившие события. Сама Смута была начата, во многом, под воздействием мелких служилых помещиков, ...дворянство активно боролось за улучшение своего экономического положения». (38, с.95).

Вот эти «мелкие служилые люди» с Ливен и пополнили отряд Горчакова и вместе с его казаками двинулись на Елец. В это время князь Воротынский, командовавший правительственными войсками, начал осаду города. Ельчане держались стойко. Подоспевшие на помощь ельчанам отряды восставших крестьян и ливенских служилых людей наголову разбили царские войска. Здесь ливенцы пополнили запасы продовольствия и оружия и вместе со своими земляками приняли участие в последующих боях с царскими войсками.

Повстанческая армия Болотникова около четырех месяцев осаждала Москву. Но из-за разногласий в стане мятежников, связанных в первую очередь с его неоднородным социальным составом, войска Болотникова потерпели поражение под Москвой. Большая часть болотниковцев попала в плен. Довольно многих из них казнили. Царь жестоко расправился с сотнями сторонников Болотникова, приказав их «посадить в воду» - утопить. Среди них были и ливенцы. Был казнен и сам Болотников со своими соратниками.

В августе 1607 г., когда И. Болотников находился в осаде в Туле, при поддержке поляков появился новый самозванец — Лжедмитрий II, объявивший себя «чудом спасшимся царем Дмитрием». Он по своей сути значительно отличался от Лжедмитрия I, так как на первом плане у него были не династические проблемы

Лжедмитрий II (Тушинский вор)

русского престола, а притязания польско-литовских правящих кругов на московский престол. Лжедмитрий II объявил себя русским царем Дмитрием Ивановичем и уже 2 сентября 1607 года двинул свои войска, состоявшие в основном из литовско-польских наемников, на Москву. По пути многие русские ратные люди, пострадавшие от гонений Шуйского, становились в ряды войска самозванца. Были среди них и ливенцы. Однако до зимы дойти до Москвы войска Лжедмитрия II не смогли. В январе 1608 года он основал свою резиденцию в Орле и пробыл там до весны. У Ливен в это время сложились отношения с Орлом, как в прежние времена с Москвой. Ливенцы помогали самозванцу имуществом, деньгами и людьми до самой его смерти. (52. С.82).

Разбив под Болховом войска Шуйского, Лжедмитрий II, прозванный Вором, в мае 1608 года сумел дойти до самой Москвы, где в предместье Тушино создал собственный двор, боярскую думу, приказы. Самозванец раздавал земли и должности тем, кто изъявил желание его поддержать. Началась долгая и тяжелая осада Москвы. Василий Шуйский с помощью земского ополчения, в конце концов, разбил войска Тушинского вора, которые отошли к Калуге. В первые дни марта 1610 года осада была снята. Москва праздновать победу. Однако войска самозванца еще некоторое время продолжали борьбу с правительственными войсками. Вскоре, оправившиеся кое-как от поражения, рати самозванца при поддержке Сапеги пошли опять на Москву встали верстах в 15-ти на юго-восток от Москвы. Между тем от западной границы к Москве двигалось польское войско под командой гетмана Жолкевского. При с.Клушино Жолкевский встретил и разбил московское войско, бывшее под командой царского брата,

Королевич Владислав в момент избрания его на Московское царство

князя Дмитрия Шуйского, и приблизился к самой Москве. Город был в тревоге и в смятении, царь Василий потерял всякое доверие и авторитет.

Москвичи вспомнили о недавней осаде и, не надеясь на В. Шуйского, восстали. 17 июля 1610 г. Шуйский был свергнут с престола, а 19-го насильственно пострижен в монахи. Это стало результатом неприязни к Шуйскому, которая копилась у московского люда давно. В первую очередь была противна народу личная жизнь царя Василия «...потому что он был «нечестив всяко и скотолепен», правил «во блуде и пьянствах и кровопролитных неповинных кровей»; он занимался ворожбой, «оставя Бога, к бесом прибегая»; «во дни его всяка правда успе, и суд истинный не бе, и всяко любочестие пресякну» (слова князя И. А. Хворостинина). По мнению толпы, шумевшей на улицах против Шуйского, «он человек глуп и нечестив, пьяница и блудник»; он не достоин царства, потому что «его ради кровь проливается многая»; в народе говорили, что «он государь несчастлив»: «глад и мечь царева ради несчастия». (47, с. 406).

После свержения Шуйского в Москве наступило междуцарствие. Во главе правительства оказалась боярская дума - так называемая «семибоярщина». Однако, это боярское правление не могло быть длительным и прочным, хотя на практике оно просуществовало до избрания на трон царя Михаила Романова в 1613 году. Приближение Тушинского вора к Москве, за которым шел призрак социального переворота и анархии, пугало всех бояр. Чтобы избавиться от вора и его притязаний бояре решили избрать на московский престол 15-летнего польского королевича Владислава.

Москва 27 августа 1610 года торжественно присягнула королевичу Владиславу как своему будущему государю с условием, что он обещает охранять православную веру. На последнем условии категорически настаивал наставал Патриарх Гермоген, который не допускал возможности занятия московского престола неправославным. Правительство Семибоярщины в ночь на 21 сентября 1610 тайно впустило в Москву польские войска, стоявшие в непосредственной близости от Поклонной горы под селом Дорогомиловым. В российской историографии этот факт рассматривается как акт национальной измены. Польская оккупация Москвы затягивалась, Владислав не принимал православия и не ехал в Россию, правление поляков и польских клеветов в Москве возбуждало все большее недовольствие, но его терпели как меньшее зло, чем власть Тушинского вора. А в это время наместник Владислава Александр Гонсевский, получивший чин боярина, стал самовластно распорядиться в стране, не считаясь с русским правительством из семи

бояр, щедро раздавал земли сторонникам Польши, конфискуя их и у тех, кто оставался верен стране. Это изменило отношение самих членов правительства Семибоярщины к призванным ими полякам. А вскоре произошло знаковое событие в истории Смуты - 11 декабря 1610 года Тушинский вор погиб под Калугой от руки своих сообщников. Угроза с этой стороны исчезла. Остались только поляки в Москве, которые пытались окончательно уничтожить Россию. Возникла угроза утраты национальной независимости России. Воспользовавшись растущим недовольством, патриарх Гермоген начал рассылку грамот по городам России, призывая оказывать сопротивление новой власти. За это он был взят под стражу и впоследствии казнен.

Голос патриарха Гермогена был услышан. Уже в самом начале 1611 г. начинается широкое патриотическое движение в стране. В южных районах России, как ответ на призыв Патриарха, начало формироваться народное ополчение, в состав которого вошли посадские люди, часть казаков и дворян, остатки армии Лжедмитрия II. Среди них были и ливенцы, которых вразумили общенациональные бедствия. В этот сложный

Патриарх Гермоген

для родины момент они встали в ряды земского ополчения, выступившего на борьбу с польскими оккупантами.

В марте 1611 г. ополчение подошло к Москве и начало ее осаду, однако вскоре обострились противоречия между частью дворян (во главе с Прокопием Ляпуновым) и казаков (во главе с Иваном Заруцким). Они пытались договориться. Однако антагонизм между дворянами и казаками устранить не удалось. Дело кончилось тем, что казаки, подозревая Ляпунова во враждебных умыслах, вызвали его в свой круг для объяснения и здесь зарубили Ляпунова. Оставшись без вождя и напуганные казацким самосудом, большинство дворян и детей боярских разбежались из-под Москвы по домам. Казаки оставались в

Князь Пожарский и гражданин Минин на Крестном ходе. М.И. Скотти

лагере под Москвой, но они были недостаточно сильны, чтобы справиться с польским гарнизоном.

Неудача первого земского ополчения огорчила, но не остановила патристический порыв земских людей. В провинциальных городах, в т.ч. и в Ливнах, скоро снова начался процесс организации нового ополчения и подготовка к походу на Москву. На этот раз отправным пунктом и центром движения стал Нижний Новгород во главе с его знаменитым земским старостою Кузьмою Мининым, который в сентябре 1611 г. выступил в нижегородской земской избе с горячими призывами помочь Московскому государству, не жалея никаких средств. Начальником земского ополчения был приглашен «стольник и воевода» Дмитрий Михайлович Пожарский, способный военачальник и человек с незапятнанной репутацией; хозяйственную и финансовую часть взял на себя Кузьма Минин. В ноябре это движение охватило приволжский район, а в январе 1612 года ополчение двинулось из Нижнего сначала к Костроме, а потом к Ярославлю, куда оно прибыло к началу апреля, встречая по пути горя-

чее сочувствие и поддержку со стороны населения.

Узнав о движении нижегородского ополчения, московские предатели национальных интересов России потребовали от патриарха Гермогена, чтобы он написал грамоту с запрещением нижегородцам идти к Москве. Он отказался это делать и 17 февраля 1612 года умер от голода. Гермоген был погребен в Москве в Чудове монастыре.

А вокруг ополчения объединилось больше половины тогдашней России. Из Ярославля назначали в города воевод. В самом Ярославле образовался земский собор, или совет всея земли, из представителей с мест и представителей от служебных людей, составлявших ополчение, в составе которого были и ливенцы; этот совет и был временной верховной властью в стране.

В августе ополчение Пожарского подошло к Москве, а через несколько дней к Москве подступил польский гетман Ходкевич, шедший на помощь польскому гарнизону в Москве, но был отбит и вынужден отступить.

22-го октября казаки земского ополчения пошли на приступ и взяли Китай-город. А через несколько дней сдались обессиленные голодом поляки, сидевшие в Кремле. Земское ополчение, в составе которого был и ливенский отряд служилых людей, торжественно вступило в освобожденную от иноземцев Москву под трезвон колоколов и при ликовании народа.

В России закончилась Смута. Надо было определить, кто будет править Россией. Нужен был новый царь. Для его избрания князь Дмитрий Пожарский созывал земский собор. В пятьдесят российских городов князь разослал приглашения для выборов, прося «...прислать для царского выбора людей «лучших, крепких, и разумных». Ливны вошли в число этих пятидесяти городов. По десять человек от каждого города должно было присутствовать на историческом соборе. Прибыли в Москву и ливенцы. Делегаты от земства долго решали, кого посадить на трон. Боярам было выгодно избрать Михаила Романова, они рассуждали «...выберем Мишу Романова, он молод и будет нам поваден». Его и выбрали единогласно 21 февраля 1613 года в Успенском соборе в Кремле. Окончательно по результатам собора была оформлена избирательная грамота об избрании на царствование 16-тилетнего Михаила Федоровича Романова. Под этой исторической грамотой за всю ливенскую делегацию подписался «с Ливен выборный Егорьевский поп Гаврило». (См. Приложение №2). Так ливенцы засвидетельствовали свое участие в событии, которое на несколько веков определило судьбу России.

Здесь, на мой взгляд, уместно напомнить, откуда взялись Романовы в России, тем более, что скоро исполнится 400 лет со дня появления правящей династии Романовых в России. Думаю, к месту будет странная цитата из книги коллектива авторов «Заговор против русской истории». Вот что пишут авторы этой книги о Романовых: «Официальные источники освещают этот вопрос довольно скупо. Считается, что родоначальником дома Романовых был Андрей Иванович Кобыла, выходец из Пруссии. Последнее обстоятельство обычно не афишируется. Мягко говоря, несколько странно, что династия царей, 300 лет правившая Россией, оказывается, имеет немецкие корни. Но факт остается фактом. На севере Германии, недалеко от города Любека, некогда лежала область вандалов, имевших общие с русскими язык, обычай и веру. Однако уже к XVI веку этот район окончательно онемечился и вошел в состав Голштинского герцогства.

Андрей Кобыла переехал из Пруссии в псковские земли несколько раньше этого срока. Но чего в нем было больше - русского или немецкого - еще вопрос. Во всяком случае, все его дети воспитывались на немецкий манер, да и как сейчас бы сказали, менталитет у них всех был ярко выраженный - западный. Не случайно поэтому, что, волею судьбы оказавшись сначала около, а затем и на российском троне, первые Романовы стали активными проводниками пронемецкой, прозападной политики.

Одним словом, ни Андрей Кобыла, ни его дети, ни внуки, ни дальнейшие наследники - семьи Захарьиных, Захарьиных-Юрьевых, Романовых никаких особых прав на российский престол не имели. Да, это был боярский род, но один из многих, не более того. Как мы уже писали, их приближение к трону произошло довольно случайно, когда царь Иван IV выбрал себе в жены Анастасию Романову. Обосновавшись в государевых палатах, став воспитателями наследника престола, а затем и фактическими правителями страны...

Сейчас, конечно, трудно восстановить весь механизм заговора, результатом которого стало торжественное водружение шапки Мономаха - символа российского самодержавия - на голову Михаила Романова. Но ясно, что движущей силой его был Филарет Никитич Романов, личность необычайно сильная, противоречивая и таинственная.

Этот человек был сыном Никиты Романова, брата Анастасии (супруга Ивана Грозного - Ю.Б.). Крещен при рождении под именем Федора. Принимал активное участие в борьбе с царем Борисом (Годуновым), за что вместе с братьями впоследствии был репрессирован. Его насильно постригли в монахи под именем Филарета. Гибель Бориса и воцарение Лжедмитрия избавило его от ссылки. Более того, он был

Патриарх Филарет

возведен в сан Ростовского митрополита. И дальше, если верить официальной исторической науке, с Филаретом стали происходить и впрямь до странности необычные события. Историки пытаются нас уверить, что в период Смуты Филарет твердо придерживался законной власти.

Однако почему-то Лжедмитрий II нарек его патриархом. Как, почему, за какие заслуги? Историки стыдливо проходят мимо этих вопросов.

Дальше - больше. Филарету прекрасно живется в лагере самозванца, в проповедях он поминает «Тушинского вора» законным государем Дмитрием. Казалось бы, оппозиционная партия, сторонники Шуйского, должны проклясть изменника. Но не тут-то было. Законный патриарх Гермоген не пы-

тается претендовать на его пост. Наоборот. В своих воззваниях к народу он говорит, что Филарет не своею волею, а по нужде находится в Тушине и что его не порицать надо, а молиться за него Богу.

Трудно сказать, какая такая нужда заставила Филарета, возведенного в ранг патриарха, находиться в Тушине. За ним никто не следил, в кандалах его не держали, да и версия о его насильственном привозе к самозванцу очень сомнительна. Насильно на духовный престол никого не сажают - желающих всегда достаточно, да и не унижают перед этим. Скорее всего, Филарет, один из самых активных участников «прозападной» партии, вел какую-то свою, хитрую и коварную игру. Какую именно, станет ясно чуть позже.

Когда хаос и развал в Российском государстве достигли предела, когда был убит Дмитрий и низложен Шуйский, именно Филарет Романов был назначен главой посольства, отправленного верхушкой знати к польскому королю Сигизмунду, чтобы «просить даровать русской земле в царя его сына, Владислава». Что и говорить, такой результат полностью устраивал «западников»: Россия всерьез и надолго попадала

бы под влияние ряда европейских государств. Но сторонники этой партии опять просчитались. В стране началось мощное народно-освободительное движение, ополчение под руководством Минина и Пожарского наголову разбивает поляков.

Историки утверждают, что после этого посольство Филарета Романова было взято в плен поляками, а сам он мужественно боролся с иноземцами, отстаивая российские интересы. Может, конечно, и так. Напомним, что документов той поры не осталось, они практически полностью были уничтожены. Но только какой-то странный плен получается. Пленников не отправили в ссылку, в каком-нибудь захолустье, они все время оставались в столице. Местом их пребывания была не тюрьма, не острог, а дом польского канцлера Сапеги. Наверное, глава правительства был не самым строгим тюремщиком, и пленникам жилось не очень плохо. Во всяком случае, второй человек в посольстве, так сказать, заместитель Филарета Михаил Салтыков, поняв, что дело затягивается и Владислав не скоро сядет на московский престол, в 1612 году вообще решил остаться на постоянное жительство в Польше, куда и перевез всю семью.

Одним словом, сейчас такой плен назвали бы более точно: политической эмиграцией. Но тогда таких понятий не было. Может, оттого и стал Филарет «пленником»? Однако пока послы «томились» в канцлерской «темнице», в России произошли важнейшие политические события: царем был провозглашен Михаил Романов...

Скорее всего, избрание Михаила было своего рода компромиссом между двумя враждующими политическими партиями. «Западники» получили «своего» царя, сына Филарета. Но могли быть довольны и их противники. 16-летний мальчик, конечно, был в то время фигурой условной, скорее бутафорской, и реальной властью не обладал. Она была сосредоточена совсем в других руках.

Более того, некоторые историки еще в XVII веке утверждали, что Михаил был выбран с условием: «Никого без суда не казнить и все дела делать сообща с боярами и думными людьми». То есть на условиях не абсолютной, а ограниченной монархии. Собственно, в повседневной жизни так все и происходило. Реально властвовали бояре и местные начальники, которые все и вершили по собственному разумению.

Однако ситуация в корне изменилась в 1618 году. Очередное нашествие поляков было отбито. Царь вырос, становился все более самостоятельным. 14 июня следующего года в Москву с почетом возвратился Филарет. Через десять дней его торжественно возвели в сан московского патриарха. Сложилась исключительно выгодная для Ро-

Царь Михаил Федорович

мановых политическая ситуация, когда фактически в одних руках была сосредоточена и политическая, и духовная власть в стране. И действительно, вскоре Филарету стали оказывать те же почести, что и царю, а практически все дела Михаил решал только после совета с отцом.

В течение 15 лет Филарет безраздельно властвовал над архивами, книгопечатанием, летописанием. Стоит ли удивляться после этого, что практически не осталось на Руси действительно древних, не вызывающих сомнений документов? Что об истинной роли Романовых в нашей истории нам остается судить только по отрывочным, косвенным свиде-

тельствам. Но дело, конечно, не только в истории. За это время новая династия сумела прочно укрепиться на российском престоле, были начаты преобразования, которые все более и более приближали нашу страну к западному образу мыслей и жизни». (12, с.53-57). Так Россия получила династию царей, в течение 300 лет тянувших нашу страну в Европу, уничтожая планомерно демократические, исторические, военные, религиозные и экономические традиции русского народа. А в Европе и тогда нас не ждали, как не нужны мы Европе сейчас.

Противостояние набегам врагов на земли Московского государства в годы Смуты

В годы Смуты в 1611 году Ливнам был присвоен статус уездного города. Скорее всего, это было сделано правительством Первого Земского ополчения, которое состояло из П.П. Ляпунова, И.М. Заруцкого и Д.Т. Трубецкого, в середине 1611 года. Ливенский отряд в то время входил в состав войск под началом князя Д.Т. Трубецкого. Кстати, впервые территория Руси была поделена на уезды (в пределах бывших княжеств) в соответствии с «Судебником» Ивана III, вступившего в силу в 1497 году. А в начале XVII века и Ливны стали центром Ливенского уезда, который и в годы Смуты продолжал быть предметом разбойничьих нападений крымцев. У кого Смута, а у кого благоприятные условия для регулярных грабежей населения Ливенского уезда. От главных событий Смуты крымское ханство было в стороне, а вот разбой мелких отрядов крымчан на территории Ливенского и других южных уездов России не останавливался ни на год. Более того, время Смуты было удобной порою для нападения крымчан на южную окраину Московского государства. Дорога с юга к берегам Быстрой Сосны была открыта, а сил у ливенцев пресекать набеги татар было мало. Основная часть ливенского гарнизона в эти годы участвовала во внутренних разборках то на стороне самозванцев, то на стороне правительственных сил. На сам город татары не покушались, но в это время не было и года, когда крымцы не нападали бы на земли Ливенского уезда. Судьба помещиков и крестьян во время этих набегов была одинаковой. От набегов татар многие населенные пункты уезда запустели, а их жители либо попали в плен, либо переселились в другие места. За 1605 – 1615 года только 1606 год не упоминается с нашествием татар. В остальные годы крымчане регулярно нападали на селения Ливенского уезда. Помещики пытались в одиночку защищать свои усадьбы, но силы были неравные.

И этому были причины. С 1606 года, разбираясь со своими внутренними проблемами, царь В. Шуйский для защиты южных рубежей от татар в «украинный разряд» войска вообще не направлял. Более того, в 1607 году, когда татары не раз нападали на южные уезды Московского

государства, обозленный на население этих уездов за непризнание его, велел «...татарам и черемисе ...украинных и северских городов уездов всяких людей воевать и в полон имать, и животы (имущество – Ю.Б.) их грабить за измену» (45, с. 68). Вот так относился к своим подданным русский царь. Нередко количество грабителей южных уездов достигало 100 тыс. всадников. Крымчане разоряли южные уезды, и в их числе Ливенский, в 1608 и 1609 годах. Большой поход затеяли татары в 1611 году, который совпал с первой попыткой народного ополчения освободить Москву от поляков. В 1613 и 1614 годах татарское разорение продолжилось. Но у нового царя, Михаила Федоровича, который и желал взять под защиту южные земли своего государства, просто не хватало войск, чтобы сдерживать разорительные набеги татар. И набеги татар попытались сдержать за счет переговоров с ними. Местом переговоров, как и в 1593 году, были выбраны Ливны. От крымчан в переговорах, как и в 1593 году, участвовал Ахмет-Паша Сулешов. Он не стеснялся в размерах своих претензий - материальной компенсации за мир со стороны татар.

«Он требовал, чтобы Московский царь ежегодно присылал, кроме рухляди (т.е. дорогих мехов) 10000 рублей... Он... угрожал: «я на одних Ливнах вымещу; хотя возьму тысячу пленных, и за каждого возьму по 50 рублей, то у меня будет 50000 рублей...». (52, с.96). Однако московские переговорщики знали на самом деле цену пленникам на невольничьем рынке – самый дорогой полняник стоил там 20 рублей и не спешили идти навстречу грабительским требованиям крымчан. В итоге Сулешов согласился на 4000 тысячи в год. (52, с.97).

Однако, несмотря на подписание договора о мире и обмене послами, нападения татар на южные уезды прекратились не сразу. 9 августа 1614 года в Ливнах произошла размена послами, а в это время татары воевали по всей русской земле. «Московские послы князь Г. Волконский и дьяк П. Евдокимов, направлявшиеся в Крым из Ливен, вынуждены были в течение двух дней переждать, когда пройдут татары, возвращавшиеся с Руси «из войны»». (45, с. 76).

Уже с весны 1615 года татары опять начали грабить Русь. Основные силы крымцев, которые ходили в свои разорительные походы Калмиусским шляхом, миновали Ливны. Как всегда войска татар шли в составе единого войска до Ливен, а здесь, на левом берегу Быстрой Сосны, разделялись на более мелкие группы и рассыпались по русской земле, как отрава. Пощады не было никому.

Вообще в течение 1607 -1617 гг. наиболее оживленными путями татарских нападений были Калмиусский, Ногайский и Изюмский шляхи. Муравский шлях использовался реже. А это значит, что ливенцы в

эти годы постоянно сталкивались с татарами и терпели от них разоренье. (45, с. 79).

Смутное время было тяжелым потрясением жизни Московского государства. Первым, непосредственным и наиболее тяжелым его следствием было страшное разорение и запустение страны. Не избежали этой участи Ливны и Ливенский уезд. За время Смуты «Население его (Ливенского уезда – Ю. Б.) не только не продвинулось вперед, как желало того Московское правительство, но и значительно сократилось против прежнего. Целые десятки поместий, представлявшие из себя деревни, теперь запустели совершенно. Например, в Красном стане считалось таких пустошей 9, в Серболовом – 8, в Затруцком – 35, в Мокрецком – 24, всего в Ливенском уезде ко времени царствования Михаила Федоровича значилось пустошей 76. Кроме того, из 14-ти сел четыре обратились в погосты, пять сделались сельцами, а уцелевшие пять сел представляли собой ничтожные деревушки». (52, с. 94 – 95).

Интересно, что в то время, когда от набегов татар ливенские села и деревни пустели, церкви оставались невредимыми. «Ни в Приправочной 1615 года, ни в Писцовых Ливенских книгах последующего времени нет указаний на то, чтобы та или другая церковь была сожжена или разрушена татарами». (52, с. 90). Пясецкий объясняет такое поведение татар тем, что они предусмотрительно не разрушали храмы, т. к. надеялись, что вокруг храмов рано или поздно вновь возродится жизнь и им будет кого грабить, появится возможность за счет кого жить. Ведь татары не стремились захватывать территорию, но хотели жить за счет этой территории, разживаясь добром русских порубежников, пленением и продажей их в рабство. На этом они неплохо зарабатывали. Выражаясь современным языком, это был их разбойный бизнес, за счет которого они существовали. И уничтожать основу этого бизнеса они просто не могли. (52, с. 90 – 91).

Однако можно предположить, что в начале XVII века татары, бывшие в то время мусульманами, а в составе своих войск имевшие и православных воинов, еще помнили об истоках своей веры, которая чем-то напоминает христианство. Да и Христа они почитали, как одного из пророков единого Бога наравне с Мухаммадом. Поэтому у них не поднималась рука на святыни пророка Бога Единого.

За годы Смуты поубавилось и население города. «Именно в период Смутного времени на Ливнах запустело: в Ямской слободе – 8 дворов, в Казачьих – Егорьевской Афанасьевской – 15 дворов, в Никольской – 21 двор, Покровской и Успенской – 39 дворов, всего – 83 двора». (52, с. 94). Вот в таком виде пребывали Ливны и его уезд в первые годы после восшествия на престол первого Романова.

Борьба ливенцев за укрепление южной границы в 1613 – 1630 годах.

При новом царе, как, впрочем, и в течение всего XVII-го века, Ливны пережили не один набег татар и прочих любителей поживиться русскими богатствами. Все это время Ливны были военным городом, защищавшим границы Московского государства, расплачиваясь за его благополучие ценой тысяч жизней ливенских служилых людей и гражданского населения.

Сразу после вступления на престол Михаила Федоровича посягательства на Московское государство участились. Поляки, шведы, крымские татары, литовцы, малороссийские и донские казаки устремлялись на его земли, пытаясь поживиться тем, что еще осталось на многострадальной земле после разграбления ее предыдущими захватчиками. Пути многих из этих оккупантов пролегал через Ливенский край.

Еще в 1613 году, когда ливенская депутация находилась в Москве, участвуя в избрании нового царя, Ливны подверглись нападению казачьего атамана Заруцкого. Казачий атаман сторонник Лжедмитрия I, Болотникова И.И. и Лжедмитрия II участвовал во всех походах Лжедмитрия II. После смерти последнего Заруцкий И.М. женился на Мнишек М. супруге двух (а на самом деле одного – см. 12, с. 40) Лжедмитриев и задался целью посадить на русский престол её сына Ивана. Этот мальчик, по мнению некоторых историков, был законным наследником русского престола (12, с. 40). В процессе этого по-

М. Мнишек

хода на Москву Заруцкий и пытался взять Ливны. Но Ливны на сей раз не поддержали противников только что избранного царя и отбили атаки войск Заруцкого. «Ливенский воевода Г.Ф. Колтовский в мае 1613 года доносил в Москву, что «вор Ивашко Заруцкий приступал к городу Ливнам, но города не взял, и отсюда пошел к Лебедяню». (52, с.84) Не удался Заруцкому и весь поход на Москву. После этой неудачи Заруцкий и М. Мишек с о своим сыном сбежали в Астрахань. Однако и у казаков эта троица доверием не пользовалась. В конце концов, казаки выдали Заруцкого с Мариной и её сыном правительственным войскам. В июне 1614 г. Заруцкий был отправлен в Москву, где был посажен на кол. Казнили и сына Марины Ивана, который был законным царевичем и мог создать много хлопот новой династии Романовых. «Поэтому его убили, поэтому и вывесили «на всеобщее обозрение», чтобы ни у кого не возникло сомнений в его смерти». (12, с.40). А ведь Ванюше было всего четыре годика. Чем же он провинился перед Романовыми?

Его мать умерла от тоски по сыну в тюрьме вскоре после казни младенца, проклиная безжалостных палачей. И, видимо, неслучайно, спустя 300 лет после восшествия на престол первого из династии Романовых, последние из его потомков погибли в сыром подвале дома Ипатьева. И вновь здесь были невинные дети... Проклятие Марины Мишек достигло убийц через века. Может быть, правильно называли ее колдуньей...

Героически сражались ливенцы под предводительством воеводы Степана Исленьева против польского авантюриста Лисовского в 1615 году, в руках которого находился Орел. Исленьев был товарищем знаменитого воеводы Пожарского Д.М., руководившего этой операцией. Поначалу сражение с Лисовским складывалось неудачно для людей Пожарского. Но благодаря его опыту и храбрости, самоотверженным действиям возглавляемого им войска, в составе которого были и ливенские служилые люди, Орел отбили у поляков. Однако Лисовский успел до тла сжечь г. Орел, который вплоть до 1635 года прекратил свое существование. (43, с.226).

В конце 1616 года 300 ливенских детей боярских и 300 казаков под руководством князя Пожарского Д.М. участвовали в обороне Калуги. (52, с. 95). В этой битве в распоряжении Пожарского было 5400 человек. Выходит, что девятую часть войска под Калугой составляли ливенцы. Бои были очень упорные и кровопролитные. Почти все ливенцы погибли в боях за Калугу.

Сторожевая служба постоянно совершенствовалась. Так в 1615 году правительство разделило украинные города на пять отделов: Украин-

Петр Конашевич Сагайдачный

ные города, Рязанские, Северские, Степные, Низовые – всего 53 города. Ливны, наряду с Ельцом, Курском, Воронежем, Лебедяню, Волуйками, Белгородом и Осколом, были отнесены в 4-й отдел – Степные города. (6, с.34).

Для охраны южных рубежей государства правительство, наряду с совершенствованием организации управления войсками и строительством новых крепостей с постоянными гарнизонами, на летнее время создавало специальные временные подвижные соединения для помощи гарнизонам в борьбе с набегами татар. Так в Лив-

нах в 1617 году впервые стоял один из мобильных отрядов подвижного украинного войска, общая численность которого составляла 8647 человек. Эта практика сохранялась и в последующие года. И уже в марте 1618 года в Ливнах стоял отряд подвижного сторожевого полка численностью 650 человек. (6, с.36, 56).

В 1618 году польский королевич Владислав в очередной раз попытался водвориться на московский престол. В помощники себе он взял гетмана Коношевича-Сагайдачного. Зная малочисленность воинских гарнизонов пограничных городов, подданный польского короля украинский гетман Коношевич-Сагайдачный собрал 20-тысячное войско и выступил в поход на Москву. Запорожские казаки (черкасы) неожиданно заняли и опустошили Путивль, Рыльск, а затем, пройдя севернее Курска, двинулись на восток, к Ливнам. Под стенами города произошло сражение. Ливенцы оказали ожесточенное сопротивление, но силы оказались слишком неравны: по росписи 1618 года в ливенском гарнизоне насчитывалось всего 940 человек. Запорожцы приступом взяли кре-

пость, захватили в плен первого воеводу Никиту Ивановича Егупова-Черкасского, а второй — Петр Прокофьевич Данилов пал в бою. В этом сражении погибли многие ливенцы, защитники крепости.

«Ливенское разорение» нашло свое отражение в летописях. Вот как изображено побоище под Ливнами в Бельской летописи: «А пришел он, пан Саадачной, с черкасы под украинной город под Ливны, и Ливны приступом взял, и многую кровь христианскую пролил, много православных крестьян и з женами и з детьми посек неповинно, и много православных христиан поруганья учинил и храмы Божия осквернил и разорил и домы все христианские пограбил и многих жен и детей в плен поимал» (28).

О судьбе тех ливенцев, которые попали в плен к Сагайдачному, и не только о них, вопрос обсуждался на казачей раде, где было решено «...а которые русские полоняники иманы на Ельце и на Ливнах, и в иных городех, и о тех де в раде приговорили... взять им собою в Литву». Последняя деталь говорит о судьбе ливенцев. На родине их считали убитыми, но на самом деле они, наверное, были поселены где-то на Киевщине. Такое решение приняла казацкая рада для того, чтобы крепость Ливны не смогла после их ухода сразу возродиться. Видно боялись казаки Ливен, хотя Ливны были ими полностью сожжены. Была уничтожена и крепостная стена Большого острога, которая уже больше никогда не восстанавливалась.

Однако казаки ошиблись. Уже «...в следующем же году после «запорожского разорения» Ливны были срублены заново. Новый город был бледной тенью предыдущего. Он уступал ему и в силе укреплений, и в количестве церквей, и в численности населения...

Воевода Григорий Измайлов, восстанавливавший город, отстроил только укрепления кремля — Малого острога, стены же Большого острога восстанавливать не стал, по-видимому, из-за отсутствия денег, леса и людей. Позднее по их трассе поставили плетни и надолбы. Конечно, это были неважные укрепления, но против крымских татар, которые города брать не умели, вполне было достаточно и этого». (42, с. 84).

А Сагайдачный продолжил поход на Москву. И осадил ее вместе с войсками королевича Владислава. В обороне Москвы от войск Сагайдачного и Владислава участвовали и ливенские казаки. Многие из них сложили голову под Москвой. Несколько ливенских казаков, в этой битве оставшихся в живых, за самоотверженные действия в оборонительных боях под Москвой впоследствии были пожалованы вотчинами в Ливенском уезде. Этой награды от царя удостоились Третьяк Романов, Гришка Бесланов, Осип Харитонов, Василий Бурков, Степан

Лукьянов, Богдан Васильев и некоторые другие казаки. (52, с. 95 – 96).

В этом же году продолжались набеги татар на Московское государство, хотя считается, что период с 1618 по 1630 год был периодом затишья на южных границах Московского государства. Однако это затишье было условным. Татары не раз в эти годы приходили на ливенскую землю. В писцовых книгах есть сведения о нескольких ливенских помещиках убитых и взятых в плен татарами. (52, с.97).

Хотя в 1619 году город Ливны был в основном восстановлен после разгрома его черкасами, однако свой прежний вид он приобретал еще в течение нескольких лет, заодно обороняя московскую землю от набегов татар. В 1619 году при воеводе Г.В. Измайлове ливенский гарнизон состоял из 541-го воина. В 1618 году было 940 человек. Однако это не мешало ливенцам достойно охранять границы государства. В 1623 году с Ливен ставилось уже 17 сторож, которые перекрывали около 200 верст границы. (52, с. 101). Численность одной сторожки составляла от 4-х до 6-ти человек. Как правило, из них одна половина были детьми боярскими, а вторая — казаками (2+2 или 3+3). Кроме этого ратники из Ливен в этом году служили на оскольских сторожах.

Ливенцы бдительно охраняли государственную границу. В 1623 году ратные ливенские люди обнаружили татар, которые пытались форсировать Быструю Сосну через Крпичный и Телячий броды. У Кирпичного брода татар встретили ливенские воеводы А.Измайлов и Д. Яблочков. У телячьего брода путь татарам преградил другой отряд ливенцев. Но крымчанам удалось все-таки найти неохраемый участок реки. Отряд татар численностью около 500 человек скрытно «перелез» через Сосну и ушли на Новосиль. (45, с.154).

В 1625 году Ливны полностью оправились от погрома 1618 года. Гарнизон тоже восстановился и состоял из 916 человек. (52, с.107). Однако татары не обращали на это особое внимание и летом 1625 года неожиданно напали на уезд. Переправившись через Телячий брод (возле села Теличье), татарская конница продвинулась до речки Труды, но здесь ее встретили казаки, которых возглавлял казачий голова Порфирий Гринев. Несмотря на численное превосходство крымских татар, воеводы Андрей Измайлов и Даниил Яблочков у Кирпичного брода (возле ОАО «Ливгидромаш»), а Порфирий Гринев у реки Труды смело вступили в бой, который продолжался до позднего вечера. Ночью, воспользовавшись темнотой, татары ушли из Ливенского уезда на север.

В июле 1628 года полутысячный татарский отряд с награбленной добычей и пленными, уводимыми в рабство, возвращался в Крым после разорения Новосилья и южных окрестностей Ливен. На реке Фошне

его настиг отряд ливенских пограничников во главе с товарищем воеводы И. Рагозиным и казачьими головами Р. Каширяниновым и И. Павловым. В кровопролитном бою ливенцы наголову разбили грабителей. Только убитыми крымцы потеряли 57 человек и пленными 53 человека. Ливенцы также отобрали у них наворованное добро и освободили пленников. Об успешно проведенной операции в Москву в Разряд ливенский воевода отправил отписку и татарские уши, срезанные с убитых татар – «знак», как вещественное доказательство одержанной победы. (45, с. 157 - 159).

В 1628 в Ливнах находилось 939 служилых людей. Если учесть, что женщин и детей в те времена не заносили в списки жителей города (они под понятие «человек» не попадали), то можно предположить, что в Ливнах в 1628 году проживало около 2000 человек. Среди перечисленных мужчин, кроме 119-ти крестьян и 24-х священников, все были воинами – 796 человек. Все это воинство в основном обслуживало в быту и на службе само себя, но были в городе уже и те, кто специализировался на оказании услуг как по содержанию и ремонту оружия, сбруи для лошадей, так и на обслуживании простых житейских потребностей ливенцев, которые жили в делах и заботах о защите государства российского от набегов татар.

Ливны, по нынешним понятиям, представляли из себя гарнизон пограничников. Управлял Ливнами воевода. В том году в городе сменилось три воеводы. До 28 февраля 1628 года городом правил стольник Ф.В. Клепиков – Бутурлин, сменил его Л.И. Писарев. А со 2 июня и до конца года воеводил на Ливнах И.С. Рогозин.

Ливенское направление охраны границы в эти годы постоянно укреплялось. В 1629 году численность гарнизона увеличивается до 1419 человек, в 1630 – до 1491 человека. Наибольший состав Ливенского гарнизона в первой трети XVII века приходится на 1631 год, когда в Ливнах служило 1556 человек. (52, с.108). В целом большинство историков считают, что период 1618 – 1630 годов был временем относительного затишья на южных границах Московского государства. По большому счету южные уезды «отдыхали» от набегов татар.

Забытый подвиг Ливенцев

Как видно из истории, в 30-х годах XVII-го столетия молодое Московское государство было вынуждено решать свои внешнеполитические проблемы военным путем. Главные усилия по решению этих про-

блем прилагались на западе, где шла война за Смоленск, долгое время находившийся под властью Польши. Основные силы государства отвлекались туда. Но достичь успеха на западе не удалось. Отвлечение войск на западное направление неизбежно привело к ослаблению южной границы государства. Полевая окраина на Юге была заселена фрагментарно, что оставляло возможность для воровских набегов татар. Население этих краев, к которым относился и Ливенский уезд, было практически предоставлено самому себе. Правительство не особо заботилось об обороне южных рубежей и ограничивалось традиционной сторожевой службой. Однако Смоленская война показала, что нельзя решать важные внешнеполитические задачи, не поставив заслон татарским набегам на Юге.

Одних героических усилий гарнизонов южных городов было далеко недостаточно, чтобы сдержать крымчан. О том, что борьба служилых людей, тех же ливенцев, с татарами об одном таком историческом свидетельствуют документы. В Ливнах об одном таком историческом факте знают даже далеко не все краеведы. А вот в Курской области этому событию местные историки посвятили свои произведения. Куряне в 2002 году на месте этого события поставили памятник. Монумент открыт в память о битве курян в районе бывшего села Красная Поляна, в которой куряне, якобы, разгромили ногайское войско, спешившее на подмогу шведам в намечавшейся битве с русскими войсками под Полтавой под предводительством Петра I. Теперь эта память увековечена поклонным крестом работы русского скульптора В. М. Клыккова. Изготовленный из ковanej меди, высотой 11 метров, он установлен на каменной Голгофе высотой 3,5 метра. Памятник был торжественно освящен 10 мая 2002 года в селе Чернянка Черемисиновского района Курской области. А в 2005 году скульптор открыл там добавочный монумент, так называемый «голубец». По преданию, этот могильный памятник «о трех скатах, на трех развилочках», под которыми для «вящего позора» было решено оставить голову погибшего в битве легендарного ногайского богатыря, когда-то уже устанавливали на месте битвы. Но время его не пощадило. Вячеслав Клыкков решил восстановить историческую справедливость и в дополнение к кресту восстановить сам памятник, который существовал здесь многие годы.

Именно здесь, на Красной поляне совершилась 29 июня 1709 года, как полагает большинство курских краеведов, историческая победа курских порубежников над войском Ногайской орды Большого улуса. Автор и инициатор памятников В. Клыкков считал, что «Странным и невероятным в наше время кажется умолчание в истории России и

2002 г. Поклонный крест на Красной Поляне. Курская область

Курского края о Великой битве курян с ордою ногайцев Большого улуса, произошедшей 29 июня 1709 года, одновременно со всемирно известной Полтавской битвой. ... Я уже не говорю об огромной пользе для современных курян знания об этом значимом крупнейшем событии XVIII века, происшедшем на Курской земле.

Готовясь к Полтавской битве, шведский король Карл, не надеясь на собственные силы, повсюду искал союзников для уничтожения все более крепнущего тогда политического могущества России. С этой целью он, находясь в Варшаве, осенью 1708 года, то есть за год до Полтавского сражения, посылает срочно полковника Сандулея в Константинополь для заключения союза с Турцией против России, а полковника Клинстрема — к польскому

королю Станиславу Лещинскому.

В это время другие его агенты подготавливают измену Мазепы с запорожским и, частью, донским казачеством. Велась активная подрывная работа, направленная на организацию бунтов и мятежей против Петра и в самом русском народе. Помимо этого, агенты Карла подкупили Крымского хана и предводителей кочевых орд. С ними было условлено, что они нанесут удар по тылам наших войск одновременно с Карлом, и тем самым значительно ослабят силы Петра.

Перед Полтавской битвой Петр обратился к офицерскому собранию с такими словами: «Король шведский и самозванец Лещинский привели к своей воле изменника Мазепу и клятвенно утвердились отторгнуть Малую Россию, учинить из оного независимое княжество под властью того изменника, присоединить к оному Вошьнь, и подчинить ему же Мазепе,

казаков запорожских и донских. Такою надеждою льстясь, изменник уповал собрать казацкого войска до 200 тысяч, подкупил Порту, крымского хана и орды «на нас» для исполнения своего замышления призвал в Малороссию короля шведского со всеми его силами и Лещинского поспевшего уже на соединение, и с ним 2500 польского войска».

Нет сомнения в том, что ногайские и другие степные орды были подкуплены «на нас» и что по соглашению «Клятвенно утвержденному» они должны были напасть одновременно со шведами, то есть 29 июня (по старому стилю) 1709 года.

Ногайская орда Большого улуса полагала себя законной преемницей «царя Ногая», считавшегося законным властелином Курской области того времени.

Легкая конница ногайской орды в июне 1709 года за считанные дни беспрепятственно дошла до Ливенской крепости (ныне Орловская область) и была остановлена ливенским войском. Неожиданно для хана Мамая, возглавлявшего более чем стотысячное татарское войско, ливенцы оказали жесточайшее сопротивление ногайцам, сильно потрепав ханское войско и нанеся огромный урон коннице Мамаю. Ногайцы не смогли взять Ливны и в спешном порядке двинулись в орду по Муравскому шляху к Красной поляне, остановившись лагерем в урочище для отдыха после поражения у Ливен.

...К этому же времени к Красной Поляне подошел отряд петровского регулярного войска с тремя пушками. Отряд спешил на помощь ливенцам, но опоздал. Лагерь царских ратников, замаскированный кустарником, расположился между рекой Тим и правым берегом устья того ручья, который бежит по дну Станового Лога.

Утром 29 июня (старый стиль) или 12 июля (новый стиль) приотдохнувшая орда шумно вышла из своего стана (что располагался между шляхом, Муравкою и конечными отвершками Станового Лога) и двинулась на село Савины. Несколько в стороне от ее правого фланга одиноко шел пешком их великан, сверкая на солнце железным шлемом, железной кольчугой и щитом. Куряне были наготове, хотя татары могли этого и не знать, так как в то время вокруг Красной Поляны росли густые дубравы (Савин лес — Ю.Б.), в которых русским нетрудно было скрывать отдельные отряды и также скрытно передвигаться в нужном направлении, в то время как орда, находясь на открытой местности, была вся на виду у курского воинского ополчения. Ружейная и пушечная пальба, неожиданно и разом открывшаяся из леса, остановила наступление орды на село Савины и принудила ее круто повернуть на эти выстрелы, показавшие расположение русских.

С этого мгновения и началось ужасное побоище, в память которого

центр краснополянской битвы был наречен «Урочище — Побоище». Ногайский великан в своих доспехах и с четырехпудовым мечом в этой битве нанес курянам не меньший урон, чем вся орда, и тем вызвал у них страшную неприязнь и ненависть.

Предавшись притворному бегству в глубь лесного оврага, куряне заманили татарского витязя в обрывистый отвершек, который позже назвали «Безголовый Верх». Ногайский богатырь был повержен там метким выстрелом из огромного кремневого ружья. Когда же великан упал, то ему еще живому отрубили голову. Отсюда и название верха «Безголовый».

В этом жестоком сражении практически перебита была вся орда. На другой день после победы над татарами огромная толпа народа со всей округи собралась на Красную Поляну. Среди трупов, валявшихся и по чистому полю, и между дубовыми кустарниками, люди отыскивали своих отцов, братьев, мужей, сыновей — убитых и раненых. Раненых развезли по домам, а убитых порубежников и царских солдат схоронили согласно христианскому обряду по погостам ближних церквей. Поголовно перебитую татарскую орду закопали в яму, исключая тех, что валялись от нее слишком далеко. Обезглавленный труп ногайского великана, по преданию, был затоптан в трясины. Голову же его, в железном шлеме, подвязанном под подбородком цепью, с криком и свистом прикатали котом к Голубцу и там, на могиле татарской орды, навсегда оставили ее своеобразным памятным знаком в назидание всем инородцам, охочим до русской земли.

А.С.Пушкин во время своей поездки в Эрзерум, проезжая через Елец и Ливны по Муравской сакме на юг России в 1820 году, не мог не видеть этой огромной головы, воспетой им в поэме «Руслан и Людмила».

...Великолепно и красочно, с живыми подробностями убедительно вплетаемых преданий в фактическую ткань событий, перипетии жестокой Краснополянской битвы 10 июля (новый стиль) 1709 года изложил Ростислав Марков, член курской археологической комиссии в своем очерке «Голубец на Красной Поляне», изданном еще в 1909 году.

Поражение Ногайской орды под Ливнами, окончательный разгром и уничтожение ее на Красной Поляне полностью разбили честолюбивые планы шведского короля Карла XII и предательские замыслы гетмана Мазепы вместе с его польским союзником, самозванцем Станиславом Лещинским.

Требуется и разъяснение исторической наукой весьма прискорбного факта: почему при полном освещении событий Полтавской битвы с ежегодным пышным празднованием этой победы несправедливо умалчивалось и умалчивается о не менее важной победе русских над стотысячным войском Большого улуса Ногайской орды? Ведь, кроме сообще-

ния Ростислава Маркова перед Курской археологической комиссией в 1909 году, других публикаций об этой битве нигде не было. Необходимо отметить важную особенность очерка господина Маркова.

Можно объяснить «временную забывчивость» исторической наукой событий 1709 года на Красной Поляне трагическими обстоятельствами, обрушившимися на Россию с начала XX века: война с Японией (1905 год), первая мировая война (1914 — 1918 годы), революция, гражданская война, голод, разруха, коллективизация, Великая Отечественная война (1941 — 1945 годы), восстановление народного хозяйства и т.д.

Несомненно, что все эти причины повлияли на образование столь досадного пробела в нашей истории. Но такое «белое пятно» требует от нас деятельного осмысления этих событий для утверждения нашего поколения и для блага будущих поколений.

Из этого следует, что Курская земля к своей многострадальной истории прибавила еще одно Поле Славы, судьбоносное ратное Поле. А к таким памятным событиям мы должны относиться свято. Несомненно, наша археологическая наука обязана откликнуться на более полное раскрытие событий Краснополянской битвы.

Правительство должно в полном объеме и надлежащим образом обеспечить финансирование археологических экспедиций, научных исследований, а, главное, придать государственный статус, уравнивающий Краснополянскую битву с Куликовской, Полтавской, Бородинской и Прохоровским ратными полями.

Историческая победа России по оси Ливны—Красная Поляна—Полтава — еще одна мощная нить, скрепляющая наше православное славянское единство, еще один вдохновляющий пример для сегодняшнего поколения русских людей и роковой исторический урок для всех заокеанских и иноплеменных охотников до русской земли». (28).

Это изложение мнения большинства курских краеведов по поводу события, к которому напрямую были причастны и наши ливенские предки. Но есть и другая версия этого события. Вот что думает по этому поводу другой курский краевед А. Зорин, который в газете «Городские новости» №106 от 03.09. 2002 г. по поводу прошедшего открытия памятника в честь Краснополянской битвы писал: «Но существует и другое мнение по поводу этого примечательного события. «Историческая битва курян с Ногайской ордой Большого улуса способствовала победе Петра I над шведами в битве 1709 года под Полтавой и навсегда освободила курскую землю от зависимости Ногайской орды!» Именно так и не иначе - в самый день Полтавской битвы - курские порубежники разгромили войска ногайцев и положили конец татарско-

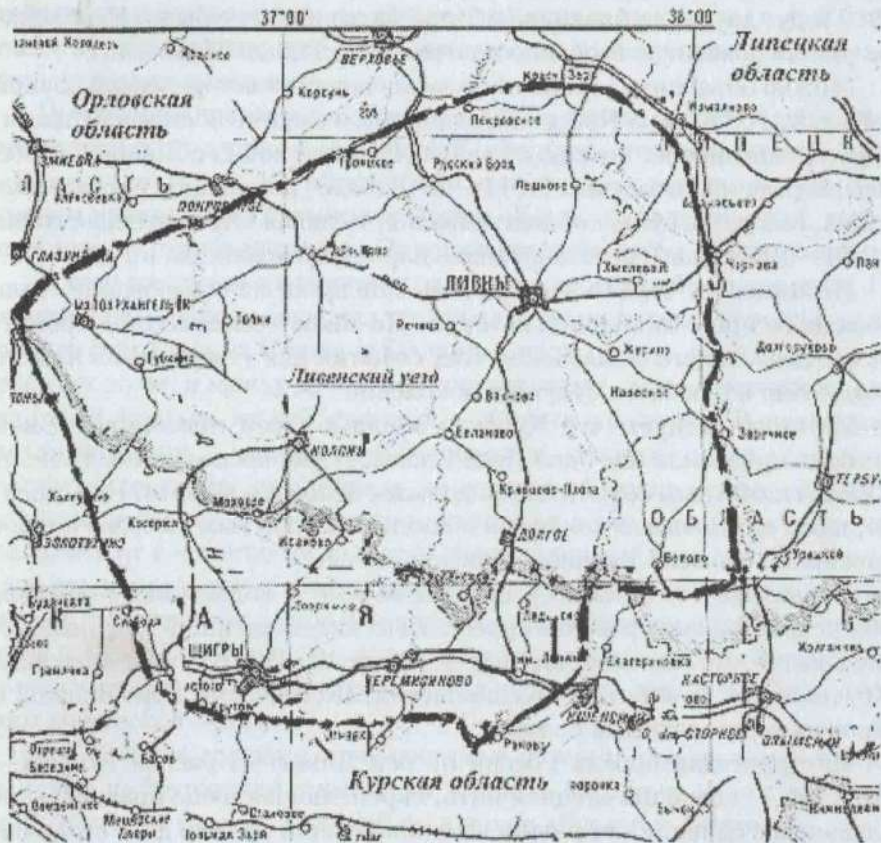

Схема границ Ливенского уезда в XVII веке на современной карте Орловской, Курской и Липецкой областей

му игу в курском крае, а заодно помогли победить армию Карла XII! Так утверждалось в приглашении на праздничные мероприятия по поводу открытия поклонного креста в селе Чернянка Черемисиновского района. Мероприятия были организованы администрацией района и Международным фондом славянской письменности и культуры. Нечасто наши власти обращаются к историческому прошлому, и каждый такой факт уже сам по себе должен радовать. Тем более что в данном случае речь идет еще и о возобновлении старинной традиции, искони бытовавшей среди жителей села Красная Поляна Шигровского уезда. Однако все ли безупречно в процитированных утверждениях?

Сведения о битве на Красной Поляне и даже сами формулировки в

ее описании заимствованы из статьи известного курского краеведа начала XX века Р. Маркова «Голубец на Красной поляне», опубликованной в 1911 году в первом выпуске «Трудов Курской губернской ученой архивной комиссии». Посетив здешние места, Марков обнаружил следы давней битвы, в том числе «две ногайские кольчуги» и «железные наконечники от ногайских стрел, из коих два наконечника - с согнутым жалом». Тогда же он записал здесь со слов стариков красочную легенду. 29 июня 1709 года, в самый день Полтавской битвы, местными ополченцами и отрядом регулярных войск был разгромлен стан ногайской орды, возвращавшейся после набега на Ливенскую округу. При этом был убит и обезглавлен некий «тогдашний Мамай» - татарский великан-богатырь, развезжавший на особых «богатырских дрогах» со щитом в четыре пуда весом и в четырехпудовой же кольчуге. Его отсеченную голову и водрузили на голубце, установленном в память сражения. Со слов старожил Марков подробно описал ход баталии, упомянув даже о том, как русские порубежники подавали друг другу сигналы, кукуя кукушкой, отчего и получил название холм Кукуй. К статье даже был приложен схематический план местности с точным указанием позиций татарских и русских войск.

Следует отметить, что сохранился и другой, более ранний, вариант легенды о голубце, найденный в фондах Госархива Курской области. Он не столь красочен, но зато, похоже, ближе к истине: «В давние времена на этом месте происходила битва с татарами и черепа убитых воинов валялись непогребенными... и вот результатом этого явились частые появления мертвых голов окрестным жителям. В особенности они тревожили пастухов по ночам, разгоняя их скот во все стороны. Напуганные жители обратились к местному священнику с просьбой похоронить черепа и отслужить панихиду, что и было исполнено при огромном стечении народа, и был поставлен «голубец» на могиле. С тех пор, гласит предание, видения исчезли и более не показывались». Приходивший в ветхость голубец регулярно обновлялся. Последний раз, насколько известно, его восстанавливали в мае 1900 года. Здесь нет речи о дате сражения, нет живописных деталей побоища, не говорится даже о том, кто победил в той давней битве. Но после знакомства с этим вариантом не возникает тех вопросов, которые поневоле появляются после прочтения статьи Маркова. Как случилось, что поход Ногайской орды, направленный на Москву и согласованный с Карлом XII, ускользнул от пристального внимания многочисленных исследователей петровской эпохи, отчего о нем не упоминается в подлинных документах того времени? И вообще, каким образом ногайцы сумели прорваться так глубоко в пределы российских уездов, добраться до Ливен - ведь

XVII-й век. Оборонительный бой казаков

к этому времени Дикое Поле было отрезано от России укреплениями не только Белгородской, но и расположенной значительно южнее Изюмской черты. Ведь уже в семидесятые годы XVII века татарские отряды, прорвавшись за Белгородскую черту, спешили ограбить лишь ближайшие окрестности, пока подоспевшие русские отряды не отсекали им путь к отступлению. А тут - минуя две укрепленные черты, ускользнув от гарнизонов порубежных крепостей, силы всей ногайской орды благополучно проходят по Муравскому шляху мимо Белгорода и Курска, штурмуют Ливны (хотя всегда старались избегать подобных безнадежных предприятий) и лишь после этого встречаются с силами какого-то местного ополчения и терпят поражение! О явно фантастических подробностях, наподобие истории с татарским великаном, об «освобождении края от татарской зависимости» в начале XVIII века (!) нечего и говорить. Однако легенда не могла возникнуть на пустом месте. Толчком к ее созданию послужили вполне реальные события 1632 г.» (28).

А эти события развивались так. В апреле 1632 года умер польский король Сигизмунд. Правительство царя Михаила Федоровича и патри-

арха Филарета увидело в этом удобную возможность для пересмотра условий перемирия. Было решено предпринять попытку отвоевать потерянные в Смуту земли, а в первую очередь - Смоленск и Дорогобуж. В августе 1632 года русской рати сопутствовала удача, но осада Смоленска затянулась. Это дало полякам время собраться с силами и завершить выборы нового короля, которым стал Владислав, сын умершего Сигизмунда. Во главе крупной армии он двинулся на выручку гарнизону Смоленска.

Для решения задач под Смоленском с южной границы были отвлечены большие силы. Если в 1629 году в украинских полках было 12 тыс. человек, то к 1631 году их численность сократилась до 9 тысяч, а к 1634 - до 5 тысяч. Ослабление охраны южной границы побудило к вторжению в московские пределы крымцев и черкас.

Уже в апреле-мае 1632 года татары массами двигались на Русь по всем шляхам. То и дело воеводам приходится вести о стычках станичников с кочевниками. Первыми в соприкосновение с отрядами татар вступили ливенцы. Так 14 мая в районе деревень Ливенского уезда Ревякиной и Свиной в 20 верстах от Ливен был бой ливенских ратных людей с отрядом татар численностью около 300 человек. Тогда же другой отряд татар численностью около 500 человек грабил деревни Вахнину, Ретькину (Вахново и Редькино - Ю.Б.) и Шебанову. Отделившийся от основных сил отряд татар численностью 50 человек захватил в плен пахарей на полях деревни Вожовой. Взяв добычу татары ушли восвояси... Но

уже 1-2 июля они появились в деревне Ливенского уезда Под-Святым (ныне Сосновка – Ю.Б.). (45, с. 210).

30 июля 1632 года татарский отряд численностью около 300 человек проследовал мимо Ливен в Курский уезд. В погоню за ним было послано из Ливен 700 детей боярских и казаков. Татары заметили погоню и старались оторваться от нее. Однако, когда к преследуемому отряду татар присоединились многотысячные соединения крымчан, следовавшие по Изюмскому и Муравскому шляхам в Русь, татары решили поживиться, захватив в плен первоклассный «товар» в лице ливенских воинов. Это им казалось легким делом, т.к. в объединенном отряде крымчан теперь насчитывалось до 20 тыс. воинов.

3 августа ливенцы были окружены татарами в 50 верстах от Ливен. Семьсот ливенских детей боярских и казаков под началом головы Меньшого Гринева по обыкновению засели в лесу и в течение половины дня бились с татарами. Янычары с «вогненным боем», находившиеся в составе войска татар, ходили на оборонявшихся ливенцев приступом. Сопrotивление ливенских ратных людей многократно превосходящими силами противника было сломлено. В бою пали 300 ливенцев во главе с храбрым воеводой Гриневым. Прочих ратников, израненных и обессилевших, татары угнали в полон. Это сражение закончилось и значительными потерями со стороны татар. По показаниям участников боя татары потеряли убитыми до 1000 человек, среди которых были и несколько мурз. После этой страшной битвы крымцы повернули на Курский и Белгородский уезды. Так погиб цвет ливенского дворянства, однако продвижение ордынцев вглубь России было остановлено. (45, с. 211).

Следует отметить, что плененные в 1632 году под Савиновой дубравой ливенские служилые люди не смирились со своей судьбой. Некоторые из них, приложив максимум усилий, смогли бежать из плена. Об этом свидетельствуют отписки ливенских воевод, касающихся событий 1632 года. Приводим выдержки из них.

Отписка Ливенских воевод. 1632 г. Август.

«Из татарского плена бежал сын боярский Яков Черников, который рассказал при допросе, что взяли его в плен во время боя, в котором ливенские ратники бились с татарами под Савинским лесом. А сбежал он татар на реке Бурлуки, которая находится от Белгорода в двух днищах». (1, с. 382.)

Отписка Ливенского воеводы. 1660 г.

«Ливенский воевода Никита Толстой прислал с Ливен (в Москву – Ю.Б.) турецкого полонянина Фомку Самойлова сына Чернова. И тот полоняник в Розряде в расспросе сказал: ...в прошлом де, во 140 году

(1632) как был бой у государевых ратных людей с крымскими людьми в Ливенском уезде под Савиным лесом. И на том де бою взят он был и полон и был в полону в Турской земле на каторге 27 лет; да на том бою ранен он, Фомка, двумя стрелами по левой ноге». (3, с. 17 - 18.). Можно только удивляться стойкости и мужеству нашего земляка Фомы Чернова, почти 30 лет не терявшего надежду вернуться на Родину, и он сделал это.

Битва, в которой участвовали ливенцы Яков Черников и Фома Чернов была лишь одним из эпизодов того бурного времени. Затем она затерялась среди прочих подобных событий. Курский краевед А. Зорин в упомянутой статье пишет, что «Население Щигровского уезда, на территории которого потом оказалось место этой битвы (1632 г. – Ю.Б.), постоянно пополнявшееся за счет выходцев из других районов России, уже к концу столетия, вероятно, довольно смутно представляло себе детали схваток с кочевниками полувекковой давности. Вражеские набеги и нашествия все больше становились достоянием легенд, дедовских преданий, все более и более туманных.

Между тем, место трагического сражения как раз и располагалось в окрестностях современных сел Чернянка и Становое Черемисиновского района Курской области. При всей фантастичности в статье Маркова все же сохранились отголоски реальных событий. Например, в рассказе о том, что здесь «тогда шумели густые дубравы», что с Муравского шляха орда «всею массою пошла на село Савины (ныне не существующее), пересекая все урочище «Побоище», а лагерь «царских ратных людей располагался между рекой Тим и правым берегом устья того ручья, который бежал по дну Станового Лога».

«Установление креста, сменившего древний голубец, напоминавший о героизме предков нынешних курян, – событие, несомненно, отрадное. Остается лишь пожалеть, что оно было произведено на основе, не имеющей ничего общего с подлинными событиями славной военной истории курского края. Ливенцы, вынудившие ордынцев повернуть вспять, достойны памяти и памятника куда больше, нежели мифические победители в небывалой битве». (28).

Конечно, можно спорить о времени, когда произошло событие, так почитаемое курянами. Но факт остается фактом, что в Савинской дубраве, и это никто не оспаривает, была битва, в которой вне зависимости от времени, когда она состоялась, главное место занимает подвиг ливенцев, остановивших ногайских татар. В честь этого события в Курской области в районе бывшего села Красная Поляна в Черемисиновском районе и поставлен огромный памятник. А в Ливнах об этом событии мало кто знает, события, которое ставят в один ряд с Полтав-

ской битвой. Куряне прославляют ливенцев из далеких веков, а их земляки и наследники их славы молчат.

А ведь тогда, идя на верную смерть, служилые люди Ливенского уезда стремились закрыть татарам путь на север. Оставшиеся в большинстве своем безымянными, ливенские служилые люди проявили себя как подлинные преемники былинных богатырей Киевской Руси. Следует согласиться с мнением скульптора Клькова В.М., который посчитал Краснополянскую битву равной по своему значению Куликовской, Полтавской, Бородинской и Прохоровским ратным полям для русского национального самосознания.

На мой взгляд, этот подвиг ливенских воинов должен войти в систему патриотического воспитания подрастающего поколения в Ливнах, а памятник - поклонный крест в селе Чернянка Черемисиновского района Курской области - должен регулярно посещаться представителями ливенской общественности и просто экскурсантами и напоминать ныне живущим и последующим поколениям ливенцев о беспримерном мужестве и патриотизме их предков.

Но вернемся в XVII-й век. Отряд татар, за которым погнался воевода Гринев со своими людьми, был одним из первых соединений крымцев, выходивших из войны. Вслед за ним в августе татарские соединения начали следовать мимо Ливен одно за другим. Это видно из отписки Ливенского воеводы за 1632 год: «...Августа в 4 день прошли татарове на Русь, крымские большие люди, мимо города Ливен и лезли реку Сосну в Кирпичный брод, от города 3 версты....

...ливенец сын боярской Никита Теряев... в распросе сказал:

Августа де в 13 день прошли татарове в Русь в Луковский брод, от города Ливен 70 верст, тысячи с полторы и больше.

...Да августа в 18 день прошли татарове из Руси многие люди, а лезли реку Сосну в Светицкий брод, от Ливен 15 верст, и от тех татар приходили под город под Ливны на посадския поля человек с 200 и больше, и с теми татары был бой. И бивая, татаровя пошли за теми ж татары через реку Сосну.

А чае тех болших людей приходу к городу Ливны и в Ливенский уезд войной...». (1, с. 382.). Эта отписка говорит о том, что в 1632 году татары через Ливенский уезд ходили довольно часто.

Сохранились сведения и о других эпизодах боевых действий в районе Ливен в 1632 году.

Так 9 августа крупный отряд крымцев, возвращавшийся с добычей домой осадил Ливны «всеми людьми, жестокими приступы пешими людьми два дня и две ночи». Скорее всего, эти атаки на Ливны имели целью обеспечить беспрепятственный проход мимо города и через сосенские

броды обозов с добычей, полоном и стадами скота. (45, с. 212).

Вспоминая эти события, невольно отдаешь себе отчет в том, что насколько сильно полита земля вокруг Ливен слезами и кровью русских людей, уведившихся в татарский плен. Сотни, тысячи русских людей своими босыми ногами протоптали дорогу через Быструю Сосну в Крым. Ведь здесь кончалась родная земля и начиналось «Дикое поле», которое полоняникам предстояло измерить своими шагами, каждую минуту сжимая зубы от бессилия и терпя издевательства наглых татар. Каждый пленник прощался здесь, у Ливен, с Родиной и таил в своем сердце надежду на возвращение домой.

Выход татар из войны в 1632 году растянулся до конца августа. Но всему есть конец, закончились в том году и набеги татар. В октябре Москва потребовала от воевод прислать сведения о числе убитых и взятых в плен татарами людей в 1632 году. «На основании воеводских отписок был установлен следующий список потерь по уездам: в Ливенском - 1232 человека, в Карачевском - 281, в Курском - 226, Елецком - 115, Белгородском - 97, Оскольском - 68, Орловском - 50, Мценском - 20, Данковском - 7, Сапожковском - 6, Веневском - 5, Воронежском - 1. Всего - 2660 человек, в т.ч. убитыми 320 человек (из них более 300 человек ливенцев - Ю.Б.)». (45, с. 213). Из этих цифр видно, что потери ливенцев в 1632 году были в разы больше, чем в других уездах, а среди убитых почти все были жителями Ливен и Ливенского уезда.

К этому урону, который понесли Ливны и уезд, необходимо добавить ливенцев погибших в смоленском походе в этом же году. Там погибло более пятисот ливенских служилых людей, почти все ливенское войско.

Следует отметить, что результатом почти непрерывной череды больших и малых набегов и нашествий в XVII на южные уезды России был увод в плен, в общей сложности, десятков и даже сотен тысяч русских людей, среди которых было много ливенцев. Часть из них становилась рабами крымских татар, часть продавалась восточным соседям крымцев, часть отправлялась на продажу на невольничьи рынки Османской империи.

Юрий Крижанич писал в 1667 году в своем сочинении «О промысле» следующее: «На всех военных судах турок не видно почти никаких других гребцов, кроме людей русского происхождения, а в городах и местечках по всей Греции, Палестине, Сирии, Египту и Анатолии, или по всему Турецкому царству, видно такое множество русских пленных, что они обыкновенно спрашивают у наших: остались ли еще на Руси какие-нибудь люди?». (28).

Татарский полон. Из Псалтыри 1633 года.

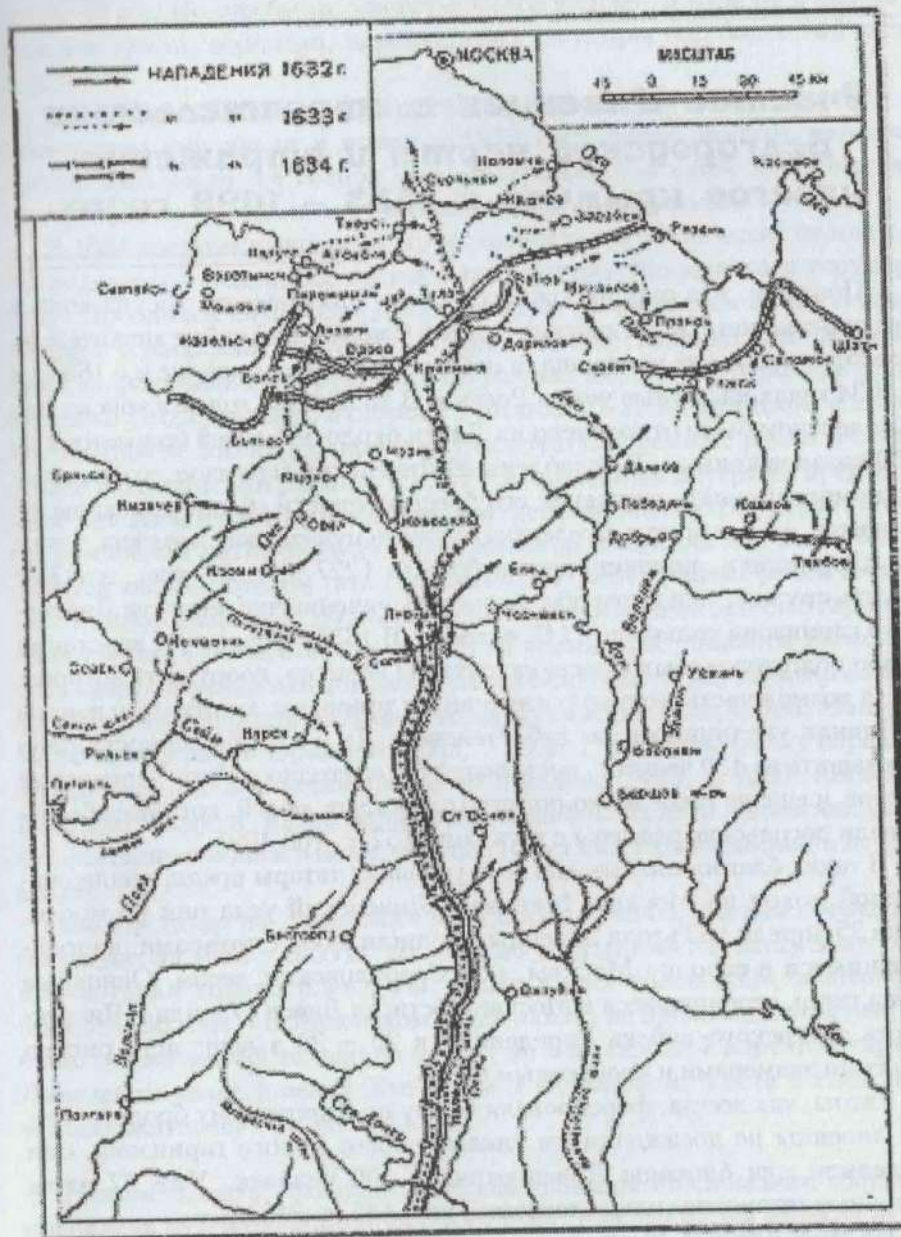
Не все полоняники заканчивали свою жизнь в иноземном рабстве. Государство, по мере возможности, организовывало выкуп русских пленников, для чего собирался специальный налог — полоняничные деньги. Платили такой налог и жители Ливен. Пленников выкупали как русские послы, направленные к крымскому хану, так и частные лица — русские купцы, торговавшие в Крыму.

Однако был и другой путь вернуться на родину — бегство из плена. В этом случае дорога домой проходила, как правило, через донские казачьи городки и южнорусские уезды.

Как видно из выше приведенных документов этим способом избавлялись из татарской неволи и плененные ливенцы.

Некоторым везло, и они освобождались вскоре после пленения, другие проводили в неволе годы, и даже десятилетия (максимальный срок — 27 лет). Бежали из плена разными способами. Первый путь — групповой побег. Второй путь — это освобождение из плена с помощью донских казаков.

Третий путь — это побег в одиночку. Именно так бежал от ногайских татар весной 1628 г. и ливенский сын боярский Алым Тверитинов. Он добрался до Дона, прожил там около четырех недель, а потом донские казаки доставили его в Воронеж. В одиночку от застенков татарского плена освободились сын боярский Яков Черников и Фомка Самойлов сына Чернова, пробывший в плену 27 лет.

Схематическая карта татарских вторжений в пределы

Участие Ливенцев в строительстве Белгородской черты и отражении набегов крымчан в 1633 – 1699 годах

Понимая, что охрана южных границ Московского государства в угоду решению стратегических задач в Смоленской войне значительно ослабла, татары не прекращали набеги в массовом порядке и в 1633, и в 1634 годах на южные уезды России. В 1632-1634 годах в войско под Смоленском было отправлено из Ливен около 500 детей боярских и до 150 казаков конных. В ослабленный Ливенский гарнизон, чтобы как-то компенсировать снижение его боеспособности, были призваны 17 ямщиков, «...вся братья стрелецкая, казачья, пушкарская и ямская, также их племянники, половинщики и бобыли (227 ч.)...» - все, кто мог носить оружие. Эти меры обеспечили увеличение численности Ливенского гарнизона только до 1149 человек. В 1635 году за счет верстания слабо подготовленных к несению службы новиков, вооружить которых была возможность только рогатинами и топорами количество воинов в Ливнях увеличилось до 1467 человек. Да и эту численность надо уменьшить на 150 человек, посылавшихся ежегодно в Усть-Чернавский острог, и еще на такое же количество служилых людей, которые обеспечивали посольские размены с татарами. (52, с. 108-109).

В таких благоприятных для себя условиях татары предприняли очередной поход на Москву. Миновать Ливенский уезд они не могли. Уже 25 апреля 1633 года ливенцы вступили в бой с татарами, направлявшимися в сторону Москвы, под Серболовским лесом. Основные силы татар, стремившиеся к Москве, достигли Ливен 17 июля. «Численность татарского войска определяли в 20 – 30 тысяч; шли они со многими знаменами и «вогненным боем».

Татры, как всегда, форсировали Сосну по Кирпичному броду, а чтобы ливенцы не досаждали им силами своего хилого гарнизона, они выделили для блокады Ливен отряд в 500 человек. Уже 22 июля основные татарские силы миновали Тулу. (45, с. 215).

Из этого следует, что за четыре дня татарское войско численностью более 20 тыс. человек и с табуном лошадей в 60 тыс. голов прошли расстояние от Ливен до Тулы (около 300 км), т.е. в день они проходи-

ли 70-80 км. Но это было многотысячное войско. А отряды в 200-500 человек могли, вероятно, перемещаться со скоростью более 100 км в сутки.

Специально Ливенский уезд татары в этом году не воевали. Но и мимоходом они увели в полон в 1633 году более двухсот жителей Ливенского уезда, не говоря уже о награбленном скоте и имуществе неоправившихся еще от прошлогоднего погрома ливенцев.

В 1634 году татарское войско численностью в 20-30 тысяч человек в очередной раз появилось на южных границах Московского государства. Преодолев Северный Донец, татары разделились на несколько отрядов и рассеялись в разных направлениях. Часть из них направилась, форсировав Быструю Сосну в разных местах на территории Ливенского уезда, дальше, в сторону Москвы. 21-22 июля татары в количестве 4000 человек форсировали Быструю Сосну ниже речки Фошни (ныне Колпнянский район – Ю.Б.). Ослабленный потерями предыдущих лет Ливенский гарнизон не мог действительно противостоять этой басурманской рати. Хотя 27 июля ливенцы вступили все же в бой с двухтысячным отрядом татар недалеко от Ливен в районе речки Вязовки. Но многотысячный поток татар силами немногочисленного гарнизона остановить было невозможно. В то время, как ливенцы пытались хоть как-то затруднить движение двухтысячного корпуса татар на Вязовке, в 70-ти верстах от Ливен через Луковский брод (ныне Малоархангельский район Орловской обл. – Ю.Б.) Быструю Сосну перешел отряд татар численностью около 5000 человек. (45, с. 228). Миновав Быструю Сосну, и сильно разорив лежавший на их пути Ливенский уезд, татары направлялись в более богатые Курский, Новосильский и другие уезды.

Набеги татар на Ливенский уезд продолжались и в два последующих года. За 1632 – 1635 гг. Ливенский уезд от набегов татар запустел, ибо потерял только пленными за это время более 1500 человек. А весной 1636 года «В Ливенском уезде пахота не производилась; опасно было оставаться не только на полях, но и по селам. 7 апреля татары в Ливенском уезде в селах Хмелевом и Яблоновом взяли в плен 100 человек жителей». (45, с. 234).

Нельзя сказать, что защите южной границы Московского государства уделялось мало внимания. В XVI-XVII вв. здесь для защиты рубежей Московии от набегов крымских и ногайских татар была возведена система инженерных оборонительных сооружений - «Большая засечная черта». Создание «Большой засечной черты» обеспечило охрану приграничного населения, постепенно отодвигая линию обороны к югу.

Однако к 30-м годам XVII-го столетия, когда территориальные притязания московитов распространялись все дальше и дальше на Юг, «Большая засечная черта» уже не выполняла функции защиты новых территорий от набегов татар. Ведь формирование «Большой засечной черты» происходило на базе городов Венев, Тула, Одоев, Белев, Лихвин, Козельск, которые стали основными опорными пунктами «Большая засечная черта». Эти города находились значительно севернее созданных в конце XVI-го века городов-крепостей Елец, Кромы, Ливны, Воронеж, Оскол, Белгород и Курск. «Большой засечной черты» не могла защитить территорию, на которой находились новые города.

Поэтому было принято решение о строительстве на юге «Белгородской засечной черты» – системы укреплений, которые могли бы препятствовать набегам татар на новые южные территории, считавшиеся Московским государством своими еще со времен Ивана Грозного. Надо было обеспечить нормальное хозяйственное развитие этих земель, что могло существенно пополнить казну развивающегося государства.

В связи с этим в начале 1630-х годов начинает изменяться политика правительства в области землевладения в южных уездах государства, которая была призвана решать проблемы укрепления южных границ государства. «В интересах усиления обороны правительство вступило на путь закрытия доступа в украинные уезды всяких столичных и иногородних чинов людям и запрещения им приобретать земельные владения». (45, с. 305).

Дело было в том, что влиятельные, богатые столичные землевладельцы, бояре в силу своего положения с использованием административного ресурса начали скупать, а то и просто отнимать, плодородные южные земли у бедных служилых людей южного пограничья, переманивать от них крестьян в свои хозяйства. В результате служилые люди зачастую сами превращались в крестьян, а количество воинов в этих районах постоянно уменьшалось. Охранять границу было некому, да и привлечь новых служилых людей было невозможно, т.к. свободной земли не оставалось для раздачи новым пограничникам. (45, с. 305).

Ярким примером агрессивного поведения, направленного на захват земель в южных уездах, стала деятельность дяди царствовавшего в начале века первого из Романовых, Михаила Федоровича Романова, Ивана Никитовича по прозвищу Каша. Он много претерпел при Борисе Годунове, был в ссылке, но уже при коронации Лжедмитрия I в 1605 году был боярином и находился в Москве. При племяннике своем он имел большое влияние и официально руководил внешними делами государства, был, по нынешним понятиям, Министром иностранных дел. И.Н. Романов владел в Липецком уезде селом Романово. Это была его вот-

чина. Недалеко от Лебедяни боярин создал настоящее укрепление Романово Городище, в котором содержал отряд вооруженных людей, своих подданных. Вот отсюда они по указке боярина и совершали набеги на елецкие земли. Отбирали у служилых людей землю, крестьян, имущество, насиловали их жен и дочерей. «Только за 1628 год сто пятьдесят крестьянских дворов были насильно свезены или вынуждены переходить сами к новому владельцу». (18, с. 112) Местные воеводы в эти дела не вмешивались, помня, кто их поставил на должность, которой можно было запросто лишиться, пытаясь защитить своих же подопечных.

Однако терпение ельчан лопнуло, и они сочинили челобитную царю Михаилу Федоровичу и отцу его патриарху Филарету, надеясь найти у них защиту от бесчинств их дяди и брата. Но надеждам этим, как и во все времена, как и в сей день, не суждено было сбыться. Ведь суд у нас на Руси еще с времен Ивана Грозного судит «...праведно, что бы наши виноваты не были». И они никогда виноваты не были, если они – «наши». (Интересно, основанное в поддержку президента России движение «Наши» тоже надеется на безнаказанность в своих действиях?).

11 июля 1628 года семеро ходоков из Ельца отправились с челобитной в Москву. По существовавшему тогда порядку прохождения бумаг, подобных елецкой челобитной, ее авторы должны были объявить о своих претензиях, изложенных в жалобе. Можно это было сделать устно при большом скоплении народа, а можно и письменно, передав копию бумаги какому – нибудь известному, уважаемому человеку. Таким человеком ельчане посчитали игумена Ливенского Сергиевского монастыря Харлампия. Ему то они и передали свою жалобу 6 августа. Вот так Ливны вошли в историю с этой челобитной ельчан.

Жалоба ельчан насторожила Московское правительство. Мыслимое ли дело, целый город осмелелся жаловаться на боярина, да на какого, близкого родственника государя. Было назначено разбирательство. Следователи получили задание провести дознание не только в Елецком уезде, но в близлежащих городах, среди которых были и Ливны.

В сентябре сыщики прибыли с обыском в Ливны. Слово обыск с тех пор изменило свое значение. А тогда оно обозначало опрос сторонних людей по какому-либо делу. Сейчас ему соответствуют слова допрос, дознание.

Московские сыщики о проделанной работе составили отчет, в котором говорилось: «На Ливнах в обыске игумен Харлампий сказал по священству, что боярина Ивана Никитича Романова про обиды ельчанам от людей его и от крестьян, про крестьянскую из-за ельчан вывозку

и про земляное владение, и сенные покосы, и про хлебный пожон, и про жен и дочерей позор, и из денег и из платья про пытку, и про грабеж, и про всякие насильства он ни чего не ведает, и ни от кого ни про что не слышал.

А подали ему ельчане явку. И ныне та явка у игумена взята в Москву с обыском вместе, за его игуменовой рукою. А писана явка на боярина на Ивана Никитича Романова, да на его людей, которым у него приказано (жить) в селе на Романове Городище с деревнями, и на его крестьян в обидах и насильствах. А поданная явка подписана августа в 6 день 136 года. А того на явке не написано, кто именем явку подал....

В обыску же Ливенского ж уезду попы и дети боярские: Рождественский поп Григорий, Пятницкий поп Мефодий, да дети боярские Третьяк Лисин, Порфирий Анисимов, Григорий Завалишин, Андрей Говоров, всего 6 человек, попы сказали по священству, а дети боярские по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси крестному целованию:

Боярина Ивана Никитича Романова люди и крестьяне из-за ельчан крестьян вывозят.

А слышал де то поп Григорий на Ельце от ельчанина от Зенова Перцова на торгу в Великий пост. А поп Мефодий и Третьяк Лисин слышали от ельчан от Филипа Тюнина, да от Григория Шуринова. А того не помнят, в какую пору слышали. А Порфирий Анисимов слышал от Филипа же и от Григория в Великий же пост.

А Григорий Завалишин слышал от Филипа же и от Григория на масляной неделе.

Да в нынешнем в 136-м году сентября в первый день слышал он про то ж от Филипа Тюнина. А Андрей Говоров от ельчанина ж от стрельца от Ивашка Карамышева в Николины вешнего дни сколько из-за кого крестьян вывезли. А про иные ни про какие насильства и обиды не ведают же, не слышали.

В обыску же козмодемьянский поп Антон, да ливенцы ж дети боярские Алексей Ефанов, Кирей Поцелуев, Павел Микульников, Климент Руднев, Тит Кобылшин, Михайло Шавов, Марко Хорошилов, Андрей Митусов, Матвей Золотухин. Всего 10 человек, поп сказал по священству, а и дети боярские по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси крестному целованию: Боярина Ивана Никитича люди и крестьяне из-за ельчан крестьян вывозят. А слышали де они то от ельчан. Поп Антон слышал на Ельце от Григория Шуринова да от Филипа Тюнина, что вывезли из-за Григория Шуринова 12 человек крестьян. А того не помнит, в кою пору слышал. А семь человек детей боярских, Алексей Ефанов со товарищи, сказали: слышали на Ель-

це перед Троицыным днем от ельчан, от Филипа и от Алфера Тюниных, да на Ливнах слышали от ельчан же от Григория Шуринова, что из-за Филипа вывезли из двенадцати дворов крестьян, а из-за Григория вывезли 17 дворов крестьян.

А Андрей Митусов слышал на Ельце в Николины вешнего дни от ельчан от Зенова, Перцева да от Григория ж Шуринова, что из-за Зенова вывезли крестьян человек с десять. А Матвей Золотухин слышал на Ельце в Великий пост от ельчанина от Филипа ж Тюнина, что вывезли из-за Филипа крестьян человек с десять же. А про иные де ни про какие насильства и обиды ельчанам боярина Ивана Никитича от людей и от крестьян сами они опричь того ничего не ведают и не слышали.

В обыску же Семен Сидоров сказал по государеву цареву крестному целованию, слышал он в Николины вешнего дни на Ельце на торгу у многих людей в переговоре, что боярина Ивана Никитича Романова люди и крестьяне вывозят, а от кого именем слышал, тех людей не знает. А сколько крестьян вывезли, того не слышал, и про иные ни про какие насильства и обиды не ведает и не слышал.

В обыску же Андрей Домарев сказал по государеву ж крестному целованию, Госпожине ж (Успение Богородицы 15 августа) ни был он на государеве службе в острожке меж Ельца и Ливен, на усть Чернавы, на месячной стороже и слышал в острожке от ельчан от Романа Климова да от Моисея Воробьева, что боярина Ивана Никитича люди и крестьяне ельчан бьют и грабят, и крестьян вывозят. И которая де земля под их землю подошла, и они тою землею и покосами владеют. А сколько из-за кого крестьян вывезли и в какую нору, и сколькими землями кто завладел, и кто кого бил и грабил, того не ведает и не слышал.

В обыске нее Михайло Богатый сказал по государеву ж крестному целованию, слышал он от ельчан от Данила Мишуринова, шел де он на Ливны тому года с три, да от Филипа Тюнина, тому 6 годов, да был он же Михайло в острожку на Чернаве с ельчанами тому года с два. И он слышал от ельчан, что боярина Ивана Никитича люди и крестьян ельчан бьют и грабят, и крестьян из-за них вывозят и землею их насильством владеют, И от их де разорения дети боярские в боярскую вотчину жить в рознь пошли. А кого били и грабили и крестьян вывезли, и где землею завладели, и кто дети боярские врознь пошли того де ему Михайлу не сказали. А от кого в острожке слышал, того не помнит.

В обыску же Максим Теряев сказал по государеву крестному целованию, слышал он от ельчан в том же острожке в дни Николы вешнего, что боярина Ивана Никитича люди и крестьяне из-за ельчан крестьян

вывозят. А от кого слышал, того не помнит. И в том де острожке стоят они по переменам по две недели с Ельца по пятидесяти человек, А товарищи его то слышали или не слышали, и про иные ни про какие насильства он, Максим, сказать не ведает.

В обыске ж Амос Бачурин сказал по государеву крестному целованию, был он в том же острожке на стороже тому с год и слышал от ельчан от многих людей, что боярина Ивана Никитича люди и крестьяне по дорогам людей грабят. А от кого слышал, того не помнит. И кого грабили, и что взяли в грабеже, и про иное ни про что не ведает.

В обыске ж Архангельский поп Ларион сказал по священству, боярина Ивана Никитича про обиду ельчан сам ни чего не ведает и не слышал. А видел он на Ливнах у ливенского Сергиевского игумена Харлампия в 136(1628 г. - Ю.Б.) году август в 31 день от ельчан явку. Да в нынешнем 136 году сентября в 11 день видел он у того же игумена Харлампия от ельчан роспись. А в росписи написано, что кому ельчанам боярина Ивана Никитича от людей его и крестьян какая обида. И по сказке попа Лариона ныне та роспись у игумена взята к Москве с обыском же вместе за его же игуменовою рукою. А с явкою вместе ту роспись игумен Харлампий до попа Лариона сказке Миките и Ивану не объявил неделю.

И всего обысканных людей, которые разные речи свои сказали, 23 человека.

А общего по ливенским обыскам обыскных всяких людей 951 человек, а речи их писаны выше сего.» (18, с. 351 – 356)

Следствие вели бярин Н.Д. Вельяминов и дьяк И. Тимофеев. Допросы они проводили не только в Ельце и Ливнах, но и в Данкове и Лебедяни. Большинство из допрошенных подтвердили, что они слышали о бесчинствах людей И. Романова. А копия челобитной нашлась в Ливнах у игумена Харлампия. Он не отправил ее в Москву сразу по получении, и в этом можно усмотреть непорядочность отца Харлампия, отсутствие у него сочувствия к своим соседям ельчанам. Однако, скорее, дело совсем в другом. Мудрый отец Харлампий понимал, что шутки с государем плохи. Ведь все могло обернуться и против него и против Ливен. В самом деле, возможен был вариант, когда челобитную ельчане могли написать, но в Москву не повезти, а в Москву пришла бы копия несуществующей жалобы. А отказаться в этом случае ельчане от челобитной могли, отказались ведь некоторые из них при допросах от своих слов и подписей или отвечали уклончиво. Возможен был вариант развития событий в то лихое время и такой, когда отец Харлампий отправил бы гонцов с копией челобитной в Москву, но она туда бы не дошла. Мало ли что могло случиться в дороге. Тогда у ельчан вообще

не осталось бы никакого оправдания. А Харлампий рассудил правильно: будет разбирательство – копия челобитной цела и будет вручена, кому надо. Не будет разбирательства – так пусть и лежит эта бумага, сколько пролежит. Если уж он хотел бы вообще не вмешиваться в это склочное дело, то мог ее просто уничтожить, и никто бы не доказал, что она у него была. Правда, отец Харлампий не решился передать сыщикам елецкую бумагу сразу, как сыщики объявились в Ливнах, но когда увидел, что на карту поставлено благополучие соседей, отдал копию челобитной московским следователям.

Однако это не помогло. Результаты расследования были представлены так, что боярин И.Н. Романов оказался ни в чем не виноват, а ельчане его оговорили. За это они понесли наказание, кто какое. А все

остальные получили урок – не спорь с сильными мира сего, ибо прав не тот, кто прав, а у кого больше прав.

Тем не менее, вскоре после этих событий по постановлению правительства «заказными» городами с уездами были объявлены: Воронеж, Лебедянь, Елец, Оскол, Ливны, Курск, Мценск, Новосиль, Орел, Болхов, Карачев, Рыльск. В этих уездах было запрещено приобретение земель столичным и иногородним чиновникам и крупным землевладельцам.

Можно предположить, что события, описанные в Елецкой челобитной, стали одним из толчков, приблизивших власти к принятию указа о «заказных» городах, в число которых вошли и Ливны.

Однако стратегическим военным решением по обеспечению безопасности границы стал царский указ о строительстве на этом направлении новой, расположенной южнее Ливен, засечной черты. Новая укрепленная линия под названием «Белгородской черты» была построена в 1635 – 1658 гг. Она представляла собой систему крепостей – острогов, земляных валов, лесных засек. Черта прошла по территории нынешних Сумской, Белгородской, Воронежской Липецкой и Тамбовской областей, начиналась у г. Ахтырки, заканчивалась городом-крепостью Козловым (Мичуринск). На «Белгородской черты» были построены и реконструированы следующие крепости: Хотмыжск (1640 г) Карпов (1646 г), Болховец (1646 г.), Белгород (1596 г) Нежегольск (1654 г), Короча (1638 г.), Яблонов (1637 г.). Новый Оскол (1647 г.), Верхососенск (1647 г.), Усерд (1637 г), Ольшанск (1644), Острогожск (1652), Коротояк (1647), Урыв (1648), Костенск (1642), Воронеж (1585), Орлов (1646), Усмань (1645), Белоколодск (1663), Романов, Сокольск (1647), Добрый (1647), Козлов (1635), Бельский (1636), Челновой (1636). Создание «Белгородской черты» существенно повысило безопасность Ливен. Так участок этого оборонительного сооружения между Карповом и Белгородом пересекал Муравскую дорогу татар, крепость Яблонов-Изюмскую, а участок -Усерд – Ольшанск – Кальмиусскую дорогу, то есть эти крепости были поставлены на основных направлениях движения, по которым татары долгие годы ходили к Ливнам и дальше на север.

Ливенцы активно участвовали в строительстве городов «Белгородской черты» и ее укреплений. Они по разнарядке свыше переселялись вместе со служилыми людьми других городов во вновь построенные города «Белгородской черты» и становились основой их гарнизонов. «На лето в Усерд присылались (на строительство укреплений - Ю.Б.) дети боярские, стрельцы и казаки из других городов. Так в 1642 году туда было прислано 340 служилых людей: 200 московских стрельцов,

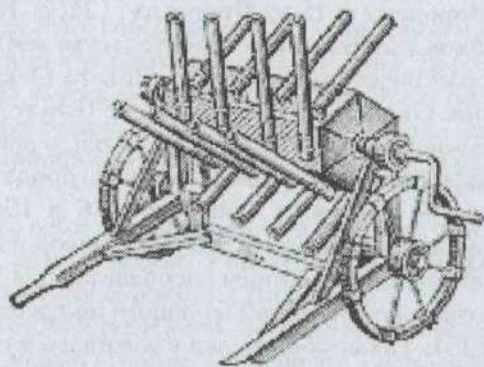
25 детей боярских из Ельца и столько же из Ливен, 50 конных казаков из Воронежа и 15 из Пронска». (24, с. 103). 100 полковых ливенских казаков участвовали в строительстве земляного вала на реке Разумной и в районе строительства г. Нового Оскола. Наличие новых городов южнее Оки позволило, начиная с 1646 года, выдвигать войска, которые ежегодно дислоцировались у р. Оки, в район новой укрепленной линии. Однако расквартировать войска в городах «Белгородской черты» сразу не получилось. Войска в 1646 и 1647 годах были размещены в промежуточном между старой и новой позициями положении: «...полки дворянской конницы располагались в Ливнах (большой полк), Курске и Ельце. Воеводой большого полка был князь Г.С. Куракин». (24, с. 125). Такая обстановка сложилась в связи с тем, что новые города были слабо заселены и их инфраструктура не могла обеспечить нормальное несение службы войсками. Так в 1646 году «...Ливны стали главным стратегическим пунктом относительно обороны украины». (52, с.121). Почти все города на Белгородской черте заселялись с большим трудом. Так «...из Ливен нужно было переселить в Царев – Борисов (позднее переименован в Новый Оскол -Ю.Б.) и его пригороды 280 человек (100 детей боярских, 160 казаков, 20 стрельцов), из Ельца - 30 человек..., из Оскола – 183 человека... Правительство требовало, чтобы воеводы выбирали для переселения на черту «семьянистых» служилых людей, таких у, «у кого сына по два и по три и больше».... города (старые – Ю.Б.) теряли по 30 – 40% своего населения». (24, с.127). На новом месте переселенцам приходилось с нуля строить свое хозяйство. Нажитое на старом месте пропадало. С собой взять было практически нечего. Это вызывало протест служилых людей. Бегство из новых мест поселения было обычным делом. Так в 1647 году из Царева-Борисова к концу года из 1091 переселенца сбежало 296 или более 27%. А в Верхососенске из 395 человек осталось только 54 ратника. Положение служилых людей было незавидным. Они неоднократно обращались к самому Государю с просьбой об облегчении их доли. Так в 1661 г. ливенцы отправили царю челобитную следующего содержания: «Царю государю ... бьют челом бедные и беспомощные, одинокие обвоянные, разоренные ливенцы дегишко боярские всем городом. Просим государь в силу своей бедности не посылать нас носить вести из Белгорода через Оскол в Ливны, т.к. до Ливен пешими многие не доходят и гибнут из-за своей слабости и трудности пути». Царь пошел навстречу ливенцам, сократил расстояние для доставки вестей, и позволил носить вести до Оскола. Ливенцы, носившие вести служили в Белгороде. В том году было распоряжение государя давать жалованье

служилым людям: дворянам и детям боярским по 50 руб., драгунам и солдатам по 25 руб., черкасам по 15 руб. (3, с. 473).

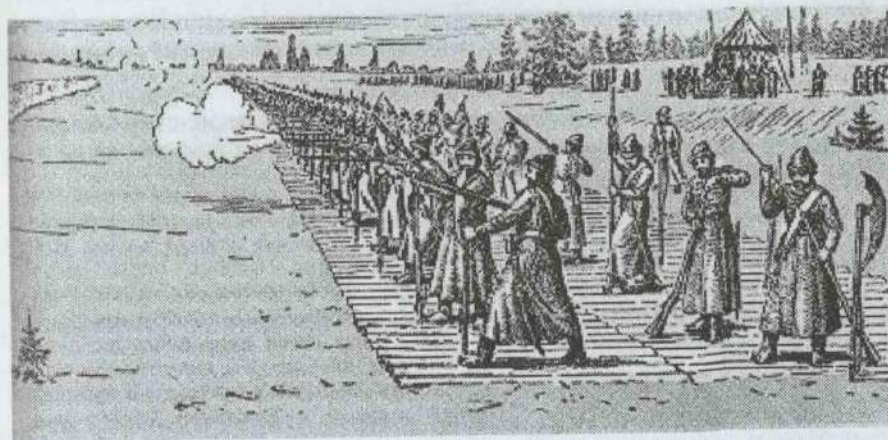
В Ливнах не только вели постоянную службу по защите границы, но здесь проводили и испытание новейших видов вооружения в боевых условиях. Так было с новым видом пищалей. В XVII веке процесс заряжания орудия был долгим. Царские оружейники сделали новый вид скорострельных пищалей. В бою скорострельность пушек была способна нанести противнику ощутимый ущерб. Проблему увеличения темпа стрельбы в те годы пытались решить созданием «органов» или «сорок» — многоствольных пищалей, имеющих три и более стволов. В Европе многоствольные пушки, как попытки к осуществлению идеи пушечной скорострельности, появились в XV веке, в России «сороки» стали делать примерно с середины XVI столетия. Особенность «органов» состояла в том, что стрельба из стволов производилась поочередно: огонь переходил по пороховому каналу от одного запального отверстия к другому. Были и другие варианты конструкции «сорок». В основном такие «пулемёты» использовали для отражения стремительной атаки противника. Поражаемый сектор от «системы залпового огня» был значительно больше, чем от обычного картечного выстрела. В 1646 году сделанные Х. Рьльским «органки и пушечки на образец» были отправлены вместе с мастером на Ливны «для скорого походу против... государевых недругов, крымских и ногайских людей». (28).

В эти годы ливенская крепость стала главным узлом обороны на юге страны, ее знала и уважала вся Россия, ливенская крепость получила общегосударственное значение. Ливны располагали и значительной для пограничного города-крепости артиллерией. В 1648 году в крепости насчитывалось 150 пищалей разных калибров, 1585 ядер и около 1000 пудов пороха.

Из Ливенской крепости посылались донские отпуски — отправки на судах донским казакам «царского жалованья», главным образом хлеба, денег, оружия, боеприпасов. Эпизодически осуществлялись с конца XVI

«Сорока» барабанного типа

17-й век. Смотр стрельцов.

века, а с 1613 года стали регулярными, ежегодными. Целью донских отпусков было постепенное подчинение вольных донских казаков царскому правительству. Размеры донских отпусков не являлись постоянными, они зависели от обстановки на Дону, от выполнения или невыполнения казаками заданий правительства. Так, в 1648 году на просьбу донского атамана Максима Пещурова обеспечить казаков вооружением, царь Алексей Михайлович приказал ливенскому воеводе из крепостных запасов послать на Дон 100 пудов пушечного пороха, а также 300 пудов свинца. Это снаряжение было погружено на речные суда и отправлено по назначению.

Строительство «Белгородской черты» ослабило угрозу нападения татар на Ливны и уезд, но полностью не исключило ее. Уже с начала 1640-х годов татары редко достигали территории Ливенского уезда. Однако татары еще осуществляли эпизодически набеги на Ливенский уезд. Это относится и к 1642 - 1643 годам. После непродолжительного затишья, летом 1643 года, с границы вновь поступили тревожные вести. Утром, 3 августа, «на Ливны прибежал сын боярский Семен Борисов и доложил воеводе Бутурлину, что татары, переправившись через Реутов брод на Сосне, начали воевать в Серболовом стану». Воевода приказал казачьему голове Сингуру Бурдакову, руководителям отрядов служилых людей Микуле Вильяминову, Якову Ильину, а также ротмистрам Василию Веселовскому и Андрею Фамендину немедленно выступить из города и, найдя татар в уезде, разгромить их. Недалеко от города, в Грязцах, ливенцы встретили татарский отряд численностью в 600 чело-

век и принудили его отступить.

Бутурлин по этому поводу отправил отписку в Москву, но свои достижения в этом бою преувеличил, о чем государю, кто-то из окружения воеводы доложил. (Закладывали и тогда).

Государь по этому поводу отправил грамоту Ливенскому воеводе, упрекая его в неискренности. Из Москвы Бутурлину писали, что в его отписке сказано: «...августа в 3 д. в 4 часу дня, ... пришли татарове с Калмиюской сакмы к реке Сосне многия люди и перелезли реку Сосну в Реутов брод, и учили воевать Ливенский уезд Серболов стан...

...на тех татар посылал голов, тулян, ... с сотнями, ротмистров ... с иноземцы, ливенских полковых козаков, донских и яицких атаманов и козаков и ливенских детей боярских.

Того же дня в 6-ом часу ночи головы и служилые люди пришли на Ливны, а сказали: сошлись де они с татары против деревни Грязцы, от города в 8 верстах, и статары они де бились, а было де татар на том бою с 600 человек, и с бою татары пошли тою же сакмою к реке Сосне в Реутов брод; и оне де, головы и служилые люди, шли за татары той же сакмою, чтоб татаром Ливенского уезда воевать не давать, и дошли де они татар в Ливенском уезде к реке Сосне на Нетесевом поле, от города в 20 верстах, а было де татар по смете тысячи с 4 и больше; и они с теми татары бились с 5-го часу дня до вечера и татар многих побили и переранили и Ливенского уезду воевать не дали; а на бою взяли в язьцах 3 человек. И татаровя с того бою пошли назад тою же Калмиюскою сакмою». А далее укоряли Бутурлина: «... А нам ведомо, что в тот татарский приход наши служилая люди побиты и в полон пойманы, а ты об этом не пишешь. А писать надо». (2, с.128).

Во времена строительства «Белгородской черты» значение Ливен, как одного из военных центров Юга, не ослабевало еще несколько лет. Недаром в иные годы именно в Ливнах проводились смотры войск Юга. Так 10 июня 1653 года в таком смотре участвовали боевые формирования из Ливен, Ельца, Новосили, Ефремова, Галицы и Чернавы.

Во второй половине XVII века в России завершилось создание разрядов (военных округов) и разрядных полков. Среди других в 1658 году был образован Белгородский разряд с центром в Белгороде. Белгородский разряд являлся одним из крупных среди созданных округов и по территории (свыше 60 городов), и по численности ратных людей (23 тысячи). В 1658 году Белгородский разряд имел в своем составе Большой полк белгородского воеводы, полк первого товарища, полк второго товарища. Каждый полк объединял части драгун, рейтар, пехоты (солдатские полки). 38 южных городов, а всего 44

города, делегировали своих служилых людей в состав созданного полка. Вклад Ливен в формирование Белгородского полка был одним из самых значительных. 939 ливенцев влились в ряды нового военного формирования, тогда как в среднем остальные города направляли по 438 воинов в Белгородский полк. Из Ливен в Белгород прибыли 176 детей боярских, 196 рейтаров, 459 драгун и 108 «старых солдат». А всего численность полка составляла в 1658 году 19252 человека. «Белгородский полк делился на три части: «большой полк» белгородского воеводы – 10277 чел., «полк первого товарища» - 5232 чел. И полк «второго товарища» - 3743 чел.». (24, с. 154-155).

Однако и это крупное воинское формирование, отвлекавшееся к тому же на другие театры военных действий (Украина, Польша), в некоторых случаях не могло полностью предотвратить проникновение татар сквозь «Белгородскую черту». Так летом 1659 года, преодолев оборонительные укрепления черты, к Ливнам подошла многочисленная орда крымских татар. Крымчане сумели прорваться через окружавшие город плетни и надолбы, и местному населению пришлось спастись в кремле. Кремль выдержал все атаки татар, но застройка вокруг него была сожжена дотла. Не удалось избавить от разорения и Сергиев монастырь.

Получив известие о том, в 1660 году татары опять намереваются идти в поход на московские земли, царь велел укрепить Ливенскую засеку. Работами руководил присланный из Москвы инженер М.И. Засецкий. Строительство и реконструкция засек производилась наемными рабочими из стрельцов, казаков и солдат. На их прокорм выделялось 6 денег на человека в день. Работы велись на Сосне у всезх «Татарских перлазов или бродов». Оборонительные сооружения возводились при впадении в Сосну рек «Луковца, Хвошны, Трудов, Ливен и Чернавы». (52, с.122-123).

Самой верхней по течению Сосны была Луковецкая засека. Одна из Ливенских сторож была поставлена здесь еще в конце XVI-го века. Со временем при впадении Луковца в Сосну (ныне Малоархангельский район Орловской области) соорудили небольшой острожек. Луковский острожек был «Поставлен на острове на реке Сосне на Луковском броду на Пахнуцкой сакме на острове меж реки Сосны и меж озера в устье, а то озеро впало в Сосну». Однако со временем он обветшал и в 1651 году был капитально отремонтирован ливенскими служилыми людьми. Посланные ливенским воеводой Кологривовым дети боярские Смирный Внуков и Устин Филатов отстроили крепость «60 сажень, ворота одни. На воротах башня три сажени вверх 22 венца, а кроме верху острогу вышина полтора сажени косых».

Крыма было кочевое скотоводство, малопродуктивное и зависевшее в большой степени от урожая кормов для скота. Земледелие у крымских татар было развито слабо. Крым не мог прокормить свое население и постоянно нуждался в привозном хлебе. В неурожайные годы в Крыму начинался настоящий голод. Поэтому грабительские походы были постоянным фактором в экономике Крыма. (31, с. 165-166). Но жителям Ливен и уезда от этого были одни только страдания, которые прекратились только в самом конце XVII-го века.

Развитие г. Ливны и его уезда в XVII веке

Итак, начало XVII-го века было непростым временем для московского государства. Смута, как ее представляют историки романовской династии, или борьба равноправных претендентов на русский престол, как представляют междоусобные войны начала XVII-го века некоторые современные историки, значительно обескровила московское государство и ее города. В этой ситуации г. Ливны, по свидетельству Г. Пясецкого, после окончания Смутного времени «...говоря относительно, он был еще счастливее многих городов Московского государства: его стены с башнями, церкви, торговые лавки, столы и кузницы оставались целы и невредимы...» 52, с. 94).

Состояние Ливен в первые годы после воцарения М. Романова можно представить по Дозорной книге 1615 г. «Согласно ей, город состоял из двух частей — Малого и Большого острогов. Малый острожек, служивший кремлем, располагался на высоком и скалистом мысу при впадении в реку Сосну речки Ливны. Он представлял в плане неправильный шестиугольник и был обнесен острогом с тарасами, который с напольной стороны стоял на земляном валу. В стенах имелось несколько глухих и не менее трех проезжих башен. Подступы к стене преграждали надолбы. Внутри Малого острожка помещались разрядная изба, где сидели дьяки и подьячие, ведавшие делопроизводством, казенный погреб с оружием и пороховыми запасами, три двора соборных попов, 37 лавок и 4 торговых стола, 8 кузниц, «да двор кабацкой, а на дворе две избы ветхи, да погреб да ледник».

Над кремлевской застройкой высились главы пяти клетских церквей: соборной — Живоначальной Троицы с приделом Рождества Пречистой Богородицы; св. Пророка Ильи с приделом св. Дмитрия Солунского, св. Параскевы Пятницы, св. Николая Чудотворца и теплая цер-

ковь Обновления храма Воскресения Христова. Следует заметить, что в Дозорной книге Троицкий собор и Ильинская церковь названы «ветхими», надо полагать, что они были срублены в числе первых, если к 1615 г. успели обветшать.

Малый острожек огромным полукольцом охватывал Большой острог, периметр его стен составлял около двух верст. Он занимал обширное пространство в междуречье Сосны и Ливны и левобережье речки Ливны. Его укрепления были аналогичны крепостным стенам Малого острожка и имели 7 башен с воротами: Потайными, Егорьевскими, Афанасьевскими, Пятницкими, Никольскими, Успенскими и Покровскими. Территорию Большого острога занимали многочисленные слободы служилых людей: 6 казачьих — Егорьевская и Афанасьевская (198 дворов и 15 мест дворовых); Никольская (110 дворов, 21 дворовое место); Покровская и Успенская, помещавшиеся за речкой Ливной (234 двора, 39 мест дворовых), а также слободы: Стрелецкая (100 дворов); Пушкарская (17 дворов пушкарских и 12 затинщиков) и Ямская (12 дворов и 8 мест дворовых). Кроме того, в Большом остроге находились: два двора воеводских, 8 дворов детей боярских, два двора соборных попа и дьякона, две соборных церковных кельи, где жили пономарь и проскурница, богадельня, «да у реки у Ливны под горою пять келий, а в них живут нищие, — питаются по миру». Над слободской застройкой поднимались главы «клетских» приходских церквей: св. Георгия Стратотерпца и св. Афанасия Александрийского в Егорьевской и Афанасьевской слободах; св. Николы Чудотворца и св. мучеников Фрола и Лавра в Никольской слободе; Покрова Пресвятой Богородицы и св. Никиты в Покровской слободе; Успения Богородицы и св. Михаила Архангела в Успенской слободе. Надо полагать, храмы ставились парами — рядом с высокой и обширной холодной летней церковью возводилась более тесная и маленькая, зато отапливавшаяся, зимняя.

Кроме приходских церквей в Большом остроге находился Сергиев мужской монастырь, первое упоминание о котором относится к 1592 г. В Дозорной книге 1615 г. содержится следующее его описание: «В Большом же остроге монастырь Сергиев, а в монастыре церковь Великого Чудотворца Сергия Радонежского, да другая церковь теплая — Благовещения Пресвятыя Богородицы, древена клетки... да на монастыре ворота Святыя, а на воротах Деисусы на празелени писаны на оба лица (на две стороны. — В. Н.) да на колоколье 6 колоколов... А в монастыре игумен Харлампий, да поп черный, да 11 чел. братии».

На противоположном берегу р. Сосны, напротив города располагалась Беломестная Казачья слобода (60 дворов) с деревянной церковью св. Дмитрия Солунского.

О градостроительной структуре Ливен этого времени можно сказать следующее. Подобно многим другим городам юга Московского государства, как построенным ранее, так и строившимся позднее, Ливны были рассчитаны на определенное количество населения, и закладывавшие его градодельцы использовали определенный градостроительный «образец». Одной из наиболее распространенных планировок было сочетание кремля, стоявшего обычно на речном мысу и примыкавшего к нему и занимавшему междуречье острога (Белев, Чернь, Новосиль, Орел, Волхов, Брянск, Одоев, Курск и др.). Острог служил первой линией обороны, здесь же обычно размещалась основная жилая застройка. Но поскольку Ливны, вероятно, были изначально запланированы как город «большой статьи», т. е. с населением, превышавшим средний новоземельный город, то в них острог охватил не только междуречье Сосны и Ливенки, но и Заречье (за Ливенкой). Обращает внимание сходство градостроительных структур Ливен и Твери, где острог, полукольцом охвативший кремль и слободы, был возведен в 1452 г., а также Углича, земляной город которого относится к последней четверти XV в. Особенно похожа на ливенскую планировка Углича, являющаяся во многом зеркальным отражением последней, а Угличский кремль по размерам и форме очень похож на Ливенский. Главное отличие заключается в рельефе — Углич расположен на низком и ровном месте, а Ливны на высоком и гористом. В свою очередь, Ливны, вероятно, использовали в качестве градостроительного «образца» в 1592 г. при строительстве Ельца, в возведении которого принимали участие ливенские служилые люди, а 60 местных казаков «лутчих, прожиточных и семьянистых» оставили в Ельце «на вечное житье». (42, с.82 – 84). В 1615 году в Ливнах было вместе с Беломестной слободой всех дворов 779. (52, с.59). Из этого можно заключить, что население Ливен составляло около 2000 человек.

Следует отметить, что крестьян среди населения Ливен сразу после смутного времени было очень мало. Так в 1615 году в Ливнах числилось всего 83 человека при наличии детей боярских около 700 человек. Крестьянами называли сословие пахарей и жнецов, сельских жителей, которые привязаны к земле, их кормилице. Этим именем их начали называть лишь с конца XIV века. А прежде сельских тружеников именовали просто «людьми» или презрительно «смердами». Правда церковнослужители и раньше предпочитали называть тех, кто отдавал им часть своих доходов, не «смердами», а покровительственно «сиротами», а после того как последние приняли новую веру, возобладало братолюбивое обращение «хрестьяне».

Так вот эти крестьяне в Ливнах своей земли, как правило, не имели, а

работали на землях поместных служилых людей. Количество крестьян в городе и уезде в 17-м веке росло очень медленно. Поэтому сами служилые люди были вынуждены обрабатывать, на сколько могли, свои усадьбы, а многие и вообще землей не занимались.

Приток крестьянского населения наблюдался в южных уездах России в начале 1620-х годов. «За 20-е годы XVII века им (Новосельским А.А.- Ю.Б.) было зарегистрировано передвижение на южную окраину 546 семей крестьян, относительно которых возникли дела о «крестьянстве». Большинство этих крестьян были выходцы со средней Оки: Орловского, Брянского, Болховского, Калужского и других уездов.

По подсчетам А.А. Новосельского, бежавшие на юг государства 546 семей разместились следующим образом: в Курский уезд 290 семей, в Елецкий – 149 семей, в Ливенский – 71 семья. Это 93% от общей численности...». (38, с.130). Но это только беглые крестьяне. В законном порядке за это время в Ливенский уезд переселилось еще больше крестьян. Благодаря усилиям правительства, стимулировавшего переход крестьян в южные уезды к 1630 году за последние 15 лет количество крестьян и бобылей в Ливенском уезде возросло с 314 до 637 человек, одновременно количество помещиков увеличилось с 775 до 1076 человек. В среднем на двух помещиков приходился один бобыль или крестьянин. За это же время расширились пашенные угодья 360 га в 1615 году до 1650 га в 1630 году. (52, с.112).

Распределение крестьян на землях служилых землевладельцев было крайне неравномерным. По подсчетам Ляпина в Елецком уезде, который по своему облику был очень близок к Ливенскому, «дело обстояло следующим образом: одним крестьянином владели...9% от общей массы помещиков, 2 – 5 ...33%, 6 -10 ...12%, и свыше 11 крестьян имели ...2%...».

Те, кто имел одного крестьянина, также не могли быть уверенными в том, что завтра их крестьянин не сбежит к более богатому соседу. Помещики, не имевшие крестьян на своих землях, назывались однодворцами, потому что жили только силами своего двора». (38, с. 107). Однодворцами в Елецком уезде были около 50% помещиков. Фактически по своему реальному положению они соответствовали крестьянам, т.к. свои земли возделывали только силами своей семьи. Такое же положение сохранялось и в Ливенском уезде до 20-го века, в начале которого однодворцы составляли «...свыше 60% всего населения Ливенского уезда». (62, с.25).

Облик Ливен значительно изменился после разгрома его в 1618 году гетманом П. Конашевичем-Сагайдачным. Правда, в следующем

же, 1619 году, после «запорожского разорения» Ливны были восстановлены. Однако новый город был бледной тенью предыдущего. Состояние города в это время видно из отписки ливенского воеводы в Разрядный приказ.

«...И на Ливнах, государь, города нет (т.е. нет крепостной стены Большого острога, как она была поставлена в 1585-1587 гг. – Ю.Б.). Один острог (Малый острожек – Ю.Б.) поставлен после ливенского разоренья во 127 г. (т.е. 1618/19).

Длина 309 саженей, трое ворот, четыре башни, «А по острогу, государь, мосты и обламы худы и уски. В приступное время по мосту пицалей перевести и лодом перебежать скорым обычаем для помочи немочно, тесна.»

Сделаны к р. Сосне 2 тайника. Один - 16 сажен до воды, «а вода в нем ключевая добра». Другой 12 сажен до воды, а вода худа.

Ливенские стрельцы, казаки, пушкарки и затинщики «живут в слободах по-прежнему за острогом, как были те слободы устроены до ливенского разоренья, на старых своих местех в «Большом остроге». Велено им для осадного времени избы ставить тотчас и места указаны. И велено хлебные запасы и имущество (рухлядь) держать в остроге.

А слободы, государь, от острогу неподалеку: Стрелецкая слобода от острогу 20 сажен, Казачья Егорьевская слобода от острогу 17 сажен, Пушкарская слобода от острогу 27 сажен. За рекою за Ливною казачьи Покровская да Успенская слободы, от острогу 50 саж. За рекою за Сосною казачья слобода.

А гора к реке Сосне 30 саж., а река Сосна поперек 30 саж. Да на Ливнах же на посаде монастырь Живоначальные Троицы преподобного Сергия, от острогу 30 саж.

А в приход, государь, воинских людей тово монастыря и слобод уберечь неможно. А около, государь, монастыря и тех слобод надолбы. А иных, государь, крепостей никаких, острогу и рву, нет.» (РГАДА, ф.210, Приказный стол, стб.44, л.63). Отписка эта сделана в 1631 году. Как видно из нее к началу 30-х гг. XVII в. острог, возведенный Г. Измайловым, изрядно одряхлел так, что без ремонта в осадное время в кремле спокойно пережить нападение неприятеля было уже невозможно. Тем не менее, крепость отремонтировали лишь в 1640-1641 гг.

«1 февраля 1641 г. воевода Д. Колтовский докладывал в Москву, что «на Ливнах поставлен новый острог. А на тот острог пошло лесу: в 4 стены 3555 бревен, в новую башню, что поставлена на тайнике 168 бревен, в торасех 1330 бревен, в столбах 319 бревен, в обламах 2402 бревна, котков 268, в лестницах 117 бревен. Обоего стоячево острогу и в новой башне и в торасех, и в столбах, и в благах, и в котках, и в

лестницах 8160 бревен. Тесниц дубовых 4345, в кроватех да в новой башне мосту старого острожного лесу 1027 бревна». Такой большой объем работ был выполнен во время, частью строительства, а частью ремонта Ливенской крепости. Эти бревна надо было заготовить в лесу, привезти к городу, подготовить и из подготовленного леса сделать новые и отремонтировать старые укрепления». (41, с. 72).

Однако эти усилия ливенцев были сведены на нет сильным пожаром, который 17 августа 1647 года уничтожил большинство построек города. Пожар вспыхнул в Никольской церкви Сергиева монастыря. Пламя испепелило три храма и кельи Сергиева монастыря, две приходские церкви и 328 жилых дворов. Кремль удалось спасти, но от жилых домов на правом берегу Ливенки практически ничего не осталось. В своей челобитной царю Алексею Михайловичу ливенский воевода Григорий Куракин жаловался о бедственном положении ливенцев после пожара: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси холопи твои Гришка Куракин, Андрюшка Бутурлин, Савка Самсонов- дьяк челом бьют... По твоему государеву указу велено нам холопам твоим быть на твоей государственной службе в Ливнах... Те наши слободы, где мы стояли, погорели без остатку, потому что мы холопи твои были у твоего государева города (крепости) и отымали твою казну и наряд (артиллерию) и город, в те поры наши слободы и что было служилой рухляди и платя и ружье и запасы наши все все то сгорело и ныне мы промеж двор, помираем голодной смертью... Вели государь нас холопей твоих для нашей бедности и крайного разорения с своей государственной службы отпустить». Полностью от последствий пожара город оправился только через несколько лет. Кремль во время пожара 1647 года практически не пострадал, но и он требовал ремонта. Этим занялся в 1650 г. воевода Яков Кологривов. (42, с86).

Однако недоделок и после этих работ осталось много, и в 1659 г. воевода Н.Ф. Толстой произвел очередной ремонт крепости. Досмотр крепости после ее починки проводил в июне 1659 года П.К. Пуцци, который в своем заключении написал: «.. И в остроге (кремле – Ю.Б.) на углу от Ливенки речки сделаны обламы (выступы на городской стене для удобства защиты - Ю.Б.) с 3-х сторон. Стены посажены новым лесом новья.

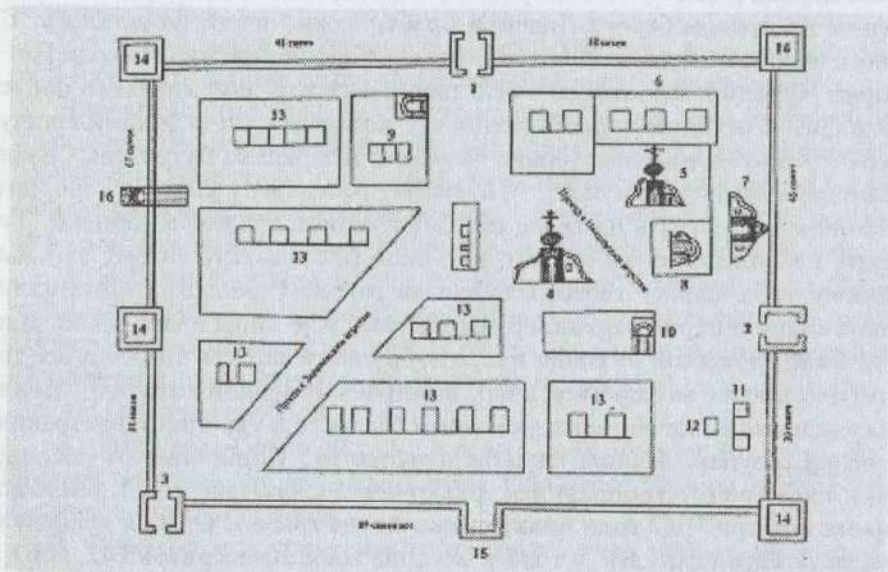
В остроге ж лесниц двойных ступенями к обламам сделаны 54 лесницы и тарасы (наружное укрепление, сруб, наполненный землей и мелкими камнями – Ю.Б.) и обламы и мосты поделаны. И в которых местах острожной тын порошелся, и те все места заделаны пластцем, и по всему острогу коты покладены вновь.

От Заливенской башни от реки Сосны вывалилось острогу на 4

сажени. И тот острог не вывалился - послонился от земли. И земля отграблена, а острог цел, поставлен впрямь. И под тот же острог, чтоб впредь не послонился, подставлен новой тын. И тарасы, и обламы, и полати, и кровля целы ж. И укреплено накрепко заново.

В тайнике на выходе напотолочено 4 сажени новым лесом и землею насыпано, и колодезь вычещен до свежии воды, да в тайнике ж изнутри сделана дверь дощатая новая за замком. А на выходе сделан двои двери решотчатые з замками.

У Заливенских ворот верхняя и нижняя брусья и пяты сделаны новыя, на тех же воротах просечено 4 боя. И на выезде из ворот

Чертеж города Ливен, а рисован с чертежа, который взят из военной коллегии, чертил Михайло Золотилов.

1 — Егорьевские ворота; 2- Никольские ворота; 3- Заливенские ворота; 4- Троицкий собор; 5 — церковь св. Николая Чудотворца («Никола Ратный»); 6- кельи девичьего монастыря при Никольской церкви; 7- воеводский двор; 8 — канцелярия; 9 — тюремный двор; 10- казенный погреб; 11 — житницы; 12- караульная изба; 13 — дворы; 14 — наугольные глухие башни; 15 — отвод; 16 — тайник. (42, с. 90.)

сделан частик (частокол — Ю.Б.) новый на вертлугах (петлях — Ю.Б.).

У Егорьевских ворот мосты все в воротах и перед воротах намощены вновь. У тех де ворот отводная башня пересыпана, и мосты в ней нижней и верхней намощены новыя, и частик у той отводной башни по обе стороны сделан новый на стенах, и вылаз вычищен, и сделано в вылазе все заново.

За острогом у тех же ворот на рву намощен мост на трех сажениях, а частик против того ж мосту сделано на 3 сажени на вертлугах.

Против того ж моста поставлено 3 колоды опускных на сваях, а колоды в длину 3-х сажен.

У Никольских ворот отводная башня, написанная в дозорной росписи: пошатнулась. И та отводная башня перебрана. Худой лес выметан, кладен новой лес. И сделана та отводная башня заново, и мосты в ней нижняя и верхняя и лесницы сделаны все заново, и частик на стенах у той же башни сделан по обе стороны новой, и вылаз вычищен, и сделано все в нем заново. И к воротам пяты сделай новыя, и брусья покладены новыя, и сделано все заново.

Перед воротах на выезде из отводной башни на рву намощено мосту 3 сажени, а частик против тово мосту сделано на 3 сажени на вертлугах. Против тово ж мосту поставлено 3 колоды на сваях опускных, длины 3-х сажен.

Да от Ливенки реки в середине рукава тын был худ, весь подгнил, и тут укреплен рукав, срублены в нем тарасы по бойницы и насыпаны хрящем и укреплены заново.

Да от Сосны наугольная башня была худа, чуть не повалилась, та башня укреплена, срублена окол нее с трех сторон тарасы по нижняя бойницы. И тарасы насыпаны хрящем. Креплено накрепко.

А круг города ров вычищен весь, а в ином месте копан вновь. И по всему острогу колья и каменя покладены.

А частик написан в дозорной росписи: поделан в 3 ряда. И чатик старой весь гнил, сделан весь новой на 70 на 4 сажени в чет ряды. И круг частика столбы сделаны заново.

На острожную поделку... изошло 1317 бревен и пластыя (полбревна, со срезкою горбыля, пластина — Ю.Б.). А сделана острожная поделка ливенцы служилыми жилецкими и всякими людьми в 12 дней...». (РГАДА, ф.210, Белгородский стол, кн.19, лл.559 — 564).

Добросовестно вышолненный ремонт крепости помог ливенцам сравнительно просто пержить набег татар и украинских казаков, который случился летом того же года. Нападавшие сумели преодолеть внешнюю полосу защиты города, и ливенцы были вынуждены спастись в остроге. Стены кремля и его защитники отразили все атаки врагов,

однако застройка вокруг него была сожжена дотла, в том числе и монастырь.

Вот что говорится о разрушениях города в документах того времени.

Челобитная государю строителя Ливенского Сергиева монастыря Макария, который был послан в Ливны для восстановления монастыря.

«... В прошлом 167 (1659 – Ю.Б.) году в приход под Ливны крымского хана и изменников черкас на Ливнах Сергиев монастырь, две церкви - церковь соборная и другая теплая, кельи игуменская и братская, хлебня и поварня, сушило, два анбара со всякими монастырскими запасы и окол монастыря ограда со всяким монастырским строением, то время разорено и выжжено без остатка...». (РГАДА, ф.210, Белгородский стол, стб.437, л.153)

О своих проблемах в связи с этим нападением на Ливны крымчан писали в челобитной государю и ливенские крестьяне: «...И в приход, государь, от крымских людей (1659 г.- Ю.Б.) дворишка наши и гумна с хлебом смолоченным и несмолоченным пожгли без остатку. И животишка и скотинишко пограбили без остатку. И от такова, государь, разоренья и от частых посылок дворишками построитца неколи и нечем. Живем з женишками и з детишками на пепелищах по ямам, скитаяся меж двор, помираем голодною смертью. До конца погибли и без остатку разорены...». (РГАДА, ф.210, Белгородский стол, стб.437, л.144-145).

Однако ливенцы не только жаловались царю и ждали милости от него, но и сами взялись за восстановление порушенного налетчиками посада. Уже в следующем году город практически был восстановлен. Но время шло, и крепость вновь требовала ремонта, что подтверждает сметный список Ливен за 1667 год. «... Город Ливны ставлен острогом...»

Город Ливны весь подгнил, и обламы и лестницы обвалились. В осадное время быть страшно и ненадежно. Город и башни раскрылись. В башнях и по обламам мосты все погнили. От р. Сосны городовая стена вывалилась во многих местах.

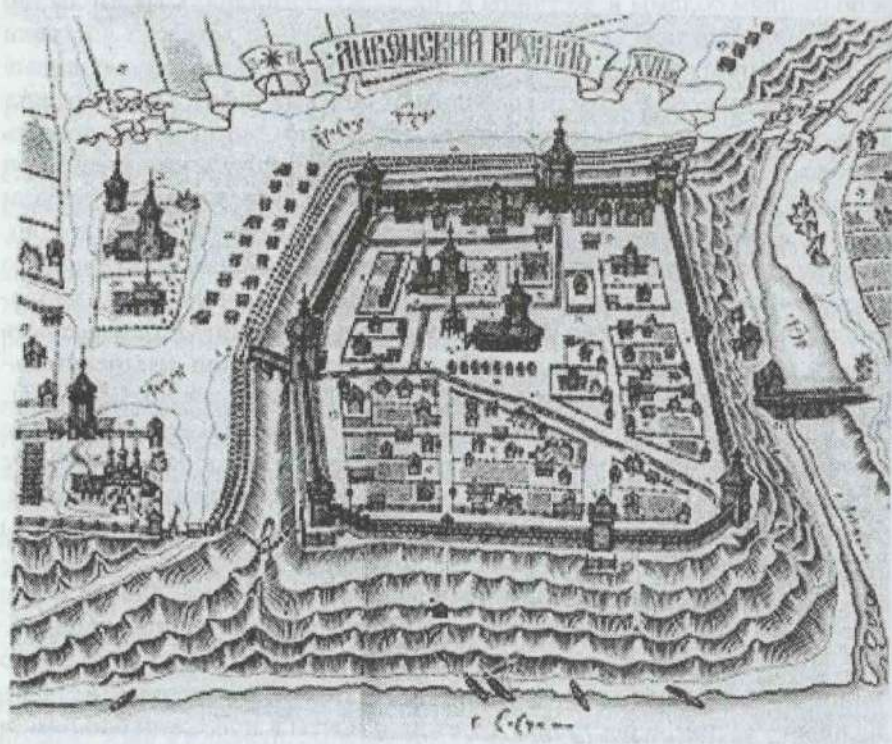
Возле города з 2-у сторон ров. Возле рва частик, за частиком столбцы. Частик и столбцы во многих местах подгнили...

Около посаду никаких крепостей и валу и засек и тарас и заповедных лесов и всяких крепостей деревянных около Ливен нет». (РГАДА, ф.210, Белгородский стол, кн. 19, л. 803-807).

Вот эти изъяны в защитных сооружениях острога и пришлось устранять воеводе Федору Козляшинову. А через десять лет «Очередным ремонтом Ливенской крепости занялся в 1677 г. воевода Василий Гринев, принявший у своего предшественника острог в полустгнившем состоянии. В Сметной книге, составленной им при приеме Ливен, о

крепости сказано: «Город весь подгнил, стены выводились. По городу и по башням обламы и лестницы и мосты все погнили». Строительство велось поздней осенью и зимой 1677 г. Как из-за легкости доставки леса по санному пути, так и потому, что городские жители и служилые люди к этому времени были свободны от полевых работ, Гринев решил не латать многочисленные дыры в ветхих стенах, а отстроить крепость заново. Старые башни, построенные более полувека назад еще при воеводе Г. Измайлове, полностью разобрали, а на их месте срубили новые, в два раза выше. На месте Егорьевских ворот поставили мощную шестигранную башню высотой 17 сажень (ок. 36 м), увенчанную дозорной вышкой с вестовым колоколом. Шестигранная башня аналогичных размеров встала и над Никольскими воротами. Остальные пять башен, в том числе и проезжую Заливенскую, срубили четырехугольными, но тоже не маленькими, высотой от 10 до 11 сажень (21-23 м). Высокие башни, построенные В. Гриневым, почти 100 лет определяли силуэт Ливен, будучи видны за несколько верст от города, особенно с южной степной стороны, откуда обычно появлялись крымские татары. Ветхие крепостные стены, по приказу В. Гринева, разобрали до основы и поставили вновь «все в отделке», а промоины в валу заделали срубамми, засыпанными землей и хрящем «до нижних бойниц». Заново также раскопали оплывшие крепостные рвы и отстроили тайник. Единственное, что не успел сделать до окончания своего воеводства Гринев, это полностью выкопать ров, от которого остался 30-саженный невычищенный участок, и построить через него мосты к проезжим башням, в основном из-за нехватки людей, так как многие ливенцы находились на службе в государевых полках. Всего по смете на строительство ушло несколько тысяч бревен. В конце декабря 1677 г. Василий Гринев отослал в Москву строельные книги новопостроенной крепости и в придачу к ним чертеж и «городовой образец» (макет). Судя по тому, что чертеж и макет отвозили в Москву ливенцы Прохор Косьянов и подьячий Кузьма Горностаев, по-видимому, они же и являлись их авторами, за что получили вознаграждение. Сам же Василий Гринев за добросовестность и образцовое выполнение своих обязанностей удостоился царской благодарности и пожалования. К сожалению, макет и чертеж ливенской крепости не дошли до наших дней, сметы же на строительство сохранились в фондах Российского государственного архива древних актов».

Чертеж города Ливен, предположительно Василия Гринева, является древнейшим графическим документом с изображением ливенского кремля, он имеет значительную историческую ценность и позволяет представить внешний облик крепости и ее планировку в конце 70-х гг. XVII в.

Ливенский кремль во второй половине XVII в.
(после 1677 г.). (42, с. 91.)

К сожалению, чертеж не свободен от ряда погрешностей: крепость на нем показана правильной четырехугольной формы, хотя в действительности кремль в плане образовывал неправильную фигуру. Кроме того, к недостаткам чертежа следует отнести то, что проезжие Егорьевские и Никольские ворота на нем изображены четырехугольными, в то время как в действительности они являлись шестигранными; на чертеже не нарисованы реки Сосна и Ливенка, вдобавок он ориентирован по оси запад — восток. Впрочем, все эти неточности не умаляют его ценность, поэтому рассмотрим его подробнее.

Почти в центре кремля изображен деревянный Троицкий собор, на площади у которого сходятся улицы, ведущие от Егорьевских, Никольских и Покровских ворот. Небольшой прямоугольный квартал слева

от него, по-видимому, образован торговыми лавками. Согласно приходно-расходным книгам Разрядного приказа за 1628-1629 гг., торговые лавки в Ливенском кремле располагались по обеим сторонам улицы, начинавшейся у Никольских ворот, и тянулись от съезжей избы до собора. Всего здесь стояли 22 лавки и 8 столов (прилавков), принадлежавших крестьянам Сергиева монастыря и местным служилым людям-стрельцам, казакам и пушкарям. Непременной частью торгового дела в русском городе являлись кузницы, в 1628-1629 гг. в Ливнах их насчитывалось 13, но во избежание пожара кузницы перенесли из кремля на берег реки Ливенки (на чертеже не показаны). В северо-западном углу крепости изображен еще один храм — деревянная церковь св. Николая Чудотворца, напротив которой находился прямоугольный участок, где стояли кельи Николаевского женского монастыря (Николы Ратного), основанного в 1667 г.

Около Никольских ворот находилась резиденция ливенских воевод, представлявшая из себя сложный комплекс жилых и хозяйственных построек. Центром воеводского двора являлись хоромы, построенные в 1677—1678 гг. на месте более старых обветшавших и включавшие в себя две горницы на глухих подклетах. Горницы венчали чердаки с перилами, надстроенные в 1681-1682 гг. Между горницами стояла высокая башнеобразная постройка — повалуша, а к боковым стенам горниц примыкали двое ветхих сеней. Вокруг хором располагались различные хозяйственные постройки: двухэтажная людская (для челяди) изба с горницей, баня дубовая, погреб с напогребней, сарай с еще одним погребом — «творило каменное (наружная часть погреба, вход с лестницей. — В. Я.)», конюшня с 10 стойлами, две ветхие клети и поварня. Все постройки, в том числе и хоромы, были покрыты лубьем (древесной корой) и огорожены тыном, который к тому времени уже обветшал и в ряде мест обвалился.

Напротив воеводского двора стояла съезжая изба (воеводская канцелярия), где сосредотачивалось управление городом и уездом, сидели дьяки и подьячие, ведавшие делопроизводством, и хранился городской архив: 6 коробов и 2 сундука — «а в них великих государей грамоты и памяти из Розряду и из иных приказов и отписки бояр и окольных и воевод и приказных людей из городов к ливенским воеводам и приказных людей из городов к ливенским воеводам и к приказным людям...». Поскольку подобных бумаг накопилось много, то часть из них «из давних лет» хранилась в казенном амбаре, стоявшем по соседству. Хранилась, надо сказать, небрежно, поскольку, «те письма погнили и мыши переели...». Около Егорьевских ворот располагалась еще одна административная постройка — губная изба (суд) с тюремным двором, обне-

Конец XVII-го века. Вид на Ливенский кремль со стороны устья рек Сосны и Ливны. Реконструкция Неделина В.М.

сенным тыном, внутри него находилась изба, под которой была выкопана земляная тюрьма.

Для хранения хлебных запасов на случай осады в северо-восточном углу крепости, около Никольских ворот, были построены 7 житниц, казенный соляной амбар и караульная изба для охранявших запасы пушкарей. Еще 3 караульные избы стояли у всех крепостных ворот, где ежесуточно сменяясь по 5 человек у ворот, дежурили стрельцы и казаки. Стоит упомянуть двор, где жили ливенские казаки и стрелецкие головы: «Огорожен плетнем, на дворе две избы с сен[ь]ми, против изб повалуша, крыта луб[ь]ем. Ветхи», а также таможенный и кружечный (кабацкий) двор: «Огорожен плетнем. На дворе изба, против избы клеть на подклете, погреб с выходом. Ветх». Остальную территорию Ливенского кремля занимали осадные дворы ливенских дворян и детей боярских, усадьбы церковного причта и местных служилых.

В 1692-1693 гг. игумен Иосиф начал строительство первого каменного сооружения в Ливнах — собора Успения Пресвятой Богородицы с приделом св. Сергия Радонежского в Сергиевом монастыре... К 1696-1697 гг. каменный соборный храм был уже построен и освящен... Беленый пятиглавый объем Успенского собора, наряду с башнями Ливенского кремля, около сорока лет, до постройки других каменных храмов, играл важнейшую роль в силуэте города с южной степной стороны,

четко выделяясь на фоне сплошной деревянной застройки Ливен этого времени». (42, с.89 – 93)

Последнее сохранившееся описание кремля-города Ливны в XVII веке содержится в сметном списке города за 1687 год. Приводим его полностью.

1687 год, октябрь. — Сметный список г. Ливен.

«Город Ливны строен стоячим острогом по старому основанию, башни крыты тесом в две тесницы. И тот город и башни строены в прошлом во 185-м и во 166-м годах весь в отделке. По городу трой проезжие ворота - Егорьевские, Никольские, Заливенские. На Егорьевской башне вестовой, колокол, весу в нем 8 пуд. Три городских ключа: ключ казенного анбара, 2 ключа казенного погреба.

Съезжая изба на глухом подклете. Перед съезжей избой сени. В съезжей избе 6 коробей да 2 сундука, а в них великих государей грамоты и памяти из Розряду и из иных приказов, и отписки, бояр и окольных и воевод и приказных людей из городов к ливенским воеводам и к приказным людям...

В государевых житницах толокна 2 чети, полторы чети круп. Тот хлеб лежит многое время, а есть его невозможно. В государевых житницах четверикового хлеба 730 четвертей да четверик.

В казенном анбаре 6 коробей больших великих государей з грамоты прежних воевод из давних лет. Коробейка маленькая с явочными челобитными. И те письма погнили и мыши пересели...

Под медным и железным нарядом сарай, покрыт лубьем. И та кровля сгнила и раскрылась, и на кровлю того сарая к казенного погреба и государевых житниц собрано с ливенцов детей боярских городовые службы тесу.

В городе казенной погреб, выход каменный. В том погребе зелья пучечного 65 пуд, свинцу 74 пуда с четью...

Над казенным погребом сарай; покрыт лубьем. И та кровля ветха, раскрылась. 4002 мотыги, 2000 рогулек, один государев мушкет.

В городе же на Ливнах государев двор, на котором дворе живут ливенские воеводы. Двор ставлен тыном старым градским острогом. И тот тын обвалился. На дворе 2 горницы на глухих подклетах, меж горниц повалуша (помещение для пиров — Ю.Б.), двои сени ветхи. На одной горнице чердак с перилы. Горница белая на глухом подклете. На той горнице чердак с перилы ж. Построена в 186-м, а чердак во 190-м году. На дворе ж изба жилая люцкая. На той избе горница. Да на дворе ж баня дубовая да погреб с напосребнею, да другой погреб, творило каменное под сараем. Сарай крыт лубьем. Да конюшня, а в ней 10 стойл. Две клетки запасные, ветхи. Да поварня. Горницы и чердаки и

сени и клетки и напогребья и поварня крыты лубьем.

У Никольских ворот изба караульная. У Егорьевских ворот изба караульная. У Заливенских ворот изба караульная.

В городе ж 6 государевых житниц, и что в них государева хлеба, и то писано выше сего.

В городе ж подле Егорьевских ворот тюремной тын, весь подгнил. В тыну - тюремная изба.

У градских у Егорьевских и у Никольских ворот через ров построены мосты с решетками на иструбах (срубях - Ю.Б.)...

Тайник из города к реке Сосне, а в нем колодезь».

(РГАДА, ф.210, Разрядные вязки, вяз.13, №11, л.3-17 об.).

Население г. Ливны и Ливенского уезда в XVII веке

Годы	Категории населения							Насел. уезда	Примечание
	Дети боярские	Казачи	Прочие сл. люди	Всего сл. люди	Крестьяне	Прочие насек.	Всего городов		
1586	150	-	-	300	-	-	500	500	Расчет автора
1615	-	-	-	1300	83	-	3000	1000	То же
1616	744	580	100	1424	-	-	2200	-	600 чел. Ушки войско Пожарского.
1618	-	-	-	940	-	-	1500	1479	
1619	286	186	69	541	-	-	850		
1625	431	385	100	916	-	-	1400		
1628	407	243	146	796	119	385	1300		
1631	1053	-	-	1556	-	-	2400	1900	Пустыж дерев уезде 239
1632	890	364	97	1351	212	549	2109		
1635				1467			2300		
1640	823	381	259	1463			2300		
1648				1424			2190		
1684	962	150	146	1258			2000		
1691	1700			2509			3900	11000	

Как следует из таблицы, в течение XVII-го века город Ливны и его уезд интенсивно развивались, заселялись людьми. Население города за этот век выросло почти в 8 раз, уезда - более чем в 20 раз.

Кто же населял город и уезд в XVII-ом веке? В документах того времени, которые фиксировали состояние города и его населения, упоминаются следующие категории жителей города и уезда: попы, пушкарки, затишники, казаки, беломестные казаки, ямщики, охотники, стрельцы, воротники, черные старцы - монахи, вдовы, кузнецы, целовальники, дети

боярские, нищие, игумен, деловые люди, крестьяне и бобыли (крестьянин, не имеющий тягла и собственной земли). Все население города и уезда, за исключением священников и монахов, крестьян, бобылей, деловых людей, беломестных казаков и нищих, состояло из военных, служилых людей, которые составляли в разные годы XVII века от 55 до 70% населения Ливен. Они то и определяли лицо города, который был по сути своей военным поселением в виде крепости.

Структура населения Ливен в XVII веке мало чем отличалась от состава населения города конца XVI века. Менялась она только в количественном отношении. В течение века количество служилых людей в городе колебалось от 541 воина в 1619 году после разгрома Ливен Сагайдачным, до 2569 в 1691 году. Если смотреть по категориям, то за это же время число детей боярских изменялось от 286 до 1700, казаков - от 150 до 385, стрельцов было не более 100 человек, количество пушкарей, затишников и воротников исчислялось несколькими десятками. Крестьян было мало. В городе их количество не превышало 300 человек, и к концу века основная масса крестьян проживала в уезде, на землях помещиков. Крестьяне и бобыли к концу века составляли основную часть сельского населения уезда, которое в 1691 году составляло не менее 11000 человек.

Следует отметить лишь существенную деталь, которая отличала состав населения Ливен XVI-го века от Ливен XVII-го века. С 1630 года в Ливнах и уезде начали селиться черкасы, малороссийские казаки. Дело в том, что настоятельная необходимость колонизации южных земель московского государства требовала для своего воплощения в жизнь переселения большого количества людей, которых северные территории Московии дать не могли просто по причине физического отсутствия такого количества населения. Да и бросать насиженные места обжившиеся в центре государства помещики не хотели. По этой причине московское правительство для решения этой проблемы решило использовать малороссийских казаков-черкас. Тем более, что «в марте 1620 г. явился в Москву посланец Сагайдачного, атаман Петр Одинец с товарищами, и говорит: «Прислали их все запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему великому государю служить головами своими по-прежнему, как они служили...». (60, с.439). Царь с удовольствием принял предложения Сагайдачного, еще недавно прошедшего по русской земле с опустошительным походом. Нужда заставляла. Из двух зол пришлось выбирать меньшее. Царь довольно щедро стимулировал переселение черкас на земли южных уездов. Он не только раздавал им

Малороссийский казак

земли «дикого поля», но и назначал денежное жалование на первоначальное обзаведение: «атаману 7 рублей, есаулу 6 рублей, рядовым 5 рублей...» (52, с. 110).

Таким образом, с 1630 года в составе Ливенского гарнизона появляются уже Малороссийские казаки - ливенские помещики, с атаманами и есаулами» во главе. Черкасы образовали несколько слобод в Ливенском уезде. Одна из них находилась в самом городе, на посаде, и вместе со Стрелецкою слободою составляла Пятницкий приход; прочие находились недалеко от города: на устье речки Трудов (по Орловской почтовой дороге), в 6-ти верстах от города, что ныне село Крутое; при р. Сосне — слобода Телячье, в 9-ти верстах от города, и, наконец,

при Сосне же — слобода Речица (ныне село), в 15-ти верстах от города. (52, с. 110).

Селить черкасов в Ливнах стали на территорию Афанасьевской казачей слободы, которая до этого считалась с Егорьевской казачей слободой единой Казачей слободой. Это подтверждает отписка Острогожского воеводы, который 9 апреля 1639 года писал в Разрядный приказ: «59 человек нововыезжих черкас атамана Гаврилы Холоимова поселены в Ливнах в Афанасьевской слободе». (РГАДА, Ф.1149, ОП. 2, Д. №335, Л.1.). Со временем число черкас в Ливнах так выросло, что Афанасьевскую слободу стали именовать Черкасской, и на этом месте в современном городе сохранилось несколько Черкасских улиц.

Однако следует отметить, что в Ливнах черкасы появились задолго до 1630 года, о чем свидетельствует челобитная 1592 года царю от бывших ливенских служилых люди, ставших не по своей воле елецкими казаками, в которой они жаловались царю, что они добросовестно выполняют все обязанности по строительству Ельца, а вот их условия жизни никуда не годятся. В Ливнах их бывшие дома ливенский голова Д.С. Яковлев отдал черкасам, да и в Ельце им ничего не платят. А живут они в таких условиях, в каких у них в Ливнах жила скотина. Они просили государя помочь им материально (пожаловать) и оставить за ними их дома в Ливнах. (56, с.36 - 37).

Конкретную структуру служилого населения города можно видеть в сметных списках, которые хранились в Разрядном приказе. Так в 1628 году в Ливнах числились:

«(1) черный поп,
5 человек черноризцев,
18 человек попов,
стрелецкий и казацкий голова.
40 человек беломестных казаков,
192 человека полковых казаков,
87 человек стрельцов,
37 человек пушкарей и затинщиков,
20 человек ямских охотников,
407 человек детей боярских,
11 человек поместных казаков,
119 человек пашенных крестьян.» (18, с. 351 - 352).

А по росписи 1640 года в Ливнах находились на службе: голов стрельцких - 1, сотников - 2, губных старост - 1, детей боярских ливенцев - 823, казаков поместных - 43, беломестных казаков - 43, казаков полковых - 330. Кроме этого в росписи упоминаются: стрельцы, выезжие черкасы, пушкарки и затинщики. (РГАДА, ф.210, Белгородский стол, стб. 116, л.54-55, 128-136.).

А сорок четыре года спустя в сметном списке города Ливны за 1684 год упоминаются «Всего всяких чинов людей городовою службою 1258... В том числе: детей боярских 962 человека, стрельцов 42, казаков 150, пушкарей 40, воротников 2, ямщиков 33». (РГАДА, ф.210, Белгородский стол, кн. 130, л. 1344-1374.).

Значение воевод и других руководителей города в жизни Ливен, конечно, было велико. Однако существование города, выполнение им функций, возложенных на город центральной властью зависело в основном от ядра его населения, служилых людей, авангардом которых были дети боярские и другие помещики, дворяне. Основным содержанием жизни этого сословия была служба.

Сделать анализ социального и должностного состава ливенского дворянства XVI - XVII вв. трудно по двум обстоятельствам. Первое - отсутствие большинства документов-десятен, которые велись в Разрядном Приказе, смотренных списков в отношении ливенских служилых людей. Поэтому осталось мало сведений о принадлежности дворян к выборному, дворовому или городовому спискам, небогата информация об окладах. Второе - нет достаточных сведений о землевладении и имущественном положении ливенцев в XVII веке. Однако даже по имеющимся сведениям можно составить представление об имуществен-

Смотр служилых людей . С.В. Иванов

ном положении ливенского дворянства в XVII веке.

В XVII веке в Ливнах, как и других городах, путевку в жизнь дворянину давало «верстание» на службу и выделение поместья. Те из детей боярских, реже из других сословий, которые претендовали на выделение им поместий и зачисление в состав военного гарнизона должны были уметь вести собственное хозяйство, уметь и быть готовым сражаться на войне. На службу принимались юноши, «новики», в возрасте 15 – 16 лет.

Зачисление на службу происходило на специальном смотре. От того, как претендент на дворянство представлял себя на смотре, зависела его дальнейшая судьба и материальное положение. Здесь решалось, какого размера он получит поместье, и какой денежной суммой его пожалуют. Поэтому «новик» старался предстать перед окладчиками (членами призывной комиссии, по-современному) в наиболее выгодном для себя свете. Окладчиками были наиболее уважаемые в городе дворяне. На них лежала вся ответственность за то, что принятый по их рекомендации в ряды войска «новик» хорошо зарекомендует себя на службе. Свое желание служить добросовестно на благо царя и за православную

веру «новики» подтверждали присягой и целованием креста.

Однако впервые зачисленный в ряды служилых людей дворянин еще несколько лет числился новиком, прежде чем становился полноценным дворянином. «Верстание на службу» тогда «обмывали», как и теперь проводы в Армию. Для этого надо было получить разрешение на изготовление определенного количества вина или пива в городском кабаке. Угощение вином или пивом своих коллег по этому случаю было традиционным ритуалом, который существует в России до сих пор.

Надо сказать, что вином в XVII веке называли хлебное вино. Этот термин известен с XVII века как наиболее общий для обозначения водки или хлебного спирта. Хлебное вино было изобретено и создано впервые в Московском государстве, скорее всего, в самой Москве, в одном из её монастырей (Чудовом?), то есть в Кремле в конце XV века. Из этого можно сделать заключение, что водка пошла по России из Москвы, из ее сердца – Кремля. (50).

По-разному организовывалась торговля спиртным в России. Но вот в 1590-е годы было издано строгое предписание: прекратить всякую частную торговлю водкой в корчмах и шинках и сосредоточить её исключительно в царских кружечных дворах и кабаках. Производство и продажа водки были сосредоточены в руках кабацких голов. Кабацких голов, их помощников и целовальников избирали общиной. Эта система получала наименование «продажи питей на вере», а сами кабацкие головы выступают как доверенные лица государства по фактическому осуществлению государственной винной монополии. Эта система продержалась до середины XVII века. (50). Был и в Ливнах кабацкий двор, а целовальниками в нем являлись в 1615 году, например, ливенские пупкари Мартин Шеин, Алексей Турыгин и Малик Оносов. (52, с.48).

Зачисленные на службу дворяне делились на статьи в зависимости от готовности к службе. Оценка служебных способностей дворянина в XVII в. основывалась на четырех факторах - «отечестве», то есть родovitости, которой мало кто мог гордиться; «службе», то есть боевых и других заслугах; «поместьях», то есть обеспеченности; «доброте», то есть физической силе. Для лиц, руководящих верстанием и прибавками денежного и поместного жалованья, хорошее имущественное положение было не меньшим, а большим достоинством, чем ратные подвиги, а бедность даже при хороших «отечестве» и «доброте» лишала всяких перспектив. (37).

Количество статей дворян, зачисленных на службу, в разных уездах было разное. В зависимости от статьи, присвоенной дворянину, находился размер поместья, выделявшегося ратнику, оклад. В Ливнах в

1615 году делились дети боярские на три статьи. Первостатейным давали по 300 четвертей земли и 8 рублей денег, второй статье причиталось 200 четей и 6 рублей, третьей статье, «новикам», давали 150 четей земли и 5 рублей денег. (52, с. 76). С годами нормы менялись. Так ливенские служилые люди по итогам смотра в 1636 году - представители первой статьи получали 350 четвертей земли (четверть как единица измерения площади равнялась примерно 0,5 га), и таких дворян было трое, второй статьи - 300 (9 чел.), а третьей - 250 четвертей (7 чел.). (РГАДА, Ф. №210, Разрядный приказ, дела десятиен, 9 книга МАМЮ, ед. хр. № 71). Выделяемые на основании «разборов» земельные пожалования назывались «дачами», размеры которых зачастую значительно отличались от оклада и зависели от поступающего в раздачу земельного фонда.

Кроме того, на смотре назначалось денежное жалованье. Однако жалованье платилось только заслуженным людям, «новикам», только что принятым на службу, деньги не давали. При выдаче денежного жалования оговаривалось, что истратить его дети боярские и другие служилые люди должны были по назначению, на служебные нужды: купить коня, оружие, вспомогательный военный инвентарь и т.п. Предупреждали, чтобы на денежное государево жалование «...платя... на себя и на жен своих не покупали и на кабаках государева денежного жалования не пропивали и зерною (кости -Д.Л.) не проигрывали и иным каким воровством государева жалования не воровали...». (38, с. 279).

В XVII в. военная служба дворян и детей боярских разделялась на городовую (осадную) и полковую. Осадную службу несли или мелкопоместные лица или неспособные по состоянию здоровья к полковой (походной) службе; в последнем случае у детей боярских отбиралась часть поместных владений. Осадная служба выполнялась в пешем строю, ее могли нести только «с земли», с поместных владений; денежное жалованье воинам, находившимся в осадной службе, не выплачивалось. За исправное исполнение обязанностей малоземельные дворяне и дети боярские могли быть переведены из осадной в полковую службу с повышением поместного оклада и выдачей денежного жалованья. В городской (осадной) службе продолжали числиться и отставные дворяне и дети боярские, которые не могли нести полковую службу по старости, болезни или из-за тяжелых увечий.

Большой бедой русской дворянской армии было «нетство», т.е. неявка на службу в полки. Укрываться от службы можно было, не являясь на сборы в уездный город. Такие «нетчики» часто лишались жалования и поместья. Применялись к ним и телесные наказания. Но неред-

ко не боязнь смерти на войне, а страх перед «исхуданием» и голодом, как неизбежным итогом запустения пашни во время отсутствия, отпугивали дворян от дальней службы». (38, с. 281)

Однако были и другие причины для неявки на смотр. Вот как объясняли свое отсутствие на смотре в 1660 году 604 ратника Ливенского гарнизона в своей челобитной на имя царя.

«...В нынешнем во 169 году (1660 г. - Ю.Б.) по твоему, великого государя, указу и по грамоте из Разряда на Ливнах воевода Микифор Федорович Толстой смотрел ливенцов всяких чинов людей налицо. А мы, холопы твои, в то время на смотре не объявились потому, что мы, холопы твои, бедные и розоренные ездим по городом для хлебной покупки, а иные, государь, божиею милостью и твоим, великого государя, счастьем многие ис полону вышли, волочась по пожарищу наги и босы, голодную смертью помирают. А иные по твоему, великого государя, указу посылаты были по вестям и в проезжих станицах. А иных, государь, наша братья, к смотру приехать было не в чем, наги и босы.

И ныне по твоему, великого государя, указу тем ливенцом, нашей братья, дано твое государево жалование по 6 рублей человеку, которые были на смотре. А нам, холопам твоим, твое, государево, жалование не дано...». (РГАДА, ф. 210, Белгородский стол, стб. 437, л. 234).

Как отреагировал царь на этот вопль обнищавших служилых людей, неизвестно, ясно только, что до проведения смотра они не надеялись на милость правителя государства и пытались решить свои проблемы сами из-за чего они на смотр и не пошли. Несмотря на все трудности они старались выполнить свой долг по укреплению границ своего государства. Кто были эти люди?

На мой взгляд, будет правильно вспомнить их поименно. Г. Пясецкий на основе Приправочной и Переписных книг XVII-го века составил список фамилий первых помещиков - основателей Ливен и Ливенского уезда в XVI-XVII веках. Вот эти фамилии:

«Абакумов, Абышкин, Авдеев, Агапов, Агеев, Адамов, Акульшин, Александров, Алехин, Алтисин, Алтухин, Альчуков, Амосов, Анисимов, Анненков, Аносов, Антипов, Аристов, Артемов, Афанасьев, Ахихмин, Аширинин, Ашихминов.

Бабкин, Багриновцев, Багринцов, Багулковцев, Байков, Бакулин, Баранов, Барышов, Баскаков, Батин, Батраков, Бахтеяров, Бахтинцев, Бахтин, Бачурин, Башкатов, Безленков, Безсонов, Бекетов, Бизгин, Биркин, Бирлов, Блысков, Бобровников, Богатый, Богданчиков, Боев, Болдырев, Болотов, Болоцкий, Болтинков, Борзенков, Борисов, Бородин, Борценков, Бредихин, Бровин, Бровкин, Брыков, Будогоцкий, Булавин, Булгаков, Бурнов, Бурцов, Быканов, Быскаков, Бычищев, Бышанов, Бебжин, Белихов,

Белов, Белый, Беляев.

Васютин, Ватугин, Вахнин, Веревкин, Вершинов, Викторов, Влаков, Власов, Волков, Волобов, Волобоев, Воробьев, Воров, Вороновский, Выгалов, Выпоров, Выренин, Выринов.

Гаврилов, Гамов, Гладков, Глотов, Глухой, Глушков, Гнездилов, Гнезденев, Говоров, Голдаев, Голицкий, Головин (Замятня), Голодский, Голощапов, Голубицкий, Гончаров, Горбатов, Горборуков, Городников, Гранкин, Гревцов, Грибанов, Гряденков, Гридунов, Гринев, Губанов, Гулевский.

Даньшин, Дворятник, Демидов, Демин, Добриков, Добродеев, Докучкин, Долгий, Должанов, Долженков, Должиков, Домарев, Донской, Дорохин, Дорохов, Дорофеев, Драчев, Дромов, Дронин, Дружбин, Дурисов, Дурищев, Дурнев, Дурнов.

Егоров, Егурнов, Екимов, Енин, Еремин, Еремеев, Ермолов, Ершов, Есинов, Еськин, Еськов, Ефанов.

Жердев, Животов, Жидков, Жилин, Жильцов, Жиновин, Житков, Жихарев, Жуков, Журухов.

Заболоцкий, Заборов, Завалишен, Завалишин, Заикин, Зайцев, Занин, Занцов, Зароченцев, Затыкин, Затверчиков, Звягинцев, Звягин, Землин, Зиборев, Зиновьев, Злобин, Золотухин, Зубарев, Зубов, Зубцов, Зыбин.

Иваников, Иванилов, Иванинов, Иванин, Иванов, Иванчиков, Ивашов, Игнатьев, Извековъ, Изжеуров, Ильин, Ишнев.

Кавелинг, Казанцев, Казначеев Калинин, Калугин, Каменев, Капустин, Карлов, Карогодин, Карпов, Карпов — Кислой, Касторнов, Карташев, Карцев, Касьянов, Катасонов, Каторгин, Кафонов, Кирилов, Киреев, Кишкин, Кладов, Кливцов, Климов, Клодов, Клоков, Клушин, Клюков, Ключников, Кобозев, Ковыршин, Кожухов, Козмин, Кокарев, Кологреев, Колтин, Кольцов, Коморовцев, Кондратьев, Кондуров, Кононов, Коноплев, Константинов, Копылов, Корнилов, Коробецкий, Корогодин, Коршиков, Коршаньев, Косов, Косой, Костомаров, Косторный, Косюров, Косьянов, Котосонов, Коханов, Кохонов, Коширянинов, Крапивцев, Красников, Красной, Красноухов, Красов, Кривцов, Крюков, Кудрявой, Кузменков, Кузмин, Куликов, Куповой, Куров, Курьянов, Кутафин, Кутепов, Кушелев.

Лагутин, Лагутов, Лазарев, Лакомов, Ларионов, Лахин, Лахтанов, Левикин, Левитный, Леонов, Леденев, Лелехов, Леников, Лесков, Лигостаев, Липовский, Лисин, Литвинов, Литовинов, Лихонин, Лобов, Лобынцев, Логачев, Логовчин, Ломакин, Лубанинов, Лубеников, Лукин, Лукьянчиков, Лунев, Лыков, Лесной, Лютов (Лутов).

Мальхин, Мальцев, Мансов, Марахов, Марков, Маслаков, Маслехов, Матвеев, Махтин, Мацнев, Медведев, Мерунцев, Межинов, Мезенцев, Мехехов, Меренков, Меркулов, Мешенев, Микитин, Миклев, Микляев, Микудин, Микудьников, Мильцев, Минаев, Минаков, Миненков, Миту-

сов, Митюнин, Митюрев, Михайлов, Михеев, Мишенев, Мишин, Мишпоров, Моисеев, Молявин, Моначаров, Мининков, Моночаров, Москвитинов, Москвитин, Мостенский, Моховор, Мощенников, Мухортов, Мягкий, Мясников.

Невзгоднов, Неверов, Некрасов, Непотягин, Неспайков, Нестеров, Нетесов, Нехороший, Новиков, Носов, Ностоязин, Негинев.

Овсянников, Огарков, Огибалов, Озерков, Озеров, Окатов, Окоороков, Окульшин, Окунев, Олехин, Оловяников, Олсупов, Олтушин, Олтухов, Олябьев, Омельяновъ, Онисиювъ, Оносов, Онсупов, Онусов, Опальков, Остахов, Офонин, Офремов, Очкасов, Очкинев.

Павлов, Паноков, Парахин, Пахомов, Папков, Пафомов, Пенков, Переверзев, Переславский, Перцов, Печерский, Пещальников, Пикалов, Пирезов, Пирозов, Писарев, Пихачев, Пишков, Пишнов, Пишонон, Пищальников, Пищулин, Платонов, Плешков, Плохой, Поветкин, Погонев, Подколзин, Подольский, Подорогин, Позняков, Полный, Полушин, Полухин, Польшиков, Полянский, Пономарев, Попов, Поспелов, Потапов, Поцелуев, Прокопов, Прохоров, Псарев, Пузиков, Пчельников, Пыжов, Пешков.

Равцев, Радкин, Радцев, Ракин, Ревякин, Ремезов, Реутов, Решетов, Римшин, Ровенский, Рогозин, Рогулин, Родионов, Розанцев, Розинков, Розсинов, Росленев, Росцупкин, Ртицов, Руднев, Русанов, Рыбин, Рыков, Рылкин, Рылков, Рышков, Редкин, Репин.

Сабаев, Сабеев, Савелов, Савенков, Савинов, Сазонов, Салтыков, Самойлов, Санков, Сапоков, Сапрыкин, Сараев, Сахарев, Селехов, Селименов, Селищев, Семенихин, Сенютин, Сергеев, Сидоров, Сижинцев, Силюянов, Сятников, Скороваров, Скорый, Скрылев, Скрыбин, Скуридин, Слепушкин, Смагин, Смотров, Смычков, Смешолохов, Созонов, Солодияев, Соложеницын, Солопов, Соповъ, Сотников, Соходилов, Стародубцев, Старухин, Стоханов, Страхов, Строев, Строщков, Стрельников, Стряпков, Студеников, Суринов, Суровцев, Суханов, Сухарев, Сухинин, Сухин, Сухошубов, Супков, Сычев, Седой, Семенихинъ, Сериков, Сюлеменов.

Таплыгин, Тархов, Тверитинов, Телегин, Теплинский, Тепляцкий, Терпинов, Теряев, Тимофеев, Титов, Тишинин, Тишин, Товарков, Токарев, Томаков, Толстой, Топоров, Трикачов, Трубицын, Трубников, Тулков, Тукаков, Тушцин, Туридин, Тучков.

Уваров, Уланов, Ульянов, Устинов, Ухин, Ушаков, Ушатов.

Фатеев, Фаустов, Филатов, Филиппов, Филипский, Фролов, Фатеев.

Ханин, Харечков, Харитонов, Хвостов, Хитрово, Хлудов, Хмелевский, Хмырин, Хороводов, Хорошилов, Хорошников (Хорошеньков), Хребтов.

Чаплыгин, Челищев, Чельсов, Черенцев, Черников, Чернов, Черный, Чернышов, Чернятин, Четверткин, Чиков, Чубатой, Чумаев, Чупахин, Чу-

рилин, Чурилов.

Шабанов, Шавов, Шавяков, Шадрин, Шалов, Шаталов, Шатерников, Шатов, Шаховской, Шацкий, Шевляков, Шевьяков, Шевьяков, Шелизов, Шемрин, Шепелев, Шетохин, Шетеев, Шеховцев, Шеширин, Шигарев, Шиголев (Шигоев), Широпятой, Шишков, Шлондов, Шолопов, Шолохов, Шонуров, Штопов, Шуйский, Шумов, Шумский.

Щеглов, Щемкунов, Щербинин.

Юрин, Юров, Юрьев, Ютилов.

Ядынин, Ядышний, Языков, Якимов, Ялдыков, Янин, Яхонтов.

Федориков, Федоров, Федяников». (52, с.73-76).

Здесь уместно, на мой взгляд, напомнить, откуда появилось это слово — «помещики». В соответствии с «Судебником» Ивана III, вступившего в силу в 1497 году, все земли в стране делились на вотчинные и государственные — «Великого князя земли». Последние включали в себя поместья и черные земли. Воины и служивые люди князя, которых Великий князь за службу наделял землей — «помещал на землю» — стали называться помещиками. (9, с.39).

Основное население Ливен в XVII веке состояло из людей военных. Естественно, что существенное значение в их жизни играло оружие. От него зависел, как теперь сказали бы, имидж самого воина и боеспособность поместного войска. Считалось, что «настоящий» дворянин обязан был сам снабдить себя оружием. Основными видами оружия воина в XVII веке в пограничных городах на юге России были пицаль, саадак и сабля. Помещика-однодворца оружием (пицаль или рогатина (копье)) могло обеспечить и правительство.

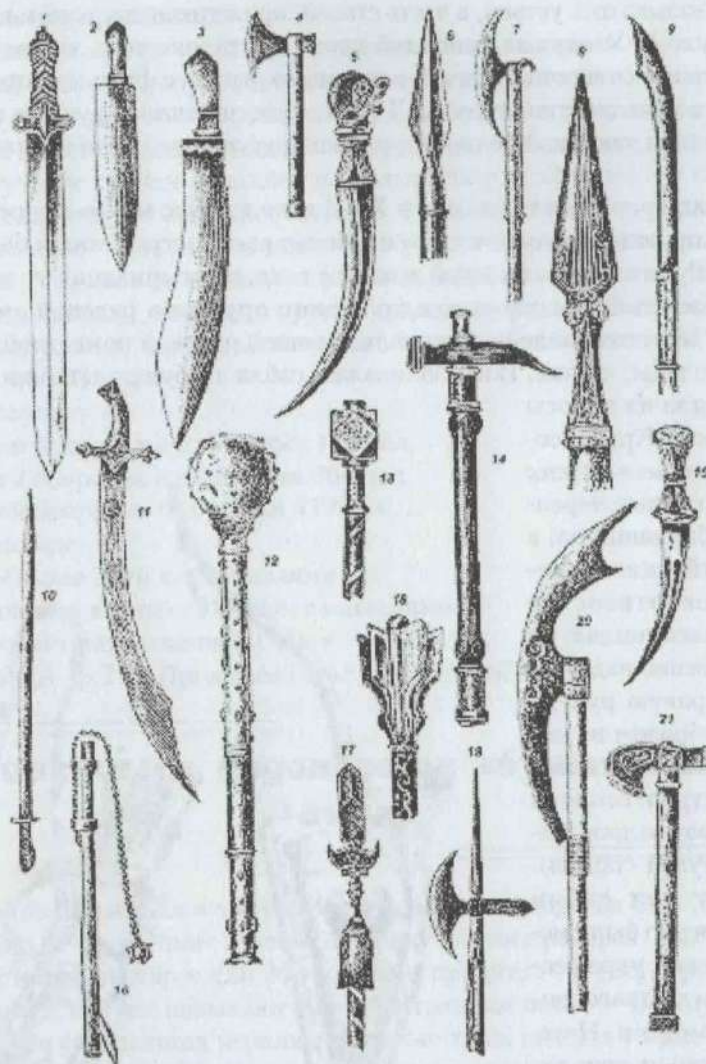
Пицаль — это общее название ранних образцов русского огнестрельного ручного оружия и артиллерийских орудий для настольной прицельной стрельбы по живой силе и укреплениям.

Пицали появились в конце XIV в. Вначале ручные пицали (ручница, самопал, недомерок и др.) мало чем отличались от крепостных (затинных, т.е. стрелявших из-за

Пицаль «завесная» (носившаяся на ремне за плечом) с фитильным замком.

укрытия). Существенное отличие в конструкции ручных и артиллерийских пицалей возникло с появлением в конце 15 века фитильных замков (фитильная пицаль). Ручная пицаль состояла из железного ствола, который с помощью шурупцов или обоймиц прикреплялся к деревян-

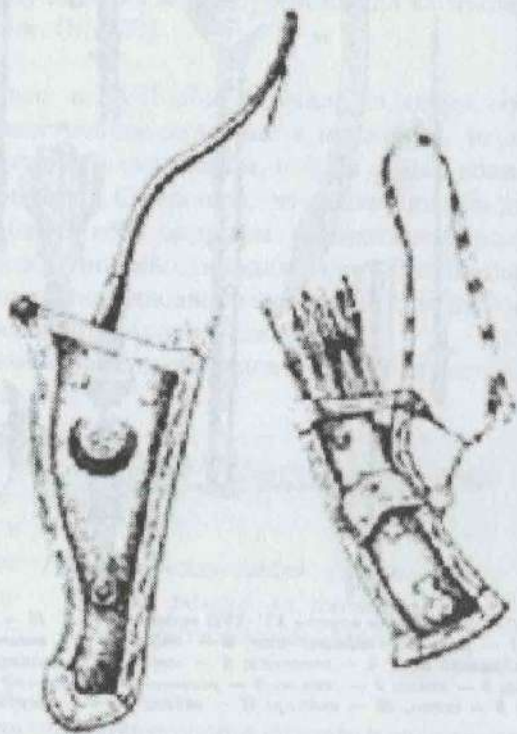
Русское доловское оружие XV-XVII веков:
1 — меч; 2 — польской коз; 3 — подсабашный нож; 4 — топорик; 5 — кинжал; 6 — копье; 7 — секира; 8 — рогатина; 9 — своя; 10 — кончар; 11 — сабля;

12 — булава; 13 — брус; 14 — чекан; 15 — засаложенный нож; 16 — кистень; 17 — промолот (XVIII век); 18 — перчат (жестко пер); 19 — алебарда (XVIII век); 20 — бердыш; 21 — топор.

(43, с. 183).

ному станку (ложу) с прикладом. Отверстие, через которое насыпали порох, называлось устьем, а часть ствола, прилегающая к устью, именовалась дулом. У первых пищалей огонь доставлялся к пороху через специальное отверстие - запал, с помощью огнива с фитилем, приводившимся в движение спуском. В XVI-ом веке появились ручные кремневые пищали, состоявшие на вооружении русских войск до начала XVIII в.

Среди вооружения воинов в XVII веке важное место занимало холодное оружие, среди которого наиболее распространенным была сабля. На Руси сабля известна с девятого века, с четырнадцатого века она стала господствующим видом холодного оружия в русской армии. В XV-XVII веках саблей вооружались воины русской поместной конницы, стрельцы, казаки. Изготавливалась сабля из булата, стали и железа и состояла из полосы и крыжа. Крыж состоял из нескольких частей: огнива, черенка и набалдашника, в который сквозь небольшое отверстие продевался темляк, он обыкновенно надевался на правую руку и таким образом не позволял выронить саблю. Острая сторона сабли называлась лезвием, а тупая - тыльем. Ножны для сабли обыкновенно были металлические, украшенные иногда драгоценными камнями. Ножны обычно включали: устье, наконечник, накладку и обхваты с кольцами для привешивания сабли к поясу. На поясах находилось несколько специальных запряжни-

Саадак

ков. Существовал обычай украшать пояса разными металлическими накладками и привесками.

Саадак - комплект лука с налучьем и стрел с колчаном. Лук прятали в особый чехол — налучье для того, что бы не намокал и не рассыхался. Налуч с луком носились на левой, а колчан со стрелами - на правой стороне, пристегивали их или к особому, или к сабельному поясу.

Налучье и колчан делались из кожи или из сафьяна, а у богатых дворян снаружи обтягивались атласом, бархатом, парчой и украшались замысловатым шитьем и камнями. Кроме этих основных видов вооружения, у воинов ливенского гарнизона были на вооружении, пистолы, рогатины (копья), топоры и другое холодное оружие. Вот как выглядело вооружение воинов Ливенского гарнизона по сметному списку Ливен в 1631/2 году.

«В городе:

Детей боярских с пищалями 107 чел.

Детей боярских с саадаками 364 чел.

Детей боярских без ружья 419 чел....

На посаде:

Стрельцов 97 чел. с пищалями.

Полковых казаков 314 чел. с пищалями.

Беломестных казаков 50 чел.».

(РГАДА, ф.210, Приказный стол, стб.44, л. 67-68).

Ливенцы в воодвороте «бунташного века»

Неспокойным для властей Московского государства был XVII век не только из-за внешних причин, но и внутренних распрей. Какие только восстания не породили Московские правители в государстве. Не случайно XVII век называют еще «бунташным веком». Важную роль во всех этих волнениях играли служилые люди южных уездов Московии, среди которых были и ливенцы, принимавшие чаще сторону противников тех порядков, которые устанавливала центральная власть. А получалось так, что в итоге от этих действий московской власти в XVII веке особенно сильной эксплуатации подвергалось крестьянство и мелкие служилые люди. Такое положение населения, составлявшего основу государства, конечно, не могло его удовлетворять. И все восстания имели простое объяснение — бунтари боролись за свое право на жизнь.

Выше уже описано поведение ливенцев в годы Смуты, рассказано

об их участии в восстании Болотникова и некоторых других. Однако этими событиями волнения низов в XVII веке не ограничились. 1 июня 1648 г. в Москве произошел так называемый «соляной» бунт. Толпа остановила карету возвращавшегося с богомолья царя и потребовала сменить главу Земского приказа Леонтия Плещеева. А дело было в том, что в 1646 году новый царь Алексей Михайлович провел финансовую реформу, намереваясь пополнить отощавшую государственную казну. Для этого был введен повышенный налог на соль – соляной налог. 2 июня в Москве начались погромы боярских усадеб. Был убит дьяк Назарий Чистой, которого москвичи считали вдохновителем соляного налога. Восставшие потребовали выдать на расправу ближайшего сподвижника царя – боярина Морозова, фактически руководившего всем государственным аппаратом, и главу Пушкарского приказа боярина Траханиотова. Не имея сил для подавления восстания, в котором наряду с посадскими участвовали служилые «по прибору», царь уступил, приказав выдать Плещеева и Траханиотова, которых немедленно убили. Одновременно с событиями в Москве и под их влиянием бунты охватили многие города на юге, в Поморье и Сибири. В них против гнета государства и насилий местных властей выступали мелкие дворяне, служилые люди по прибору, беглые крестьяне, бобыли, холопы, посадские бедняки. В южнорусских уездах наиболее сильные восстания произошли в Курске, Козлове, Ельце, Ливнах, Валуйках, Чугуеве и др.

Выплата задолженностей и двойного жалованья стрельцам, отсрочка недоимок, а то и снятие их с тяглых людей, массовая раздача земель, крестьян и жалованья мало- и беспоместным дворянам и детям боярским, а главное — созыв 16 июля 1648 года Земского собора, на котором было принято решение о разработке нового свода законов, разрядило грозную атмосферу. Но положение по-настоящему стабилизировалось только в конце января 1649 года, когда было принято Соборное уложение, удовлетворившее основные интересы дворянства, купечества и некоторые требования широких кругов горожан. Однако это уложение узаконило окончательное закрепощение крестьян. В нем были также предусмотрены жестокие наказания за преступления против государства: колесование, сожжение на костре, сажание на кол, чертвртвоание, закапывание живьем, членовредительство — обрезание носа, ушей, обрубание руки, пальцев.

Однако даже эти жестокие наказания не смогли предотвратить «Медный бунт», который вспыхнул в Москве 25 июля 1662 года. Он стал реакцией населения страны на попытку правительства расплачиваться со служилыми людьми медными деньгами по курсу серебряных, а налоги при этом взимались только серебром. Разница в рыночной стоимости

С. Разин с братом Фролом. Английская гравюра 1672 г.
(29)

серебряных и медных монет достигала 6 – 8 раз. Эта реформа, а на деле мошенничество на государственном уровне, была вызвана попыткой правительства пополнить казну, опустошенную тяжелой длительной войной с Польшей (1654-1667 гг.) и Швецией (1656-58 гг.), дабы компенсировать огромные военные затраты.

Не желая торговать на медные деньги, крестьяне перестали привозить в Москву продовольствие, что вызвало взлет цен на продукты. Медные деньги обесценивались. Разразился бунт, который был жестоко подавлен царем. Однако в 1663 году медные деньги были отменены. Их изъяли из обращения и прекратили чеканку медных монет.

В 1670 - 1671 годах в России разразилась гражданская война под предводительством С. Разина. Она достаточно подробно описана в литературе и мы не будем повторять эти описания. Отметим лишь события этого восстания, связанные с Ливнами и Ливенским уездом.

В Ливенском уезде, как и других уездах, которые охватило восстание под предводительством Разина, повстанцы громили дворянские имения, расправлялись с их владельцами, отбирали грамоты и т. п.

Недалеко от Ливен под Чернавском (ныне с. Чернава Липецкой области) восставшие разбили отряд из «градских людей и уездных служилых людей» численностью до 300 человек. Повстанческий отряд («человек с 70») «на степи в урочищах в Россоховецкой Дуброве меж Ливен и Старого Оскола» схватил белгородца Е. Матвеева - посланца

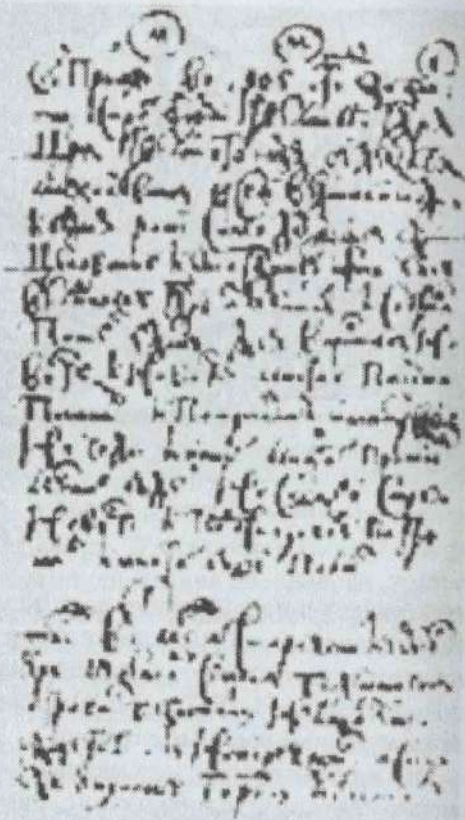
боярина кн. Г. Г. Ромодановского «и ево били и ограбили и отписки у него имали... Да они же де сказывали, что де они под Тулою дворян многих переграбили».

В 1670 году, в связи с восстанием Степана Разина, донской отпуск из Ливен не состоялся. Подготовка донских отпусков и их весенняя отправка товаров на Дон серьезно затрагивали различные стороны социально-экономической жизни населения. Силами мелких служилых людей на реке Сосна для донских отпусков ежегодно строились десятки транспортных судов (струги и дощанки). Мелкие служилые люди назначались на эти суда кормщиками и гребцами. Косвенно донские отпуски способствовали в середине XVII века возникновению и увеличению на Ливенщине размеров хлебных налогов. (32, с.37).

Следует отметить, что часть современных историков объясняют разинскую войну, и не только ее, по-другому, чем в общепринятой версии.

«Академик А.Т.Фоменко и Г.В. Носовский (и не только они – Ю.Б.) предлагают свой взгляд и свою трактовку происходивших тогда событий.

Напомним читателям, что согласно ей в XIV - XVI веках Русь и Турция входили в состав мощной Русско-Ордынской империи, именуемой еще Татаро-Монголией. Становым хребтом государства было профессиональное войско - Орда, состоящее из казачьих подразделений. В XVI веке западным государствам удалось развалить империю, на Руси началась Смута и гражданская война. В результате интриг и заговоров, многочисленных убийств сторонникам западной ориентации удалось свер-

Приговор С. Разину.

гнуть с престола русско-ордынскую династию, заменив ее династией Романовых. Проигравшая партия бежала на юг, в донские степи, где и была основная база Орды.

Естественно, мириться с таким положением дел они не хотели. Хотя прямой наследник престола - 4-летний Иван Дмитриевич был зверски убит Романовыми, законных претендентов хватало. Одним из них был и Степан Разин. Недаром в западных странах его считали вельможей очень знатного происхождения и даже называли царем. Скорее всего, он был отпрыском знатного ордынского рода. Именно поэтому, считают ученые, под его власть отдавались целые города, волости.

Восстание Степана Разина - последнее выступление ордынцев против Романовых. Победить восставших сумели за счет превосходства в вооружении. Алексей Михайлович особое внимание уделял закупкам мушкетов за границей и созданию привилегированной части войска - стрельцов. Именно стрельцы, вооруженные огнестрельным оружием, сумели одолеть непобедимых доселе казаков с их пиками и саблями.

Все последующие восстания - Василия Уса, Кондратия Булавина и другие тоже возникали на Дону, носили схожий характер но были менее мощными и потому быстро подавлялись.

Однако Романовы прекрасно понимали - их претензии на трон более чем сомнительны. Участие в убийствах нескольких законных царей, организация массового террора, казнь малолетнего наследника, попрание всех традиций, засилье иностранщины - все это делало правящую династию в глазах русского народа «обманной», или, как теперь сказали бы, нелегитимной. Такое положение только провоцировало народные бунты, появление законных и незаконных претендентов на престол. Долго так продолжаться не могло. Тогда-то Романовы решили уничтожить все документы, древние свидетельства о событиях прошлых лет». (12, с. 63 - 64).

И это высказывание и суждения многих историков позволяют сделать вывод, что все выступления низов в России в XVII веке не были направлены на изменения политического строя, существовавшего в стране. Восставший народ не требовал себе прав и свобод, а боролся за расширение своих сословных привилегий. И за нового «справедливого» Царя. Без Царя свое существование русский народ не мыслил.

Воеводы на Ливнах в XVII веке

Системой государственного управления на местах в южных уездах России в XVII веке был предусмотрен институт воевод. «Воевода — славянский термин, обозначающий военачальника, правителя. В XV—XVII вв. каждый из полков или отрядов русского войска имел во главе воеводу. Во второй половине XVII в. полковые воеводы оставались только в разрядных полках и были ликвидированы Петром I в начале XVIII в. Городовые воеводы появились в середине XVI в. Они возглавляли управление города с уездом и традиционно посылались на воеводство на год, реже на два или три года. С начала XVII в. городовые воеводы были введены во всех городах России, заменив наместников и городских приказчиков. В их руках была сосредоточена вся полнота власти на местах. Пост провинциального воеводы с функциями, аналогичными городским воеводам, в России учрежден в 1719 г. Должности городских и провинциальных воевод были ликвидированы в 1775 г.» (22, с.49).

В Ливнах воеводы возглавляли гарнизон со дня возрождения города в XVI веке. Назначались они Разрядным приказом и утверждались царем. Как правило, воеводы находились на должности не более трех лет и за свою службу получали денежное жалование и поместья. В крупных городах, к которым относились и Ливны, было по несколько воевод с разными функциями. Кроме воеводы, в городе назначался городской голова, городской приказчик, стрелецкие и казацкие головы.

В XVII в. на большинстве территорий России существовали две формы «самоуправления» - губная и земская. Каждым округом - «губой» - управляли губной староста и его помощники - целовальники. В их ведении находились тюрьмы и тюремные служители, палачи, выборные от населения сотские и десятские. Свободное население выбирало губного старосту из дворян и детей боярских, целовальников - из черносошных крестьян или посадских людей. В январе 1624 г. в документах Разрядного приказа упоминался ливенский губной целовальник (44, с.10), что свидетельствует о существовании в Ливенском уезде губных учреждений уже в 20-х годах семнадцатого столетия.

Вся власть в городе и уезде принадлежала воеводе и городскому голове. Поэтому считаю необходимым перечислить всех известных во-

евод и голов, которые управляли Ливнами и уездом в XVII-м веке.

1600 г.

Воеводы – князь Татев Иван Андреевич, Полев Богдан Иванович. Позднее Полев был воеводой в 1602 году в городе Царев – Борисов, а в 1616 году в Муроме. (54, с.179.; 5, с.126)

1601 г.

Воеводы - князь Василий Михайлович Лобанов да князь Михайло Бык Путятин да для размены прислан Иван Михайлович Бутурлин да Иван Михайлович Пушкин да дьяк Григорий Клабуков. (54, с.192).

1602 г.

Воеводы – Замятия Сабуров да Петр Федоров да Судок Мясной. (54.с.200). Андрей Петрович Вельяминов. (5, с. 126).

1603 г.

Воевода – князь Федор Иванович Лыков да головы князь Михайло Волконской да Судок Андреев сын Мясной. (54, с. 210).

1605 г.

Розстрига (Лжедмитрий I) послал в ссылку князей, которые служили царю Борису.

На Ливны князя Петра Ивановича Буйносова. Потом его послали в Белгород, а на его место прислали Матвея Васильевича Бутурлина. (54, с. 229)

1606 г.

Розстрига (Лжедмитрий) велел послать передовой полк на Ливны. Командовали полком окольный Михайл Борисович Шеин да князь Василий Григорьевич Чертенюк Долгоруков.

На Ливнах (в это время) воеводы Алексей Романович Плещеев да князь Дмитрий князь Васильев сын Мосальский. (54, с.229).

Розстригу убили и царем стал князь Василий Иванович Шуйский. Но в Ливнах его не признали. Начали бить воевод.

А с Ливен Михайло Борисович Шеин утек душою и телом, а животы его и дворянские пограбили. (54, с. 233).

Михаил Борисович Шеин как воевода выдвинулся в ходе Смуты, когда были нужны люди энергичные и решительные. При Лжедмитрии I М. Б. Шеин служил воеводой в Новосиле и Ливнах. Здесь его и застало восстание Болотникова.

Имя воеводы М. Б. Шеина прочно связано с историей Смоленска.

Именно на его плечи легла основная тяжесть по организации обороны города во время его осады армией польского короля Сигизмунда III в 1609 - 1611 гг. Через 20 лет Михаил Борисович во главе русской армии осаждал Смоленск в ходе Смоленской войны 1632 - 1634 гг. Об этих временах в Смоленске напоминает Шейнов вал в центре города и деревня Шейновка (теперь местность в черте Смоленска).

Род Шейных принадлежал к цвету московской боярской аристократии. Его родоначальником был боярин московского князя Семена Ивановича Гордого - Семен Иванович. От него пошли многие боярские фамилии: Морозовы, Филимоновы, Салтыковы, Скрыбины, Тучковы, Шейны. Последние пошли от Василия Михайловича Шейна - воеводы Василия Темного. При Иване Грозном Шейны входили в состав Боярской думы, где являлись боярами. Боярином был и отец Михаила Борисовича - Борис Михайлович, который погиб в 1579 году. Впервые Михаил Шейн упоминается в разрядах в 1595/1596 гг. в качестве рынды. Отсюда можно сделать вывод, что Шейн родился в конце 70-х годов XVI века, так как рындами обычно были юноши 15 - 17-летнего возраста. При Борисе Годунове Шейн начал службу воеводой в полках. В 1604 году он служил в Большом полку, на южных границах государства в Мценске. Отсюда он был послан против Лжедмитрия I. Участвовал Шейн в сражении под Добрыничами (21 января 1605 г.), где молодой воевода спас главнокомандующего русской армией князя Ф. И. Мстиславского, который послал его в Москву с вестью о победе. Борис Годунов пожаловал вестника в чин окольного и направил воеводой в Новгород-Северский. Осенью 1606 года М. Б. Шейн воевода Передового полка под Москвой, где участвует в разгроме армии восставших. В 1607 году он участвует в осаде Калуги и Тулы. Из под Тулы, в октябре того же года, Михаил Борисович был направлен воеводой в Смоленск, вместе с князем Петром Ивановичем Горчаковым. Именно тогда М. Б. Шейн получил чин боярина.

Весной 1608 года Лжедмитрий II перешел в наступление, разбил армию Ивана Шуйского и в июне осадил Москву. Перед М. Б. Шейным теперь стоит задача обеспечить обороноспособность Смоленска в случае подхода к нему тушинцев (Лжедмитрий II стал в Тушино, северо-западная окраина Москвы, и получил прозвище тушинский вор») и оказать помощь осажденной столице. Летом воевода получил две грамоты от царя с просьбой послать ратные силы к Москве.

Зимой 1608-1609 гг. обстановка в Смоленске была довольно напряженной. Дворянство по-прежнему не желало идти на помощь Москве. Из-за рубежа приходили слухи о начавшейся подготовке Польши к вторжению в Россию. В то же время необходимо отметить, что населе-

ние Смоленска и уезда зимой 1609 года не изменило Шуйскому и оставалось верным законному государю.

Зимой 1608-1609 гг. роль воеводы в Смоленске возрастает. М. Б. Шейн опирается в этот период как на дворян, которые хотя и отказывались выступить к Москве, вели бои с тушинцами под Дорогобужем, и не допустили их в пределы Смоленского уезда.

Весной 1609 года начались систематические набеги поляков на смоленское порубежье. Летом 1609 года стало ясно, что целью похода Сигизмунда III станет Смоленск. В июле лазутчики сообщили: «Король чают под Смоленском к Спасову дни (9 августа), а не будет к Спасову дни и король будет доподленно под Смоленском к Оспожнему дни (11 сентября)». С этого времени начинается непосредственная подготовка города к обороне.

Зимой 1610 года под Смоленском началась подземная война. Не взяв крепость с ходу поляки сделали ставку на подкопы.

В августе 1610 года, после заключения договора о унии между Боярской думой и С. Жолкевским, начался второй этап обороны Смоленска. С этого момента его взятие определялось не столько военными, сколько дипломатическими методами. Положение в Смоленске осенью 1610 года было сложным. В городе сложился политический кризис. Кризис был вызван причинами: во-первых, желанием дворян сдать город на имя короля, во-вторых, ухудшением продовольственного положения в Смоленске.

Последний штурм Смоленска поляки начали 3 июня 1611 года после артиллерийского обстрела. 3 июня 1611 года Смоленск пал, завершилась 20-месячная героическая оборона города, но не Польша ... Россия могла торжествовать сей день великий в ее летописях".

Дальнейшая судьба воеводы М. Б. Шейна сложилась трагически. До 1619 года он находился в польском плену. После возвращения на Родину после Деулинского перемирия, воевода стал ближайшим сподвижником патриарха Филарета. В 20-е годы М. Б. Шейн возглавлял ряд Московских приказов. Сысканой и Пушкарский.

В 1632 году Михаил Борисович был назначен главнокомандующим 30-тысячной армии, которая должна была освободить Смоленск. В январе 1633 года началась осада. Больше года М. Б. Шейн простоял под Смоленском, но город взять не удалось. Этому помешали ряд объективных причин. Снабжение армии боеприпасами и продовольствием было крайне скудным, за спиной воеводы плелись постоянные интриги, в 1633 году умер его покровитель Филарет, на территории Смоленщины началось казачье восстание Ивана Балаша, к которому

сбежало много солдат из армии Шеина. Все это не позволило воеводе противостоять подошедшей к Смоленску армии короля Владислава. 8 февраля 1634 года М. Б. Шеин подписал капитуляцию, сохранив жизни более чем 8 тысячам человек.

В Москве бояре всю вину за неудачу под Смоленском решили свалить на воеводу, обвинив его в предательстве. 28 апреля 1634 года М. Б. Шеин был казнен. (28).

1613 г. (С 1606 по 1613 год воеводы в Ливны не назначались).

Воевода – Колтовский Григорий Федорович.

Воевода – Петр Данилов сын Изсленьев (в первый год царствования М. Романова). (54, с. 269).

1614 г.

Воевода – Колтовский Григорий Федорович, котрый в 1616 году был назначен воеводой в Карачев. (61, с. 120; 5, с. 126).

1614 - 1616 г.г.

Воевода – Михнев Игнатий Ермолаевич (сын Истома). (52, с. 95; 5, с. 126).

Михневы – дворянский род, предок которого, Елизарий (Елка) Иванович, выехал, по сказаниям старинных родословцев, к вел. кн. Иоанну III Васильевичу. Ермолай Иванович, по прозвищу Истома, был дворянином посольства в Польше (1600), а в 1605 г. воеводою в Путивле; посланный против «вора Петрушки», по приказанию последнего замучен казаками. Его сын Игнатий был воеводою в Ливнах (1614-16), Осколе (1617), стольником и воеводою в Курмыше (1620–21). Яков Артемьевич Михнев был стольником и воеводою в Вязьме (1686). (28).

Голова – Шишкин Федор Григорьевич. Позднее он был на этой же должности в 1623 году в Сургуте, 1632-34 – Томске, 1646-48 – Туринске. (5, с. С.126).

1616 - 1617 гг.

Воевода – Измайлов Тимофей Васильевич. До Ливен был воеводой в 1613 г. во Владимире на Клязьме, а в 1640-41 гг. в Свияжске.

Голова – Данилов Петр Прокофьевич. До Ливен в 1614 году был воеводой в г. Орле. (52, с. 95; 5, с. 126).

1618 г.

Воевода – стольник, князь Черкасский Курица Никита Иванович. В чине стряпчего числился со своими людьми в составе русского войска,

посланного против самозванца в 1604 г. Упоминается он и в боярском списке 1606–1607 гг. В период коронования царя Михаила Федоровича (1613) князь Никита Иванович был пожалован чином стольника. Спустя четыре года он стольник и воевода в Ливнах. Был взят в плен Сагайдачным при захвате Ливен. Записи в разрядах за 1619–1629 гг. говорят о службе Никиты Ивановича «стольником у государя». В то же время, в 1626 г. он был направлен воеводою в Переяславль-Рязанский. По царскому указу в марте 1630 г. князь Никита Иванович находился на «государевой службе в Украинном разряде». До октября 1630 г., возглавляя передовой полк, он находился в Деделовском уезде. Из-за этого назначения на князя Никиту Ивановича Егупова-Черкасского «били челом государю воеводы о местах: Федор да Григорий Пушкины да князь Иван Лобанов». Местнический спор решился в пользу Егупова - Черкасского. В 1632 – 34 г. был в Сибири в г. Томске воеводою. (28).

Воевода – Данилов Петр Прокофьевич. До Ливен в 1614 году был воеводой в г. Орле. Погиб в 1618 году во время обороны Ливен от нападения Сагайдачного. (54, с. 303; 5, с. 126).

1619 г.

Воевода – Измайлов Григорий Васильевич. До Ливен Измайлов был воеводой в 1616-17 гг. в г. Ржев. В 1618 г. Ливны взял штурмом и сжег гетман П. Конашевич Сагайдачный. В следующем же году после «запорожского разорения» Ливны были срублены заново. С этим заданием на Ливны был послан воевода Григорий Измайлов, восстанавливавший город, отстроил только укрепления кремля – Малого острога, стены же Большого острога восстанавливать не стал, по-видимому, из-за отсутствия денег, леса и людей. Позднее по их трассе поставили плетни и надолбы. (54, с.319; 5, с.126).

1620 – 1621 гг.

Воевода – князь Козловский Михайло Григорьевич. Курский воевода в 1641 г. Юрикович (22-е колено). В 1626–1628 гг. на воеводстве в Белгороде, в 1631-1633 гг. - в Сургуте. Умер в Курске (?). (28; 5, с. 126).

1622 г.

Воевода – князь Козловский Михайло Григорьевич.

Голова – Федор Греков. (52, с. 101).

1623 - 1625 г.г.

Воевода – князь *Засекин Иван Петрович*. До службы в Ливнах был воеводой в 1615-16 гг. в г. Стародубе (Северском), а в 1619 году – в г. Михайлов. После воеводства в Ливнах в 1627-29 гг. был назначен воеводой снова в г. Михайлов.

Воевода – *Язвцов Иван Иванович*, рязанец, сын боярский. До службы в Ливнах воеводствовал в 1614 году в г. Воронеж. (52, с. 101; 5, с. 126).

1625 г.

Воеводы – стольник *Измайлов Андрей Артемьевич* и *Яблочков Данила Моисеевич*.

Голова осадный – *белевец Кириевский Игнатий*. (61, с. 120).

1626 г.

Воевода – Федор Васильев сын *Клепиков - Бутурлин*.

Голова осадный – *болховитянин Ржевский Степан*. (54, с. 340; 52, с. 107).

1626 - 1627 г.г.

Воевода – стольник *Измайлов Андрей Артемьевич*. В 1643-46 гг. воеводствовал в Сургуте.

Воевода – *Писарев Лаврентий Иванович*, кошеренин. В 1629-31 гг. служил воеводой в Ельце. (5, с. 126).

1627 – 1628 г.г.

Воевода – стольник *Клепиков – Бутурлин Федор Васильевич*. (? - 4.12.1665).

Курский воевода в 1638-1640 гг. В 1641 г. один из воевод в Туле. В 1643–1645 гг. воевода в Ливнах, в 1650–1651 гг. – в Вязьме. В 1654 г. в звании головы стрелецкой сотни участвовал в походе царя *Алексея Михайловича* на Литву. В 1657 г. послан вторым воеводой в Могилеве. В 1659 г. назначен первым воеводой в Томск, где и умер.

Воевода – *Писарев Лаврентий Иванович*

Воевода – *Рогозин Иван Степанович*. Рагозины - дворянский род, восходящий к первой половине XVI века. *Иван Степанович Рагозин* был воеводой в Ливнах (1628). *Федор* и *Кузьма Рагозины* были дьяками патриарха *Филарета Никитича*. (5, с. 126; 28).

1629 – 1631 г.г.

Воевода – стольник, князь *Волконский Федор Федорович* (? –

1665)

Свою службу царю и отечеству князь *Фёдор Фёдорович Волконский* начал в 1618 году в небольшом чине стряпчего. Отец его *Фёдор Волконский Мерин* был известным военачальником эпохи Смутного времени, но сыну удалось превзойти родителя и заслугами и славой. Уже первые самостоятельные шаги юного князя на государственной службе оказались более чем успешными. Когда в 1618 году Москву осадил польское войско королевича *Владислава*, то плечом к плечу с ветеранами прошлых битв, с саблей в руке *Фёдору Волконскому* пришлось рубиться с врагом, попытавшимся штурмовать русскую столицу. Героев *Московской обороны* ждали щедрые царские награды, не обошли они и *Фёдора Волконского* – за оказанное отличие он был награждён чином стольника.

В числе воевод упоминается с 1625 года, а вскоре он становится воеводой в Ливнах, одной из основных пограничных крепостей. Видимо, молодой князь неплохо справлялся со своими обязанностями, если в 1629 году его поместный оклад превысил поместный надел отца, старшего заслуженного московского военачальника.

С началом русско-польской войны 1632–1634 годов *Фёдор Фёдорович* был направлен на западный рубеж, став воеводой в только что завоёванной крепости *Белая*. Эту крепость пытался взять польский король *Владислав*. Но защитники крепости под командованием *Волконского* мужественно отбивали все атаки поляков. Через 8 недель и 3 дня осады *Владислав* решил прекратить военные действия и начать мирные переговоры с Россией. Так стольник и воевода *Волконский* с горсткой оставшихся у него людей победил всю польскую армию. Всего в боях под городом противник потерял не менее 4 тысяч человек.

После заключения мира *Волконский* триумфально вернулся в Москву, повесив в *Успенском соборе* 8 захваченных его людьми неприятельских знамен. Царь *Михаил Фёдорович* щедро наградил героя, пожаловал ему атласную шубу, золотой кубок и вотчинную грамоту на 700 четвертей земли. 8 июля 1634 года князю *Волконскому* было пожаловано окольниковство. Слава *Фёдора Фёдоровича* сравнялась со славой князя *Пожарского*, он вошёл в круг ближайших советников царя. В последующие годы окольниковый *Волконский* выполнял важнейшие посольские поручения, возглавлял *Казацкий приказ*, в 1643 году был послан на воеводство в *Астрахань*. При *Алексее Михайловиче* принимал участие в разработке *Соборного уложения*, затем был послан строить в *заонежских погостах* новую крепость *Олонец*.

Во время Псковского бунта 1650 года Фёдор Фёдорович был послан в город с одним лишь дьяком Герасимом Дохтуровым, не побоялся вступить в конфликт с мятежниками, был ими «бит дреколием» и брошен в тюрьму. Только после усмирения бунта он был выпущен на свободу. Твёрдость и мужество князя поразили царя. За псковскую службу Фёдор Волконский был пожалован в бояре. После присоединения к Московскому государству Украины он был назначен первым русским воеводой Киева и принял участие в разгоравшейся тогда войне с Речью Посполитой. Желая помочь основным силам, Волконский организовал несколько успешных походов против остававшихся на Украине польских войск. В дальнейшем постаревший князь управлял Сыскным приказом и вновь был направлен на военную службу лишь в 1662 году, когда вспыхнуло восстание в Казанской земле. Этот поход стал последним в жизни Волконского. Подавив бунт, он в 1664 году выехал в Москву, но смог добраться лишь до Казани. Там Фёдор Фёдорович почувствовал себя плохо и в феврале 1665 года скончался. (28).

Воевода - Рчинов Яков Иванович. (5, с. 126).

1631 - 1632 гг.

Воевода – стольник, Колтовский Дмитрий Федорович. (? - не ранее 1643).

Курский воевода в 1631 г. (по Долгорукову). Участвовал в избрании царя Михаила Федоровича. В 1614 г. воевода в Дорогобуже, в 1638-1641 гг. - в Ливнах, в 1642 (по др. данным 1641) - 1643 гг. - в Переяславле-Рязанском. Долгоруков.

Воевода - Самарин Алексей Елизарьевич. (5, с. 126 - 127).

1633 – 1635 г.г.

Воевода – стольник Клепиков – Бутурлин Андрей Васильевич. 1647 г. – Ливны, 1641 г. был воеводой в Кольском остроге, 1645-1646 гг. – в Воронеже, 1649 г. – в Елце, 1653 – 54 гг. в Севске, 1656 г. – в Киеве, 1660 г. – в Переяславле Южном, 1663-1664 гг. – в Пскове.

Воевода - Щепин Улан Евстигнеевич. (54, с. 376; 5, с. 127).

1636 г.

Воевода – Дашков Яков Авксентьевич (? – не ранее 1642 г.).

Рыльский осадный воевода в 1619-1620 (по др. данным 1621) гг. Будучи в 1608–1610 гг. одним из воевод в Троице-Сергиевом монастыре участвовал в 16-месячной героической обороне обители (с 23.09.1608 по 12.01.1610) от польско-литовских войск Сапеги и Лисов-

ского. В 1613 (по др. данным в 1614–1616) гг. на воеводстве в Белгороде, в 1614–1615 гг. – в Осташкове, в 1616 г. - в Дорогобуже. В 1618 г. полковой воевода в Уфе, затем в Вязьме. В 1623 г. ездил посланником в Крым для поздравления Магмед-Гирея с вступлением на ханский престол. В 1629 г. послан в Астрахань для сыскного дела. В 1631–1632 гг. снова был белгородским воеводой. В 1638 г. послан от Пушкарского приказа укреплять Тулу. В 1642 г. принял монашество. (5, с. 127; 28).

1638 - 1642 г.г.

Воевода – стольник, Колтовский Дмитрий Федорович. (52, с. 109; 5, с. 127).

1642 г.

Воевода – Бояшев Федор Михайлович. В 1615 – 19 гг. был воеводой в Кашине, а 1631-33 гг. в г. Верхотурье. (52, с. 109; 5, с. 127).

1643 – 1645 г.г.

Воевода – Клепиков – Бутурлин Иван Васильевич стольник, потом боярин: до воеводства в Ливнах был воеводой в 1638-40 гг. в Курске. А после Ливен воеводствовал в 1650-51 гг. в Вязьме, 1656 г. – в Могилеве, 1659-64 гг. – в Томске, 1682-83 гг. - в Новгороде-Великом, в 1687 г. – в Киеве. (5, с. 127).

1645 - 1646 г.г.

Воевода – стольник, Колтовский Дмитрий Федорович. (52, с. 109).

1646 г.

Воеводы – Князь Львов Семен Петрович; Колтовский Дмитрий Федорович. (52, с. 121).

1647 г.

Воевода – стольник Клепиков – Бутурлин (Бутурлин) Андрей Васильевич,

Воевода – князь Куракин Григорий Семенович, стольник, потом боярин: 1637-38 гг. был воеводой в Вязьме, 1646 г. – Тобольске, 1657-61 гг. – Новгороде-Великом, 1662-67 гг. – Казани. (52, с. 122; 5).

Воевода осадный - Лодыженский Федор Абросимович. (52, с. 122; 5, с. 127).

1647 – 1648 г.г.

Воевода – Лодыженский Федор Абросимович.

Воевода – Соплин – Бутурлин Емельян Иванович, стольник: 1648 – Ливны, 1641-42 – Усерд, 1652-53 – Белгород. (52, с.109, 122).

1649-1650 г.г.

Воевода – Лодыженский Федор Абросимович. (52, с. 122).

1650 – 1651 г.г.

Воевода – Кологривов Яков Петрович. (52, с. 122)

1651 – 1653 г.г.

Воевода – Зыбин Никита Михайлович, Вострокрылов Иван Артемьевич, подъячий. (52, с. 122; 5, с. 127).

1654г.

Воевода – Воейков Никита Михайлович. (52, с. 126; 5, с. 127).

1655 г.

Воевода – Барыков Лев. (61, с.121).

1657 -1658 г.г.

Воевода – Емельян Толстой. (23, с.305).

1659 - 1660 г.г.

Воевода - Микифор Федорович Толстой. (42,с. 86).

1661 г.

Воевода - Чичерин Андрей. (52, с. 126).

1665 г.

Воеводы: Барыков Лев , который в 1664 г. был воеводой в Чернавском остроге;

Козлянинов Иван. (5, с. 127).

1667 г.

Воевода - Федор Козлянинов. (42, с. 86)

1674 г.

Воевода - Скрябин Владимир, который был воеводой в Карсуни в 1651 году. (52, с. 126; 5,с. 127).

1675 г.

Воевода - Челищев Тимофей Осипович, в 1671 году был воеводой в Старой Руссе. (52, с. 126)

1677 г.

Воевода – Гришев Василий. (5, с. 127).

1678 г.

Восвода – Вельяминов Епифан. (5, с. 127).

1684 г.

Воеводы: – стольник Золотарев Иван Васильевич, подъячий Ершов Александр. (61, с.121).

За период с 1685 по 1700 год данных о руководителях города Ливны - воеводах, головах обнаружить не удалось.

Ниже приводится алфавитный список воевод и других руководящих должностных лиц, служивших в Ливнах в XVII-ом веке.

1. Барыков Лев – Ливны – 1655, 1665, 1664- Чернавский острог.

2. Бояшев Федор Михайлович: 1642 – Ливны, 1615 -19 – Кашин, 1631-33 – Верхотурье.

3. Буйинов Петр Иванович, князь: 1605 – Ливны. (54, с. 229).

4. Бутурлин Андрей Васильевич – стольник, потом окольный: 1633 – 1635 – Ливны, 1641 – Кольский острог, 1645-1646 – Воронеж, 1649 – Елец, 1653 – 54 в Севске, 1656 – в Киеве, 1660 – Переяславль Южный, 1663-1664 – Псков.

5. Бутурлин – Клепиков Иван Васильевич – стольник, потом боярин: 1643-45 – Ливны, 1638-40 – Курск, 1650-51 – Вязьма, 1656 – Могилев, 1659-64 – Томск, 1682-83- Новгород- Великий, 1687 – Киев.

6. Бутурлин Матвей Васильевич: 1605 – Ливны. (54, с. 229).

7. Бутурлин – Клепиков Федор Васильевич – стольник, потом окольный: 1627-28 – Ливны, 1630 – Великие Луки, 1636-37 – Торопец, 1639-41 – Казань, 1650-52 – Двина, 1657-59 – Казань, 1662-64 – Путивль.

8. Бутурлин – Соплин Емельян Иванович, стольник: 1648 – Ливны, 1641-42 – Усерд, 1652-53 - Белгород. (52, с. 109).

9. Вельяминов (Воронцов – Вельяминов) Андрей Петрович : 1602 – Ливны.

10. Вельяминов (Воронцов – Вельяминов) Епифан : 1678 – Ливны.

11. Воейков Никита Михайлович: 1654 – Ливны.

12. Волконской Михайло, князь: голова , 1603 – Ливны. (54, с. 210).

13. Волконский Федор Федорович – князь, сперва стольник, потом окольничий и, наконец, боярин: 1629-31 – Ливны, 1633 – Калуга, 1636 – Путивль, 1654 – Киев, 1662-63 – Уфа, 1663 – Мензелинск.
14. Вострокрылов Иван Артемьевич – подъячий: 1651 – 1653 – Ливны.
15. Гринев Василий: 1667 – Ливны.
16. Данилов Петр Прокофьевич: 1616-18 – Ливны (два раза), 1614 – Орел.
17. Дашков Яков Авксентьевич: 1636 – Ливны, 1614- Осташков, 1614-16 – Белгород, 1619-20 – Рыльск, 1631-32 – Белгород.
18. Ершов Александр, подъячий: 1684 - Ливны. (61, с.121).
19. Засекин Иван Петрович – князь: 1623-26 – Ливны, 1615-16- Стародуб (Северский), 1619 – Михайлов, 1627-29 – Михайлов.
20. Золотарев Иван Васильевич, стольник: 1678 – Ливны (61, с.121).
21. Зыбин Никита Михайлович - белевец: 1651-53 – Ливны.
22. Измайлов Андрей Артемьевич – стольник: 1625-27 – Ливны, 1643-46 – Сургут.
23. Измайлов Григорий Васильевич: 1619 – Ливны, 1616-17 – Ржев.
24. Измайлов Тимофей Васильевич: 1616-17 – Ливны, 1613 – Владимир на Клязьме, 1640-41 Свияжск.
25. Кириевский Игнатий, голова осадный, белевец: 1625 – Ливны. (61, с. 120).
26. Козловский Михайло Григорьевич – князь: 1620-21 – Ливны, 1626-28 – Белгород, 1631 – Сургут, 1641 – Курск.
27. Козлянинов Иван: 1665 – Ливны.
28. Козлянинов Федор: 1667 - Ливны. (42, с. 86).
29. Колтовский Григорий Федорович: 1614 – Ливны, 1616 – Карачев.
30. Колтовский Дмитрий Федорович стольник: 1631-32, 1638-41, 1645-47 – Ливны, 1634 – Мценск.
31. Куракин Григорий Семенович – стольник, потом боярин: 1647- Ливны, 1637-38 – Вязьма, 1646 – Тобольск, 1657-61 – Новгород-Великий, 1662-67 – Казань. (52, с. 122).
32. Лобанов Василий Михайлович – князь: 1601 – Ливны (54, с. 192).
33. Лодыженский Федор Абросимович – стольник: 1647-50 – Ливны.
34. Львов Семен Петрович - князь: 1646 г – Ливны. (52, с. 121).
35. Лыков Федор Иванович, князь: 1603 – Ливны. (54, с. 210).
36. Михнев Игнатий Истоминевич: 1614-16 – Ливны, 1617 – Оскол.
37. Мосальский Дмитрий Васильевич, князь: 1606 – Ливны. (54, с. 229)

38. Мясной Судок: воевода -1602 – Ливны. (54, с. 200), голова - 1603 – Ливны. (54, с. 210).
 39. Пиарев Лаврентий Иванович - кошеренин : 1626-27 – Ливны, 1629-31 – Елец.
 40. Плещеев Алексей Романович: 1606 – Ливны.
 41. Полев Богдан Иванович: 1600 – Ливны, 1602 – Царев – Борисов, 1616 – Муром.
 42. Путятин Михайло Бык - князь: 1601 – Ливны. (54, с. 192.)
 43. Рагозин Иван Степанович: 1627-28 – Ливны, 1630 – Михайлов, 1644-45 – Чаронд, 1648-49 – Царево - Алексеев.
 44. Рчинов Яков Иванович: 1629 – 31 – Ливны.
 45. Сабуров Замятця: 1602 – Ливны. (54, с. 200).
 46. Саарин Алексей Елизарьевич (в др. местах – Степанович): 1631-32 – Ливны.
 47. Сябин Владимир : Ливны – 1674, 1651 – Карсунь. (52, с. 126).
 48. Татев Иван Андреевич - князь: 1600 – Ливны.
 49. Воевода – Емельян Толстой. 1657 -1658 - Ливны. (23, с. 305).
 50. Толстой Микифор Федорович: 1659 г. – Ливны. (42, с. 86).
 51. Федоров Петр: 1602 – Ливны. (54, с. 200).
 52. Черкасский - Егупов Никита Иванович, по прозвищу Курица – князь, стольник: 1618 – Ливны, 1632-34 – Томск.
 53. Челищев Тимофей Осипович: 1675 – Ливны , 1671 – Старая Русса. (52, с. 126).
 54. Чичерин Андрей: 1661 – Ливны. (52, с. 126).
 55. Шенн Михаил Борисович: 1606 – Ливны. (54, с. 229).
 56. Шишкин Федор Григорьевич – голова: 1614-16 – Ливны, 1623 – Сургут, 1632-34 – Томск, 1646-48 – Туринск.
 57. Щепин Ульян (Улан) Евстигнеевич: 1633-35 – Ливны.
 58. Яблочков Данила Моисеевич: 1625 - Ливны (61, с. 120).
 59. Язвцов Иван Иванович, рязанец, сын боярский: 1623-26 – Ливны, 1614 – Воронеж.
- (Информация о воеводах, на которую нет ссылок, получена из источника – 5, с. 429-607).
- Анализ списка руководителей Ливенского гарнизона в XVII-ом веке позволяет отметить, что почти за сто лет Ливенским гарнизоном командовали более 60 высокопоставленных государственных чиновников, назначавшихся из Москвы. В среднем каждый из них работал в Ливнах не более двух лет, а некоторые руководили гарнизоном всего несколько месяцев. При таком подходе к управлению военным городком трудно было сделать что-то значимое для развития города, да и

обстановка постоянного ожидания нападения противника не способствовала этому. С другой стороны перед воеводами и не ставились задачи долговременного развития города и уезда, а все их усилия были направлены на организацию эффективной сторожевой службы в соответствии с ее уставом.

Следует отметить только Колтовского Дмитрия Федоровича, стольника, который направлялся в Ливны в качестве воеводы трижды: в 1631-32 гг., 1638-41 гг. и в 1645-47 гг., а всего управлял Ливиским гарнизоном около шести лет. Но это единственный случай. Все остальные воеводы назначались только однажды на Ливны, хотя многие из них были воеводами в других городах. Только раз и только в Ливны были назначены более 50% всех воевод, управлявших Ливенским гарнизоном в XVII-ом веке. Интересно, что в XVII-ом веке воеводой на Ливны не назначался ни один воевода, управлявший Ливенским гарнизоном в конце XVI-го века.

Ротация воевод была очень динамичной. Явно просматривается причины того, что 50% ливенских воевод XVII-го века так и не стали руководителями других гарнизонов – они либо просто не справились со своими обязанностями в Ливнах, либо попали в немилость к царю, либо безвременно погибли в сражениях. Тем не менее, все те военные люди, которые руководили ливенскими служилыми людьми, организовав охрану государственной границы Московии, несомненно, заслуживают уважения потомков, нынешнего поколения ливенцев.

Хозяйственная деятельность ливенцев в конце XVI - XVII вв.

Политика политикой, а чтобы ее делать надо есть, продолжать род, одеваться и обуваться, изготавливать оружие, где-то жить. Все эти проблемы разрешаются через осуществление населением производственно-хозяйственной деятельности. И горожане Ливен не были здесь исключением. Даже в самые смутные времена они продолжали трудиться, плодиться, обрабатывать землю, платить подати в государственную казну.

В XVII веке ведущей отраслью экономики России оставалось зерновое хозяйство. Это тем более было характерно для южных уездов России, которые располагались на плодороднейших черноземах. Хозяйственное освоение этих земель в конце XVI - XVII вв. было сопряжено с постоянными войнами. Только во второй половине XVII в. в Ливенском уезде появилась возможность более или менее спокой-

но заниматься земледелием. Служилые люди и крестьяне вновь заселили покинутые прежде деревни, вспахали пустоши, обзавелись скотом и сельскохозяйственным инвентарем. В основе хозяйства было производство зерна. Хлеб постепенно стал основным товарным продуктом сельского хозяйства в Ливенском уезде.

Но общий уровень развития в уезде сельского хозяйства был низким. В земледелии продолжали применяться такие примитивные орудия, как соха и борона. Развитие сельского хозяйства сдерживало в Ливенском уезде еще и слабая его заселенность. Наиболее пострадавший от набегов татар уезд был полупустым по сравнению с соседними уездами. По данным переписи 1678 года в Ливенском уезде было лишь два крупных помещика, в вотчинах которых насчитывалось всего 24 двора. В соседних Елецком и Орловском уездах в это же время насчитывалось, соответственно, в Елецком - 43 крупных помещика с 669 дворами и в Орловском - 22 с 394 дворами. (15, с.170).

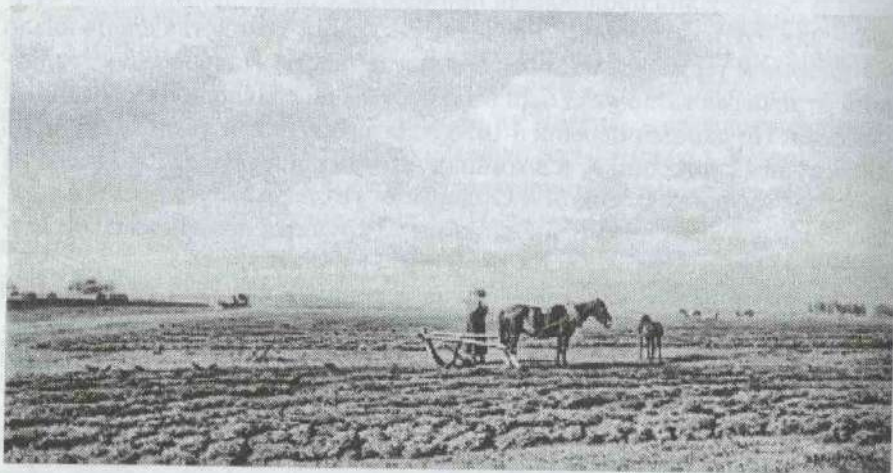
Однако в целом население уезда к концу XVII века значительно выросло по сравнению с началом века и составляло до 11000 человек. (52, с.149). Подавляющее большинство из них занималось сельским хозяйством. Сохраняя в основном натуральный характер, сельское хозяйство в XVII веке уже в значительной мере было связано с рынком. Росло производство продуктов для снабжения городов и ряда промышленных районов, не производивших хлеба. Южные уезды государства, к которым относился и Ливенский уезд, превращались в хлебопроизводящие районы, откуда хлеб поступал в область донского казачества и в центральные области (особенно в Москву). Главный путь развития сельского хозяйства того времени – экстенсивный: в хозяйственный оборот землевладельцы включали все большее количество новых территорий.

На полях Ливенского уезда земледельцы выращивали в основном зерновые культуры: овес, гречиху, ячмень, пшеницу, рожь, просо, горох, полбу, лен, коноплю, мак, анис. Состав засева менялся каждый год. Рожь (в южных уездах России – Ю.Б.) обычно давала относительно хороший урожай: на десятине копен 12 и больше, а из копны четверть с четвериком или четверть с полуосминой (по современному исчислению с 1 га урожай ржи достигал 15 центнеров – Ю.Б.), тогда как в замоскворецких деревнях умолот из копны редко превышал 5-6 четвериков (т.е. в два раза меньше, чем в южных уездах – Ю.Б.)». (46, с.106).

Другой важной статьей барского и крестьянского хозяйства было разведение скота, крупного и мелкого, и птицы. В своих хозяйствах ливенцы выращивали: лошадей, коров, овец, свиней, гусей, уток, индеек.

Все работы в барских вотчинах, хотя в Ливенском уезде в то время их было еще не так много, выполняли крестьяне, которым обычно разрешали работать на себя только два дня в неделю.

Во всех хозяйствах были огороды, на которых сажали в основном капусту и огурцы для личного потребления, на продажу в огородах

На пашне. Клодт М.Н.

практически ничего не выращивали. На барских усадьбах и около домов их приказчиков разводили фруктовые сады, в которых произрастали яблони, вишни, сливы, груши. Что касается домашнего хозяйства, то в городе и деревне они различались мало. Практически все горожане имели огороды, разводили домашних животных. Да и сам город был больше похож на большую деревню.

В Ливнах в XVII веке мелкое производство в земледелии было соединено с домашней крестьянской промышленностью и мелким городским ремеслом. Самое широкое распространение получила домашняя промышленность; по всей стране крестьяне производили холсты и сермяжное сукно, веревки и канаты, обувь валяную и кожаную, разнообразную одежду, посуду и многое другое. Вот и в Ливнах еще в начале XVII века горожане, кроме земледелия, «...занимались торговлею и различными промыслами: кузнечным, коновальным, плотничьим, сапожным, рыбным, звериным, гончарным, селитренным и т.п. В малом острожке было 37 лавок и 4 стола...» (52, с. 110).

Селитренный промысел в Ливнах существовал не случайно. Селит-

ренная промышленность в России в то время была довольно хорошо развита. Даже иностранцы добивались позволения вывозить селитру из России. Среди других россиян и ливенцы подряжались в Пушкарском приказе варить селитру для поставок, в том числе и за границу. В 1634 году государство платило им за пуд селитры по два рубля и 10 алтын.

Но возникает вопрос, какая связь могла быть между сельскохозяйственным по своей сути Ливенским уездом и производством селитры, основной компоненты пороха, — химическим производством? А все дело в том, что в XVII веке в России селитру получали из помёта животных, особенно навоза, который при долгом лежании в тени слегка белеет. Белый налёт на продуктах гниения органических отходов есть не что иное, как селитра. Позднее стали устраивать специальные селитряные кучи. В них свозили навоз, золу, землю с кладбищ, листву, ботву с огородов, солому, пищевые отбросы. Всё это обильно и многократно поливалось мочой и помоями, обносилось высокими заборами для защиты от солнца, покрывалось сверху соломой и оставлялось для созревания. После созревания «селитряная земля» промывалась тёплой водой для растворения селитры. Полученный щёлок упаривался в медных котлах и охлаждался в корытах. При этом на дне вырастали крупные прозрачные шестигранные кристаллы селитры. Полученную соль «литровали» — очищали повторной промывкой.

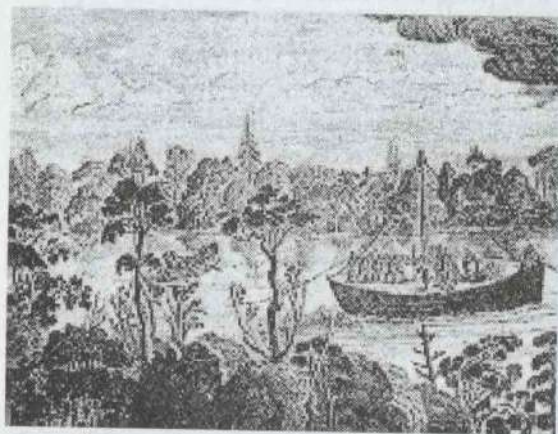
Производительность этого «буртового» техпроцесса получения селитры была весьма мала. Из 1 куб. фута исходного материала (вес 1 куб. фута влажной глины = 114 фунтам, или прим. 52 кг) после вызревания «селитряной земли» в буртах в течение 1–2 лет получали не более 30 золотников (ок. 120 граммов) селитры. См.: Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Под ред. Ф. Толля. СПб., 1864. т. III. С. 421–422. То есть, выход селитры 0,2%. (28).

Теперь понятно, что производство селитры в то время сосредоточивалось в сельских районах, где в изобилии был в наличии основной исходный материал для производства селитры — навоз домашних животных. Так в Ливнах еще в XVII веке существовало примитивное химическое производство военной направленности. Довольно хорошо была развита в городе торговля.

Однако торговля велась не только в городе, но и вне него. Были в Ливнах кушцы из служилых людей, которые, рискуя попасть в руки татар, вели постоянную торговлю на Дону. На стругах они регулярно доставляли донским казакам хлеб и разные другие товары, в т.ч. и военного назначения. Эта торговля была так важна для донских казаков, «...что когда она остановилась в 1657 году, то донцы жаловались в

Москву на крайнюю свою нужду в хлебных и военных запасах». Был и еще один промысел, которым занимались самые отчаянные ливенцы. Вместе с донскими казаками они ходили в набеги на татар, громили турецкие караваны, возвращаясь домой с богатой добычей. (52, с. 111). Была в Ливнах и мельница, которая располагалась «...на речке Ливенке сверх Заливенской Никольской казачей слободы» и сначала находилась в ведении Сергиевского монастыря, а потом перешла в Приказ Большого Дворца. Это было первое в истории Ливен перерабатывающее предприятие. Позднее, в 1618 году, мельницу сожгли черкасы Сагайдачного. До 1640 года мельница не восстанавливалась. Видимо не было в этом нужды. И вот в 1639 году мельницу захотел восстановить Сергиевский монастырь. Однако этому воспротивились ливенские стрельцы. Спорное дело было разрешено Разрядным приказом в пользу монастыря. По его указу «...то мельнишное место велено отдать Сергиева монастыря игумену з братьею на монахов обиход для мельнишного строения». (РГАДА, ф.210, Белгородский стол, стб. 115, лл. 557-585). Тем не менее, основной доход ливенские помещики получали от выращивания и продажи зерна.

Следует заметить, что уже в то время предпринимательская деятельность жителей города Ливны не была оставлена фискальным вниманием государства. Мало того, что ливенцы каждый день рисковали своей жизнью, вели хозяйство и предпринимательскую деятельность в условиях постоянных набегов крымчан, они были обязаны еще платить в казну налоги и отрабатывать различные повинности. Само строительство и восстановление

Русский струг (по А. Олеарию)

городских крепостных сооружений, и не только их, в городе велось «...силами и на средства ливенских детей боярских и служилых людей по прибору (стрельцов, казаков, пушкарей, затинщиков и воротников)... Мы даже приблизительно не можем представить объем денежных и трудовых затрат ливенских детей боярских на строительство острога и официальных зданий и сооружений.

Думаем, что эти объемы были весьма значительны». Таким же образом ежегодно строился, восстанавливался мост через Сосну. (41, с. 68).

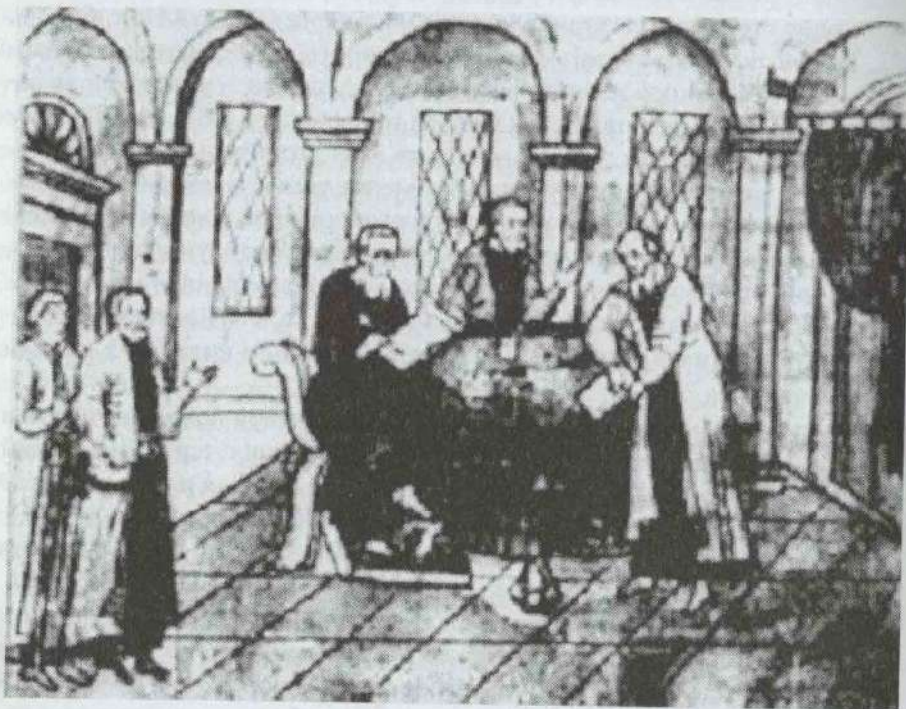
Емкой по трудозатратам была повинность по обработке государственной десятинной пашни. «Это была государева земля, которая засеивалась семенами, принадлежавшими государству. Обрабатывать эту землю (пахать, сеять, жать и молотить хлеб, собирать его в государственные житницы) должно было население уезда, в котором располагалась десятинная пашня, в качестве государственной повинности. Хлеб, полученный с десятинной пашни, шел на жалование служилым людям, командированным в город. В Ливенском уезде десятинная пашня располагалась у города. Размер земельного участка, выделенного под десятинную пашню превышал 600 четвертей в одном поле (900 десятин в трех полях)».

Кроме этого, в обязанности на ливенских детях боярских лежали еще две повинности. Сопровождение проезжавших через Ливенский уезд и Ливны до границ царских послов на юг и обратно, а также обеспечение едой и кормом людей и лошадей этих делегаций.

Денежные налоги тоже не миновали ливенцев. Они платили оброк в казну «...за рыбные ловли и за бобровые гоны, и за хмелевые болота, и за полевой всякой зверь...». Так было до 1615 года. А с приходом к власти Романовых ливенцы были включены в ряды плательщиков государственных налогов. Они стали плательщиками двух очень крупных налогов: хлеб на жалование стрельцам и большие ямские деньги. С 1649/50 г. с каждого сына боярского начали, как и с других плательщиков, собирать полоняничные деньги - по 1 коп. с двора, которые использовались на компенсацию потери кормильцев семьям, попавшим в крымский плен, выкуп русских «полоняников» (пленных), а также выплату пособия бежавшим из татарского плена.

«В период с 1679/80 г. по конец XVII столетия для ливенских детей боярских, как и для других тяглецов России бывшие прежде налоги были отменены и заменены одним - стрелецким хлебом... Этот налог выступал под именем «четверикового хлеба». Поначалу (1678/79 - 1682/83 г.г.) с ливенцев собирали по осьмине ржи и по осьмине овса с двора. С 1683/84 г. оклад был уменьшен в два раза. С двора стали собирать по полуосьмине ржи и по полуосьмине овса. Полный уездный оклад этого налога равнялся «с Ливенцев полковые и городские службы со всяких чинов людей с 1309 дворов ржи по полуосьмине, овса по тому ж с двора. Итого ржи 327 чети с полуосьминою, овса тож». (Т.е. уезд должен был сдать в государственную житницу 32725 кг ржи и 31436 кг овса - Ю.Б.). (41, с.71).

Еще одной значительной повинностью ливенских детей боярских

Приказные люди за работой

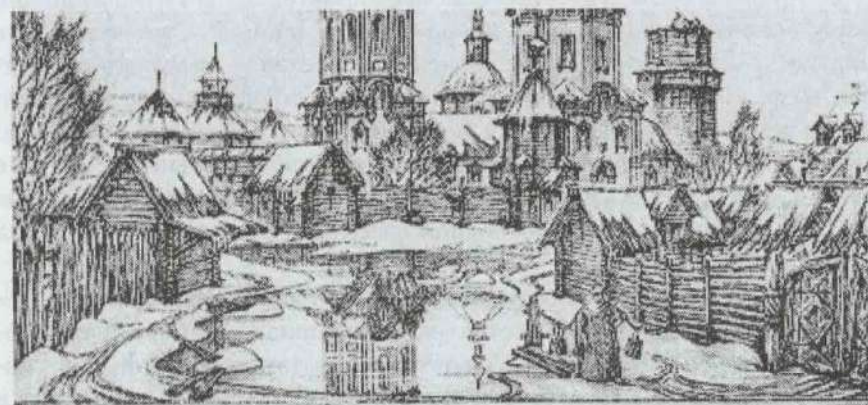
было строительство речных судов-стругов. Струги предназначались для разных целей. В челобитной в 1630 г. ливенцы пишут: «Да с нас же, холопей твоих, емлют под турецких и под вергеньских (венгерских - М. М) послов с сошных людей з детишак боярских по 20 и 3 струги» (43, с.73). Послы ездили не каждый год. Но почти каждый год ливенцам приходилось строить струги для посылки хлебных запасов для донских казаков и для служилых людей новых южных городов-крепостей. (Струг (от «строгать») — русское плоскодонное парусно-гребное судно веков, служившее для перевозки людей и грузов. Использовалось на реках и озёрах. Было оборудовано съёмной мачтой с небольшим прямым парусом, который ставился при попутном ветре. Струги имели длину от 20 до 45 метров и ширину от 4 до 10 метров. (28).

Оживленные дипломатические связи России и Крымского ханства, частые обмены послами и гонцами способствовали бытованию в Ливенском уезде повинности по предоставлению лошадей для проезжавших, а также корма для людей и лошадей. Челобитчики в 1630 г.

специально отмечали: «да с нас же, холопей твоих, емлют... под крымских послов по 60 и по 5 мерин у подводы. Да с нас же, государь, берут тем же крымским послам кормы, овес и сена. А емлют, государь, с нас, холопей твоих, струги и подводы, и кормы, овес и сена, безденежно... А прежде сего, государь, на Ливнах... струговых поделок и сошных мерин не имывали». Челобитчики просили: «Милосердный государь..., пожалуй нас, холопей своих, ...вели, государь, с нас, холопей с твоих, струговые поделки и сошные мерины снять». Однако эти повинности сохранялись и далее.

Пока мы можем сказать, что тягло ливенских детей боярских было комплексным и включало в себя государственные налоги и государственные повинности». (41, с. 74).

Налоги в Ливнах платили и все предприниматели: держатели лавок, столов, кузниц и других мастерских. В Приправочной книге 1615 года говорится, что по Ливнам «...оброков с лавок и столов и кузниц (числом 8) на год дают по 20 рублей». А кабак, единственный в городе, «...сдавался в откуп из Розряду, а откупу было по 110 рублей на год». (52, с.111). Вот такова была система налогообложения жителей Ливен и уезда в XVII веке. Конечно, со временем она несколько изменялась, но суть ее оставалась неизменной — для существования государства нужны были деньги, которые ему никто, кроме его подданных, дать не мог.

Большая улица в Орле - XVIII век. (Фрагмент картины Неделина В.).

Быт и нравы ливенцев в XVI-XVII веках

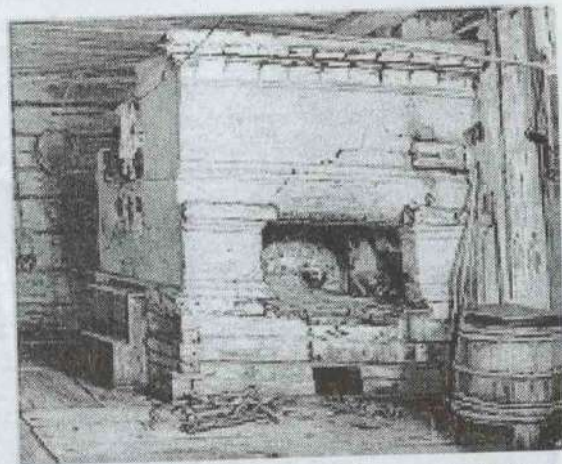
Внешне Ливны в XVII веке напоминали большое село. Дворы горожан были довольно обширны и их размер зависел от положения хозяина и его достатка. Боярский двор мог иметь в длину до 37 саженей (около 80 м - Ю.Б.) и до 33 саженей в ширину (около 70 м - Ю.Б.). А у простых горожан двор был значительно меньше, например, 3X6 саженей (6,5X13 м - Ю.Б.). На таком участке и одну избу разместить было трудно.

Однако обыкновенно «...средняя величина усадеб была от 10 до 20 саженей в длину... в три сажени поперек. Вообще, форма дворов была неправильная, и поперечник не только не равнялся длине, но в переднем конце был иной меры, чем в заднем». (33, с.139).

Все основные постройки на усадьбе обычных служилых людей в городе были срубные - избы, клети, сенники, мшаники, конюшни, хлева. Главным и обязательным элементом такого двора была изба, отапливаемая постройка, утеплённая в пазах мхом, где жила семья горожанина, где в зимнее время занимались хозяйством и работали (ткали, пряли, изготавливали различную утварь, инструменты), здесь же в морозы находил приют и скот. Для Ливен более характерен был открытый тип двора: значительная площадь двора была не занята постройками и не покрыта крышей. Характер расположения, состав хозяйственных построек, зависел от достатка семьи. Амбар, кладовую, погреб нередко ставили или перед окнами дома посредине улицы или на огороде, на гумне. Как правило, на двор приходилось по одной избе, но бывали дворы с двумя и даже с тремя избами, где размещались большие неразделенные семьи. В городе строились в основном наземные избы, характерные для южных районов.

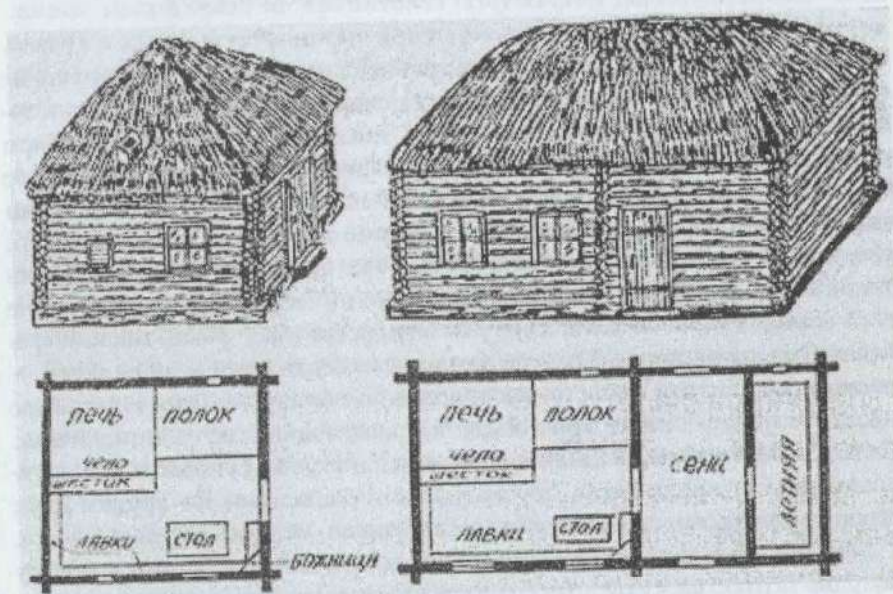
Уже в XVI веке в составе изб начинают появляться сени как элемент городского, а затем и крестьянского жилища, причём сени определённо служат соединительным звеном между двумя постройками - избой и клетью. Появление сеней как защитного тамбура перед входом в избу, а также то, что теперь топка избы была обращена внутрь избы - всё это намного улучшило жильё, сделало его более теплым, удобным. Следует отметить, что в таком виде избы в Ливенском уезде (районе) в отдельных деревнях сохранились до середины XX века.

Второй обязательной постройкой двора горожанина была клеть, т.е. срубное помещение, служившее для хранения зерна, одежды, другого имущества крестьян. Из других построек двора нужно назвать, прежде всего, овины, так как зерновое хозяйство в относительно сыром климате Центральной России невозможно без подсушки снопов. В домах многих ливенцев были погреба.

Крестьянская изба. Максимов В.М.

Основная масса жилых построек крылась соломой и деревом (тес, дрань) и топилась по-

Жилая курная изба. Ливенский уезд. XIX век.
Реконструкция Г. Рыжкина.

Крестьянская изба . Центр России. (28).

черному. Этот способ отопления требовал меньше дров. Однако не следует представлять, что жилое помещение было абсолютно задымлено. Дым уходил через волоковые окна, которые в холодное время при потушенной печи затягивались кожей. Из-за этого даже днем в избе было темно. Устройства волоковых окон было таково, что они не были связаны напрямую с очагом, и поэтому с дымом не уходило тепло. Наружный свод русской печки в XVII в. мог быть округлым, лежать на такой печке могла разве что кошка. Более привычный в последующие века вариант горизонтального верха печи встречался реже, так как требовал больше кирпича. Хозяйева дома могли спать в тепле на полатах — подвесном дощатом помосте, расположенном близко от печи и довольно низко от пола — ниже уровня дыма, скапливавшегося в помещении. Потолок отсутствовал. Были видны конек и стропила крыши. Обычно форма крыш была двускатная с фронтонами на других двух сторонах, но были, особенно у бедных горожан, четырехскатные крыши.

Тип очага задавал основы способов приготовления пищи и форму посуды. В русской кухне преобладали вареные, пареные, печеные кушанья, т.к. жарить в русской печке неудобно. Основной емкостью для готовки был горшок, устойчиво стоявший в печке. Хозяйка ставила и доставала тяжелые горшки с помощью ухвата, положенного на каток.

Русская печка зачастую заменяла баню — в остывающей чисто выметенной топке, прикрытой заслонкой, мылись. Иметь свою баню мог только состоятельный человек. Ведра, корыта, бочки и прочие емкости для воды делались из дерева. Воду носили из колодцев или реки, белье стирали в реке, а гладили с помощью валька и рубеля.

В абсолютном большинстве домов были земляные полы. Перед праздниками их выравнивали и мазали жидкой глиной, чтобы было меньше пыли. У богатых хозяев пол из расколотых пополам бревен мог занимать лишь чистую часть жилья, не доходя до предпечья и порога. Так как на земляном полу кроме мышей водились еще и земляные жабы, то иногда хозяева держали ручного ужа, ловившего и тех, и других. Кошка в доме была обязательно. А вот место собак было во дворе. В жилые помещения их не пускали. Считалось, и сейчас считается церковью, что собаки оскверняют освященное жилище.

Забота о красоте в доме лежала на плечах женщин. Вышитые скатерти, налавочки, подоконники (ткань, подвешивавшаяся под оконным проемом), завесы, полотенца были обязательной принадлежностью интерьера. Эти вещи практически не бывали предметом торговли. Каждая хозяйка делала их сама и учила этому дочерей. А вот приносить в дом живые цветы было не принято. В полутемном помещении они были заметны хуже, чем вышитые или нарисованные, в тесноте для букетов абсолютно не было места. Так что веночки и букетики были забавой для детей и девушек вне дома. Исключение составляла Троица, когда стены дома и иконы украшались зелеными ветками березы и цветами, а пол засыпался свежескошенной травой. Но в этом случае цветы выполняли обрядовую, а не эстетическую роль.

Но главное украшение домов любого достатка «...составляли образа: не было в доме покоя, где бы их не висело несколько, и чем хозяин был зажиточнее, тем более это выказывалось множеством образов; их ставили не только в жилых покоях, но в сенях, лавках и амбарах». (33, с.150). Сейчас невозможно сказать, иконы каких святых в домах ливенцев встречались чаще. Это зависело от вкуса и от обстоятельств жизни хозяев домов. Однако в любом доме можно было встретить несколько образов Божией Матери в различных наименованиях, Николы Чудотворца и Спасителя.

Из мебели в домах ливенцев в те годы использовались только лавки, скамьи и столы, которые во время трапезы покрывались домоткаными скатертями. «Стенных зеркал у русских вовсе не было: церковь не одобряла их употребление; духовным лицам собор 1666 года положительно запретил иметь зеркала в своих домах; благочестивые люди избегали их, как один из заморских грехов...». (33, с.153).

«Кроватью в старину служила прикрепленная к стене скамья, или лавка, к которой приставляли другую лавку. На этих лавках клали постель, состоящую из трех частей: пуховика, или перины, изголовья и подушек... Вообще, однако, постели были принадлежностью только богатых людей, да и у тех стояли более для вида в своем убранстве, а сами хозяева охотнее спали на простой звериной шкуре или на матрасе. У людей среднего состояния обычно постелью служили войлоки, а бедные поселяне спали на печках, постлавши под головы собственное платье, или же на голых лавках. Детские колыбели делались висачие, всегда широкие и длинные, для того чтоб дитя могло свободно расти, а внутри их всегда привешивались иконы или крестики». (33, с. 154).

Это подтверждает и немецкий дипломат Адам Олеарий, посетивший Россию в 1640-е годы, который так описывает интерьер русской избы: «... ни в одном доме, ни у богатых, ни у бедных людей, незаметно украшения в виде расставленной посуды, но везде лишь голые стены, которые у знатных завешены циновками и заставлены иконами. У очень немногих из них имеются перины; лежат они поэтому на мягких подстилках, на соломе, на циновках или на собственной одежде. Спят они на лавках, а зимою, подобно немцам в Лифляндии, на печи, которая устроена как у пекарей и сверху плоска. Тут лежат рядом мужчины, женщины, дети, слуги и служанки. Под печами и лавками мы у некоторых встречали кур и свиней». (28).

Освещались дома богатых горожан в темное время суток свечами восковыми и сальными, а простые горожане могли позволить себе для этих целей только лучину. Для умыванья в домах горожан употреблялись рукомойники и лохани; у богатых людей они были серебряные и позолачивались, у людей среднего состояния — медные или оловянные. Столовая посуда для пищи и питья носила общее название судков. Простой народ довольствовался деревянными сосудами, которые имели ту же форму, как и драгоценные, и носили те же названия. (33, с. 161).

Во дворах некоторых ливенских служилых людей были срублены бани. Они были одним из любимых мест проведения досуга ливенцами. Однако баня в то время выполняла и важнейшую санитарную функцию. В парной при температуре около ста градусов уничтожались многие болезнетворные микробы, паразитирующие на теле человека. Других эффективных способов борьбы с паразитами и микробами в то время просто не знали. Конечно, в бане в приятной компании за угощением вели беседы о жизни и своих проблемах, а порой решали важные деловые проблемы

Баня представляла из себя маленький сруб, иногда без предбанника, в углу - печь - каменка, рядом с ней - полки или полати, на которых парятся, в углу - бочка для воды, которую нагревают, бросая туда раскалённые камни, и всё это освещается маленьким окошечком, свет из которого тонет в черноте закопчённых стен и потолков. Сверху такое сооружение часто имеет почти плоскую односкатную кровлю, крытую берестой и дерном.

В Ливнах первая общественная баня, возможно, появилась в середине XVII века. Впервые упоминание о бане содержится в росписном списке г. Ливны от 20 мая 1651 г.: «В городе воеводский двор... баня новая дубовая, перед нею сени лубенные...». Была ли эта баня построена исключительно для нужд воеводы и его приближенных или имели доступ в нее и другие служилые люди — неизвестно. (РГАДА, ф. 210, Белгородский стол, кн. 19, л. 576 — 589).

Русская баня XVII века. (28)

Уже упомянутый нами Олеарий так описывает русскую баню: «Баня была разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли видеть отдельно. Однако входили и выходили они через одну и ту же дверь, притом без передников; только некоторые держали спереди березовый веник до тех пор, пока не усаживались на место.

Они в состоянии переносить сильный жар, лежат на полке и вениками нагоняют жар на свое тело или трутся ими (это для меня было невыносимо). Когда они совершенно покраснеют и ослабнут от жары до того, что не могут более вынести в бане, то и женщины и мужчины голые выбегают, окачиваются холодной водой, а зимою валяются в снегу и трут им, точно мылом, свою кожу, а потом опять бегут в горячую баню». (28).

Стояли во дворах ливенцев и постройки для скота. Все постройки были срубные, из отборного леса. Каменных построек в городе не было. Первое каменное сооружение в Ливнах было заложено в 1692-1693 гг. игуменом Иосифом. Он начал строительство собора Успения

получали имена при крещении и прозвища в первые годы жизни. Иногда прозвище так приживалось, что оставалось на всю жизнь, полностью вытеснив имя. Например, человек, который был зачат в пост, получал обидное прозвище — «постник». В случае, если в семье дети получали одинаковые имена, их, по обычаю, звали «большой», «средний», «младшой». Но большинство прозвищ давалось уже во взрослой жизни.

До 15 лет на мальчика смотрели как на работника, если его отец — крестьянин, мелкий служилый или посадский человек. Если мальчик родился в семье помещика, то он претендовал и на участок земли. В материалах смотра дворян 1622 года за мальчиками-сиротами, потерявшими родителей в Смуту, записывались даже целые поместья и крестьяне, хотя некоторым из них не было и года от роду. Чем были живы эти сироты? За некоторыми, видимо, присматривали местные крестьяне. Но были дети помещиков, которые, по указанию писца, «бродят меж дворы». За ними значились земельные участки, но зачем они детям от 1 до 10 лет? Скорее всего, эти дети жили подаванием и заботой соседей. Государство не списывало их со счетов. В этом случае «бродить меж дворы» может пониматься, как жить чужой милостью, надеждой на добрых людей. И добрые люди находились. Общее число дворянских сирот в 1622 году в Елецком уезде составляло 130 человек. (Были они и в Ливнах — Ю.Б.).

Многим мальчикам с раннего возраста приходилось приобщаться к взрослой жизни. К 15-16 годам сын служилого человека должен был уметь убить неприятеля на военной службе, поскольку этот возраст считался служилым. С 12-13 лет грамотные мальчики могли служить уже в мелких чиновниках. Главное — умение считать. Так, в Ельце в 1615 году служил кабацким целовальником Ермол Стерлигов, которому не было и 15 лет...

На девочку в семье смотрели как на работницу и надеялись скорее выдать замуж. Это «скорей» часто наступало с 13-14 лет, но, в среднем, девочка жила в семье до 16-17 лет. До этого возраста девочка работала по дому. Как и взрослым представительницам женского пола, девочке надлежало заботиться, прежде всего, о скотине. Из документов видно, что скотину, пасущуюся за городом, при нападении крымских татар спешили загонять именно женщины. Часто девочки в таких случаях попадали в «полон»... Поскольку семья в жизни человека играла огромную роль, то брак — это одно из центральных событий его жизни... Свадьба — это целый сложный обряд. Этому свидетельствуют и кабацкие книги. Кабацкое дело, торговля спиртными напитками были монополией государства... Из кабацких книг видно, что в январе начиналась пора свадеб...

Свадьба — событие большого значения, по главное для человека XVII столетия взять в дом женщину, работника, поэтому на свадьбу смотрели скорее как на необходимый обряд. Большое обрядовое значение свадьба имела для женщины, нежели для мужчины. Эта она навсегда покидала родительский дом и приобретала новый социальный статус.

Иногда женщина в семье, если судить по имеющимся документам, вообще представляла собой нечто вроде «вещи», не имеющей никакого права голоса и собственного мнения. Так, конечно, было не везде...

Отношения между мужчиной и женщиной в семье строились в большинстве случаев в пользу мужчины. Но были случаи, когда женщина могла играть в семье большую роль, что можно объяснить особенностями характеров супругов.

Мужчины обычно женились на равных по социальному статусу. Помещик имел отсюда прямую выгоду: получить в приданое часть земель отца невесты. (Но бывало и по другому. Так Пясецкий пишет, что «Иные помещики (ливенские — Ю.Б.), нуждаясь в рабочих руках, выдавали своих дочерей, как говорится, за первого встречного...» (52, с.77).

У женщин имелся и свой праздник: «бабьи каши». Его отмечали 26 декабря. Этот праздник ныне почти забыт населением, и помнят о нем разве что этнографы. Между тем в декабре 1615 года 15 женщин просили разрешения в кабаке «сварить вина» к этому празднику. «Бабьи каши», как праздник, связан с рождением детей. Прежде всего, это праздник молодых девушек и повивальных бабок, а также рожениц. Женщины ходили в этот день к роженицам и повивальным бабкам с угощением и выпивкой.

Совершался специальный обряд, связанный, опять же, с употреблением алкоголя. Женщины, имеющие детей, ходили к повивальным бабкам, приносили вино, пироги, блины и всякую пищу. Подобное посещение и еда с повивальными бабками проходили с вечера до утра. Конечно, это было не просто застолье. Совершался специальный обряд, ритуал, связанный с рождением детей.

В своем быту простонародная жизнь почти не отличалась от царской, только внешне была беднее. Яркий тому пример — празднование «бабьих каш» при царском дворе... Обряд «бабьи каши», безусловно, имеет древние языческие корни. Население, которое проживало на территории Восточной Европы еще в начале I тысячелетия до н.э., использовало горшки с кашей в магических ритуалах, посвященных богам плодородия. Приготовление и поедание каши имело ритуальный характер. В горшках для каши погребали также прах умерших. Веро-

ятно, этот обряд, посвященный плодородию и роженицам, дошел и до XVII века. Как видно из документов, в основном обращались за разрешением изготовить вина или пива к «бабьим кашам» женщины старшего поколения.

Итак, семья в целом, и женщины, и мужчины в этой семье, все представляли собой одну сплоченную группу. Свое место занимали в этой группе и старики. Правда, по нашим подсчетам, в середине XVII века только около 50% семей Ельца имели в своем составе стариков. Причем тут наблюдается явное преобладание женщин над мужчинами. Старики упоминаются в документах редко. В дворянской среде старики уходили со службы часто по причине ранений и увечий. Обязанность содержания стариков лежала на их детях. Указание на это мы встречаем в Соборном Уложении 1648/49 годов как обычную норму права. Дети обязывались кормить отца и снабжать всем необходимым. Но одна из статей Уложения показывает нам, что так было не всегда. В Москву иногда поступали жалобы от отцов, старых служилых людей на своих детей и внуков, которые официально обязывались их содержать. Соборное Уложение по этому поводу пишет: «они их не кормят и ис поместья выбивают, и крестьяном слушати их не велят...». Но на практике такие случаи были редки.

Поскольку состарившийся дворянин переставал служить, а старый крестьянин - работать, государство ими больше не интересовалось. Потому в документах упоминания о них редки...

Большую роль в семье играли отношения между братьями. Сам термин «братия» означал тесные, дружеские связи, принадлежность к чему-либо единому, спланивающему и объединяющему. В документах мы хорошо видим, как помогали братья друг другу, способствовали карьере и ведению хозяйственной деятельности...

В местнических спорах и даже в земельных делах учитывался авторитет клана, семьи, рода. Первое место тут играли мужчины: деды, отцы, дядья, братья. Ярким примером этого являются дворянские роды, сумевшие войти в местную элиту и пробиться на службу в Москву... Семейная сплоченность имела не только практические цели. Для уважаемого человека семья - часть его жизни, предмет гордости и заботы.

Разводы были редкостью и в простонародной среде почти не встречались. Развод воспринимался населением крайне негативно, особенно родственниками и соседями. Это связано, прежде всего, с понятием личного «жребия», т.е. судьбы, данной человеку Богом. Отсюда и семейная жизнь, какой бы нележкой она ни была, воспринималась как жребий...

Прежде всего (при анализе семейного уклада того времени - Ю.Б.),

бросается в глаза семейная сплоченность. Тут за традицией скрывается практический интерес: семья, род, клан помогали выстоять в сложное и нестабильное время, каким и было по преимуществу наше прошлое. В те годы почти не было проявлений индивидуальности, личности, поскольку сама жизнь не позволяла таким явлениям распространяться. Особенно исторического развития, традиции православия, климатические условия - все это способствовало развитию прочных семейных отношений. В результате даже сознание средневекового человека было семейным, родовым. Это психологическая особенность осталась и в дальнейшем. Для русской девушки XVIII-XIX веков главное событие в жизни - брак. Большая половина богатого народного фольклора, так или иначе, связана с браком. Песни, гадания, поверья в народной женской среде всегда имеют целью удачный брак. Девушка, не вышедшая замуж в нужное время, могла стать изгоем и в XIX веке. Об этом нам ярко свидетельствует этнография. Можно указать на богатый этнографический материал, который хранится в Государственном архиве Орловской области. 90% этого материала середины XIX века так или иначе связано с темой брака и семьи». (38, с. 308 - 319)

К этому можно добавить еще некоторые подробности семейного быта в XVI - XVII веках. Мы уже упоминали, что расторжение браков то время было весьма затруднительным. Уже в раннем средневековье развод («распуст») разрешался лишь в исключительных случаях. При этом права супругов были неравны. Муж мог развестись с женой в случае ее измены, причем к измене приравнивалось общение с чужими людьми вне дома без разрешения супруга. В позднем средневековье (с XVI века) развод разрешался с условием пострижения в монахи одного из супругов. Православная церковь разрешала одному лицу вступать в брак не более трех раз. Торжественный обряд венчания совершался, обычно, лишь при первом браке. Четвертый брак категорически запрещался.

Семья, в том числе и средневековая, невозможна без секса. Как же тогда относились к сексу в обществе? Ведь чтобы не говорили моралисты, а сексуальные отношения между мужчиной и женщиной были, есть и будут. Это одна из основ существования человечества. Традиции, в том числе - сексуальные, есть у любого народа. Были они и на Руси.

Сексуальность долгое время (вплоть до XII века) ассоциировалась у наших предков с праздником, смехом, песнопениями и неким музыкальным сопровождением. Так, один из такого рода праздников древних славян - в честь бога жешитьбы Лада - позднее стал днем Ивана Купалы. Трудно даже вообразить сексуальное раздолье в честь бога Лада, если вспомнить, что о куда более пристойном празднике Ивана

Купала в XVII веке православные монахи писали: «Тут же есть мужам и отрокам великое падение на женское и девичье шатание. Тако же и женам мужатым беззаконное осквернение тут же».

По нынешним понятиям это блуд. Особенно строго в этом плане судили женщин. До сих пор не придумали яркого термина для названия любвеобильных мужчин. А для женщин такое понятие - блудница возникло еще в VII веке и означало лишь то, что девушка ищет мужа (блуждает).

С XII по XVII век блудницами считали незамужних девиц, вступавших в интимную связь, и вдов, принимавших у себя мужчин. Но лишь в XVIII веке, благодаря титаническим усилиям церкви, слово блудница стало ругательным, но не оскорбительным, чего очень бы хотела церковь. Соответственно, в языке и в юридической практике степень греховности подразделяли. Блуд — это связь с незамужней женщиной, прелюбодейство — с замужней. Проституток тогда называли срамными девками.

Главную лепту в обуздании «сатанинских страстей» на Руси внесла православная церковь. Церковь запрещала женщинам «возводить брови и краситься, дабы не прельстити человеки во погыбель сласти телесныя». Многочисленные посты и постные дни (среда и пятница) оставляли супругам зазор лишь в 50 сексуальных дней в году. Причем в каждый из тех дней, хотя бы и свадебный (!) — не более одного акта. «Доброй женой» считалась асексуальная супруга, испытывающая отвращение к половой жизни. Во время исповеди каждый должен был отчитаться об интимных делах своих. Попам предписывалось задать мирянам массу вопросов на эту тему.

Примечательна, в частности, и реакция народа на «роль груди на Руси». Церковь во все времена высмеивала и охаивала большую женскую грудь, вплоть до того, что блудниц на иконах писали с лицами страшными и грудями огромными. Люди же на подобное реагировали одинаково — старались брать в жены девок дородных, с бюстом размера седьмого-восьмого. Да и девицы применяли массу ухищрений, чтобы сделать грудь побольше. До наших дней дошел рецепт зелья, который применяли в деревнях Центральной России те, у кого грудь была менее четвертого размера. Три ложки женского молока, ложка меда, ложка растительного масла и кружка отвара мяты перечной. Грудь, говорят, росла, как на дрожжах.

Существовали наказания за нарушения сексуальных правил. За обычное прелюбодейство могли дать до 10 лет каторги обоим, за блуд, как правило, карали 10-15 годами ежедневных покаяний в церкви (то есть человек приходил из дома в храм, вставал на колени и часа два бил

поклоны, прося прощения у Господа). (28, qs.kiev.ua).

Но это отклонения от нормальной жизни. А главной целью тогдашней семейной жизни, да и сейчас является продолжение человеческого рода, своего рода. В семье рано или поздно появлялись дети. Новорожденного ребенка надлежало крестить в церкви на восьмой день после крещения именем святого этого дня. Обряд крещения считался церковью основным, жизненно важным обрядом. Некрещеный не имел никаких прав, даже права на погребение. Ребенка, умершего не крещеным, церковь запрещала хоронить на кладбище. Следующий обряд - «постриги» - проводился год спустя после крещения. В этот день кум или кума (крестные родители) выстригали у ребенка прядь волос и дарили рубль. После пострижек праздновали именины, то есть день того святого, в честь которого был назван человек (позже стал называться «днем ангела»), а не день рождения. Царские именины считались официальным государственным праздником.

Под влиянием церкви было создано и такое своеобразное произведение, регулировавшее семейную жизнь, как «Домострой», окончательная редакция которого принадлежала протопопу Сильвестру. «Домострой» - это кодекс морали и житейских правил, предназначенных для всех слоев городского населения, и не только. Он пронизан проповедями смирения и беспрекословного подчинения властям, а в семье - повиновения домовладыке. Он представлял семью в целом во всех ее внешних функциях. Только он имел право голоса на сходках жителей, в городском вече, позже - в собраниях кончанских и слободских организаций. Внутри семьи власть главы была практически неограниченной. Он распоряжался имуществом и судьбами каждого из его членов. Это касалось даже личной жизни детей, которых он мог выдать замуж или женить против воли. В его власти было даже отдать ребенка в залог за какой-то заем, например, за хлеб, как это было в Ливнах в 1660 году. (РГАДА, ф.210, Белгородский стол, стб. 437, л. 89-92).

Церковь порицала главу семьи только в том случае, если он доводил своих домочадцев при этом до самоубийства. Распоряжения главы семьи должны были выполняться беспрекословно. Он мог применять любые наказания, вплоть до физических. «Домострой» - энциклопедия русского быта XVI века - прямо указывал, что хозяину следует бить в воспитательных целях жену и детей. За неповиновение родителям церковь грозила отлучением. Внутриусадебный семейный быт был долгое время сравнительно замкнутым. Однако простые женщины - крестьянки, посадские вовсе не вели затворнический образ жизни.

Сведений о распорядке дня людей в средневековье осталось немного. Трудовой день в семье начинался рано. Обязательных трапез у простых людей было две - обед и ужин. Основной пищей в XVI - XVII веках оставался хлеб, которого не всегда было вдоволь. Хлеб пекли из мешанной ржаной и овсяной муки, а также и только из овсяной. Из ржаной муки пекли блины, готовили сухари. Очень распространенным видом хлебной пищи были каши (овсяные, гречневые, ячменные, пшеничные), и кисели - гороховый и овсяный. Зерно служило и сырьём для приготовления напитков: кваса, пива, хлебного вина. Ориентировочное представление о количестве потребляемых продуктов жителями Московского государства (княжества) в те времена дает приведенная ниже таблица.

Годовое потребление продовольственных продуктов в год на 1 человека (в кг) в Московском государстве в XV - XVI веках. (50).

Продукты	1446 г.	1533 г.	1555 г.	1583 г.
Хлеб	608	278	368	366
Мясо	104,5	24	25,5	35,5
Рыба	145,5	46	34	34
Соль	11,9	17	19	11
Мясо	104,5	24	25,5	35,5
Рыба	145,5	46	34	34
Соль	11,9	17	19	11

Личная гигиена во время трапезы была не чужда нашим предкам в XVI - XVII веках. Горожане высокого положения «Для утирания носа ... носили платки, которые у зажиточных делались из тафты и отсрочивались золотою бахромою, но их хранили не в карманах, а в шапках, и когда сидели в гостях, то держали в руках шапку, а в ней платок. Впрочем, не считалось неприличным высморкаться и двумя пальцами, даже за столом и потом обтереть руки о скатерть. Простонародие не знало носовых платков вовсе и не предполагало, чтоб они могли быть необходимы». (33, с. 171).

Характерной для XVI - XVII века была традиция послеобеденного отдыха. В соответствии с ней в полдень производственная деятель-

ность прерывалась. После обеда следовал длительный отдых, сон (что весьма поражало иностранцев). Затем вновь начиналась работа до ужина. Вместе с окончанием светового дня все отходили ко сну.

Важным элементом быта во все времена была одежда. Подлинную картину того, как одевались наши предки в XVI - XVII веках, мы можем восстановить в общих чертах, лишь обобщая сведения различных источников - письменных, графических, археологических, музейных, этнографических. Конкретных сведений о том, как одевались ливенцы в то время, не сохранилось, не говоря, тем более, об изображении местной одежды того времени. Совсем невозможно проследить по этим скудным источникам локальные различия в одежде, а они, несомненно, были. Ясно, что костюм ливенцев мало чем отличался от общерусской одежды того времени, тем более, что жителями города были выходцы из разных городов России и Украины.

Русская мужская одежда (по А. Майербергу). 17-й век:

А — боярин в кафтане и горлатной шапке, слуга в зипуне, Б — купец в кафтане, В — мальчик в кафтане, Г — священник в однорядке, Д — дворянин в однорядке. (43, с. 136).

И все же в традиционной одежде преобладали особенности южно-русского костюма. Наиболее древним для этого региона был комплекс одежды с поневою, связанный с южнорусской средой. Он включал длинную холщовую рубаху с косыми полками (т.е. плечевыми вставками трапециевидной формы); поневу — архаичную поясную одежду, в которой несколько продольных полотнищ из домотканой клетчатой шерстяной ткани были частично или полностью сшиты друг с другом (распашная или глухая понева). Рубахи шились из шерстяной ткани

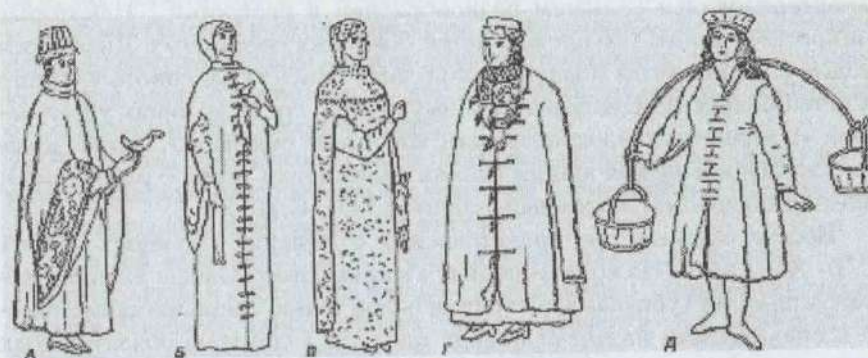
(власяницы) и льняного и конопляного полотна. В XVII веке рубахи носились обязательно с определенными украшениями, которые у богатых и знатных делались из жемчуга, драгоценных камней, золотых и серебряных нитей, а у простонародия, вероятно, красными нитками. Рубахи различались по длине. Короткие рубахи, подол которых доходил примерно до колен, носили крестьяне и городская беднота. Богатые и знатные носили длинные рубахи, доходившие до пят. Штаны были обязательным элементом мужской одежды.

Поверх рубахи и поневы надевали длинный с рукавами или на лямках передник (занавеска, запан) и туникообразный мешковидной формы нагрудник (навершник, шушпан, шушка, носов и др.) с длинными или короткими рукавами, из тонкой домотканой шерсти или холста, подчас богато украшенный ярким орнаментом. Замужние женщины носили сложный, так называемый кичкообразный головной убор, состоявший из кички (волосник, роги) — с твердой основой, нередко в форме рогов, сороки — из ткани, надеваемой на кичку, позатыльника — из ткани или с твердой основой, закрывающего затылок и шею, и множества ярких красочных деталей — разноцветных лент, подвесков из бисера, гаруса, шнурков, птичьих перьев и пуха. Для южнорусского костюма характерна своеобразная яркая, построенная на контрастных сочетаниях цветовая гамма.

Обувь XVII века была весьма разнообразной и по материалам, и по покрою. Сапоги, лапти и чуни составляли основную массу обуви россиян в XVII веке. Мужские головные уборы были достаточно разнообразны, особенно у знати. Наиболее распространенной среди населения, крестьян и горожан, была войлочная шляпа конусообразной формы с округленной вершиной. Широко распространился среди бояр и знати обычай ношения тафьи, маленькой шапочки. Такую шапочку не снимали и дома. А, выходя из дому, на нее надевали высокую «горлатную» меховую шапку — знак боярской спеси и достоинства. Высокие шапки означали знатность рода и сана. Как бы распрекрасно ни оделся посадский, он не имел права надеть высокую шапку, и даже в самих колпаках — обыкновенной народной шапке — высота его соразмерялась с знатностью носившего шапку. По шапке можно было узнавать происхождение и достоинство ее владельца. Скорее всего, из этой традиции ношения головного убора на Руси возникла пословица: по Сеньке шапка.

А что было под шапкой? Русские в то время «...по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже и брили себе головы. Только те, которые теряли родных или попадали в царскую немилость, отращивали на голове волосы в знак печали; без этого все старались

стричься как можно плотнее, и перед каждым большим праздником все считали долгом непременно остричься. Зато все носили бороды, и чем борода была длиннее, тем осанка человека считалась почтеннее и величественнее. Богатый человек холил ее, берег и расчесывал гребешком из слоновой или моржовой кости». (33, с. 171). Внешний вид русских мужчин в XVI-XVII вв. невозможно представить без бороды. «Под влиянием церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человека, и, если у кого от природы не росла борода, к тому имели недоверие и считали его способным на дурное дело. В довершение блеска своих одежд русские украшали уши серьгами или одной серьгой и вешали на шею драгоценные золотые или позолоченные цепи, а к самим цепям прикрепляли кресты, и такие цепи передавались вместе с крестами от родителей к сыновьям как залог благословения». (33, с. 171).

Русская женская одежда. XVII-й век: А — женщина в летнике, Б — в телогрее, В — в накладной шубке, Г — в опашне, Д — девушка в короткой шубке. (43, с.134).

Если отличие в основном мужском одеянии между сословными группами сводилось главным образом к качеству материалов и украшений, то разница в верхней одежде была очень резкой, и, прежде всего по количеству одежд. Чем богаче и знатнее человек, тем больше на нем было платья. С господствующими слоями одинаковы по названию были у простонародья только шубы, однорядки и кафтаны. Но по материалу и украшениям не могло быть никакого сравнения. Среди мужской одежды упомянуты и сарафаны, покроем которых трудно себе представить, но это было просторное длинное платье, так же украшенное вышивкой, обнизями. Конечно, так роскошно одевались лишь во

время парадных выходов, приемов и в других торжественных случаях.

Женщины в Ливнах, скорее всего, носили такую же одежду, как и в других городах России. Как и в мужском costume, рубаха была основной, а часто единственной одеждой женщин в XVI-XVII веке. Но сами рубахи были длинные, до пят покроя женской рубахи нам не известен. Материал, из которого шились женские рубахи - полотно. Но могли быть и шерстяные рубахи. Женские рубахи обязательно украшались.

Конечно, у крестьянок дорогих ожерелий не было, но их могли заменять вышивки, простые бусы, мелкий жемчуг, латунные нашивки. Крестьянки и рядовые горожанки, наверное, носили поневы или подобную одежду под другими названиями.

Как уже было отмечено, Ливны в разное время отстраивали, а затем и служили здесь, москвичи, амчане, новосильцы, рязанцы и выходцы из других городов России. А в начале XVII века в городе поселились черкасы, представители Украины. Поэтому городской костюм в Ливнах характеризовался большим разнообразием и пестротой. Некоторые конкретные данные об одежде детей боярских соседнего с Ливенским уездом Елецкого уезда позволяет получить опись украденного у одного из детей боярских Елецкого уезда имущества, среди которых упоминаются: «...опашень (широкий кафтан с короткими рукавами), летник, красная камчатая женская шапка (камка - китайская ткань с разводами), сапоги сафьяновые, лазоревый зипун». (38, с. С.305).

Весьма общие у нас представления о женских головных уборах XVI-XVII века. На сохранившихся миниатюрах головы женщины покрыты платами (убрусами) - кусками белой ткани, закрывающими голову и спадающими на плечи поверх одежды. Одним из обязательных элементов одежды и одновременно украшением служили пояса. Выйти на улицу без пояса было нельзя.

Следует отметить, что в воскресные дни, особенно в дни больших праздников, в семик и на масленицу все ливенцы гуляли разряженные в лучшие наряды с праздничными украшениями. Каждый хотел показать себя, что он не хуже других.

XVI-XVII вв. и более позднее время можно считать периодом, когда роль металлических наборов украшений постепенно сходит на нет, хотя и не во всех видах. К XVI веку их остается сравнительно немного: перстни, браслеты (запястье), серьги, бусы. Но это не значит, что прежние украшения пропали бесследно. Они продолжали существовать в сильно измененной форме.

Еще некоторые особенности (которые, впрочем касаются высших слоев населения России), внешнего вида женщин того времени отмечает в своем труде заморский путешественник А. Олеарий. «Женщины,

среднего роста, в общем красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах они все румянятся, и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет, брови и ресницы.

Некоторых женщин соседки их или гости их бесед принуждают так накрашиваться (даже несмотря на то, что они от природы красивее, чем их делают румяна), чтобы вид естественной красоты не затмевал искусственной. Нечто подобное произошло в наше время. Знатнейшего вельможи и боярина князя Ивана Борисовича Черкасского супруга, очень красивая лицом, сначала не хотела румяниться. Однако ее стали доносить жены других бояр, зачем она желает относиться с презрением к обычаям и привычкам их страны и позорит других женщин своим образом действий. При помощи мужей своих они добились того, что и этой, от природы прекрасной, женщине пришлось белиться и румяниться и, так сказать, при ясном солнечном дне зажигать свечу.

Так как белиние и румянение происходят открыто, то жених обыкновенно накануне свадьбы, между другими подарками, присылал своей невесте и ящик с румянами — как об этом будет еще рассказано при описании их обыкновенных свадеб.

Женщины скручивают свои волосы под шапками, взрослые же девицы оставляют их сплетенными в косу на спине, привязывая при этом в низу косы красную шелковую кисть.

У детей моложе 10 лет — как девочек, так и мальчиков — они стригут головы и оставляют только с обеих сторон длинные свисающие локоны. Чтобы отличить девочек, они продевают им большие серебряные или медные серьги в уши». (28, А. Олеарий).

Праздники в русском городе XVI-XVII вв. составляли важную сторону общественной и семейной жизни. Крестьяне даже говорили: «Мы целый год трудимся для праздника». Первыми, еще в глубокой древности, возникли праздники, связанные с земледельческим календарем предков восточных славян. Начинаясь в декабре, когда солнце «поворачивается на лето», предвещая скорое пробуждение кормилицы матери-земли от зимнего сна, и заканчиваясь осенью, с завершением уборки урожая, праздники составляли целостный календарный цикл.

В отличие от праздников, появившихся в более поздние времена, они имели преимущественно магический характер. Их цель — обеспечить здоровье людям и лад в семье, хороший урожай полевых и огородных культур, богатый приплод домашней живности. Существенную роль в общественной жизни крестьян и городского населения у

русских, как и у других европейских народов, играли обряды и обычаи, приуроченные к датам христианского календаря и тесно связанные с циклом сельскохозяйственных работ – подготовкой и ожиданием урожая и его уборкой.

В Ливнах, как и в любом другом русском городе, все праздники справлялись из года в год, из века в век в определенном порядке, установленном традицией. Среди них в XVI–XVII вв. был главный праздник, обладавший, с точки зрения крестьян, наибольшей сакральной силой – Пасха. Праздники великие: Рождество, Троица, Масленица, Иванов и Петров дни и малые праздники, еще их называли полупраздники, были связаны с началом разного рода крестьянских работ: первый день сева зерновых, заготовка на зиму капусты и т. п. Особое место в жизни ливенцев занимали престольные праздники городских церквей.

«Если судить по кабацкой книге 1616 года особо почитался в среде уездных помещиков (Елецких – Ю.Б.) праздник Егория Холодного. В кабацких книгах этот праздник – самый популярный среди елецких дворян. Это может быть объяснено значимостью сельского хозяйства в жизни помещиков и крестьян, поскольку святой Егорий – покровитель скота. Значимость скотоводства в Елецком уезде в помещичьей среде была значительной. Может быть предложено и другое объяснение популярности праздника Егория Холодного. Он отмечался в декабре, когда полевые работы были позади, военные действия или смотры зимой проводились крайне редко. (38, 303). Надо думать, что этот праздник пользовался особым вниманием и в Ливнах, т. к., во-первых, Ливенский уезд соседствовал с Елецким уездом и мало чем отличался от него по образу жизни людей его населявших, а, во-вторых, заметная часть ельчан была выходцами из Ливенского уезда.

Егорий Холодный имел еще одно название в народе – Юрьев день. Празднуется он 26 ноября старого стиля В старину к Юрьеву дню был приурочен выход крестьян (перемена владельца) в Судебнике 1497 (неделя до и неделя после Юрьева дня). Судебник 1550 подтвердил это право крестьян. В 1580-е гг. с введением заповедных лет право выхода было отменено (сначала временно), в 1590-е гг. отдельными законодательными актами запрещение распространялось на другие группы зависимого населения, однако акта, отменяющего право выхода единовременно, видимо, не существовало. В Соборном уложении 1649 запрет был подтвержден. События, связанные с правом перехода крестьян от хозяина к хозяину на Егория Холодного, в большой степени определяли популярность этого праздника в народе, в т. ч. и в Ливнах.

К праздникам, не связанным с церковной традицией, относились святки,

Празднование Масленицы.

масленица, заветные праздники – в память о каком-либо городском событии, чаще трагическом, в надежде умиловить природу, божество, а также различные мужские, женские, молодежные праздники.

Праздник прерывал унылые будни и давал возможность ливенцам на время забыть о повседневных заботах. В праздник люди имели возможность достигнуть особого психофизиологического состояния полноты жизни, мироощущения, богоощущения, а также ощущения внутреннего единения друг с другом. Такое философское осознание праздника на бытовом уровне закреплялось в целом ряде правил, которые должен был усвоить человек русского традиционного общества.

Прежде всего, праздник считался обязательным для всех горожан, достигших зрелого возраста. Дети, старики, калеки, старые девы, больные на праздник не допускались, так как одни еще не достигли возраста понимания сакральных ценностей, а другие уже находятся на грани между миром живых и миром мертвых, третьи не исполнили своего предназначения на земле – не вступили в брак.

Праздник предполагал также полную свободу от всякой работы. В этот день запрещалось пахать, косить, жать, шить, убирать избу, колоть дрова, прясть, ткать, то есть выполнять всю повседневную крестьянскую работу. Праздник обязывал людей нарядно одеваться, для разговора выбирать темы приятные, радостные, иначе вести себя: быть веселым, приветливым, гостеприимным.

Характерной чертой праздника было многолюдье. Тихие в будни улицы города заполнялись зваными и незваными гостями — нищими, странниками, богомольцами, каликами перехожими, вожакими с медведями, балаганщиками, расшниками, кукольниками, ярмарочными торговцами, коробейниками. Праздник воспринимался как день преображения города, дома, человека.

Однако форма проведения праздников на Руси, которая сложилась в глубине веков во времена исповедания русскими людьми славянской, ведической веры во многом не устраивала христианскую церковь, набравшую к XVII-му веку силу не только в сфере духовной жизни, но и в государственных, светских делах. В XVII-м веке, особенно после реформ Никона, церковь прежде всего преследовала народные пиры, песни и игрища. «Пьянство, песни и игры бесовские, всевозможные пиршества: тризны, брачные пиры, праздничный разгул, скоморошество, а отсюда вся целиком народная поэзия всегда и церковью, и фольклористами, и историками литературы признавались последним приютом язычества, последним напоминанием о нем и его последним пережитком. Считается, что христианская аскетическая мораль не терпела и не может терпеть всего этого». (4, с.210)

О том, как веселились ливенцы, проводили праздничные дни, какими суевериями руководствовались в повседневной жизни можно узнать из царского указа, направленного в города Белгородского полка, которым принадлежали и Ливны, в 1648 году. «Указ был направлен на искоренение полудязыческих обычаев и верований, всё еще державшихся в среде городского и особенно сельского населения, многие из которых благополучно дожили до наших дней и которые церковь тщетно пыталась искоренить.

В грамоте 1648 года об этих суевериях говорится следующее: «...сходятся многие люди мужесково и женско-во полу по зорям, и в ночи чародействуют, с солнечного восхода первого дни луны смотрят, и в громное громление (в грозу. — В. Н.) на реках и озерах куплются, чают себе от того здоровья, и с серебра умываются, и медведи водят, и с собаки пляшут, зерню (костями), и карты, и шахматы, и лодыгами играют, и безчинное скакание и плесание, и поют бесовские песни; и на Святой недели жонки и девки на досках скачут (на качелях. — В. Н.), а об Рождестве Христове и до Богоявленьева дни сходятся мужесково и женсково полу многие люди в бесовское сонмище по дьявольской прелести, многое бесовское действо играют во всякий бесовския игры; а в навечери Рождества Христова и Васильева дни и Богоявления Господня клочки бесовские клочут — коледу, и таусет (песня-игра — Ю.Б.), и плуту, и многие человецы неразумием веруют в сон, и встречу,

и в полаз, и во птичай грай, и загадки загадывают, и сказки сказывают небыльные, и празнословие с смехотворением и кощунанием, и души свои губят такими помраченными и беззаконными делами»...

Надо сказать, что для появления подобного указа были все основания, другое дело, что ни этот, ни предыдущие, а также все последующие указы так и не смогли искоренить стойко державшиеся народные традиции и суеверия, бравшие начало ещё в дохристианские времена...

Кроме запрещения различных полудязыческих обрядов вроде «волхования над скотом», порицанию в указе 1648 года также подверглись такие популярные в народе развлечения, как гадание, представления скоморохов, поводырей с дрессированными медведями и собаками, катание на досках, веревках (современные «большие шаги») и качелях, особенно любимое девушками (под предлогом, «что с качелей многие убиваются до смерти»), карточные, шашечные и шахматные игры, игры на домбрах, сурнах, гудках и гуслиях «и на всяких гуденных бесовских играх».

Маски скоморохов.
(Кожа). (4).

Указ 1648 года вводил целый комплекс мер по борьбе с «бесовской прелестью». Его предписывалось «множды» зачитывать по торгам, списки с него «слово в слово» рассылались в наиболее крупные села и волости, дабы «сей наш крепкий заказ ведом был всем людям», и никто не смог бы потом отговориться его незнанием. Скоморошья одежды, хари и маски, домбры, гудки, сурны и гусли предписывалось отбирать и жечь, а в отношении людей, замеченных в нарушении указа, воеводам велелось, «где такое безчиние объявится, или кто на кого такое безчиние скажут, и вы б тех велели бить батоги; а которые люди от такова безчиния не отстанут, а вымут такие богомерские игры вдругие, и вы б тех ослушников велели бить батоги; а которые люди от того не отстанут, а объявятся в такой вине в третие и в четвертые, и тех, по нашему указу, велено ссылат в крайные (т. е. пограничные. — В.Н.) города за опалу». (43, с.140-142).

В этом указе как об отступниках от веры, которых «...велено ссы-

лать в украинные города...» говорилось и об играющих в мяч (футбол? – Ю.Б.). А ведь одним из таких украинских городов в то время были и Ливны. И где гарантия, что в Ливны не были сосланы из Москвы ослушники, игравшие в мяч ногами. Поэтому вполне возможно, что первые футболисты появились в Ливнах еще в конце XVII-го века.

Пясецкий отмечает черты быта, характерные для жителей Соснинского бассейна, в т.ч. и для ливенцев: «...равнодушие к возможному комфорту въ домашней жизни и нечистоплотность; известная игра молодых людей „въ горелки» и веселые хороводы на Красной горке („Семикъ») и въ Зеленыя святки (праздникъ Троицы); окупъ женихомъ своей невесты предъ ея родственниками и разные свадебные подарки; угнетенное положение снохъ предъ свекрами и брань „снохачествомъ»; обычай голосить надъ покойниками и поминать ихъ съ обильнымъ употреблениемъ опьяняющихъ напитковъ; разные предрассудки относительно перекрестковъ на дорогахъ (ростыней) и т. п.». (52, с.16)

Конечно, пили спиртные напитки не только на похоронах, но и на праздниках. Был в Ливнах кабацкий двор. (52, с. С.48). И так продолжалось до середины XVII-го века. Гнать вино частным лицам запрещалось, но иногда правительство, учитывая тяжесть службы, разрешало ратным людям выгнать то или иное количество вина самостоятельно по их прошению. Вот и «Ливенские дети боярские, бывшие челом всем городом о восстановлении привилегии «вино курить и пиво варить без явочно и без пошлинно» (1615 г.), писали царю: «А мы, холопы твои, люди одинакие, а места наши украинныя и безпрестанна мы бываем на твоих, государевых, службах и воды пьем из разных стешных рек, и от разных вод нам, холопом твоим чинятца скорби (болезни – В.Н.) и без питья нам, холопом твоим, быть нельзя». Безутешные ливенцы просили: «Вели, Государь, нам вино курить и к Господским праздникам, хто Богу должан, пивка сварить безъявочно и без пошлинно, чтоб нам от скорбей вконец не поги[б]нуть». (43, с.148-149).

«Крестьянские пирушки, даваемые по поводу семейных праздничных торжеств хозяевами, назывались особым пивцом, потому что тогда дозволялось им варить пиво, брагу и мед для домашнего питья. Обыкновенно это позволение делалось четыре раза в год: на Великий день [Христово Воскресение], Дмитриевскую субботу [Поминальная (родительская) суббота отмечалась между 18 и 26 октября], на масленицу и на Рождество Христово или в другой день, вместо какого-нибудь из этих праздников. Право это крестьянин имел на три дня, иногда же и на неделю; сверх того такое же разрешение давалось по поводу крестин и свадеб. Крестьянин должен был каждый раз испрашивать дозволения началь-

ства, и это дозволение давалось с разбором — только лучшим людям. По окончании льготного времени кабацкий голова печатал оставшееся питье до другого праздника». (33, с. 229).

Однако пьянство на Руси в то время было деянием, осуждавшимся подавляющим большинством населения. Недаром на Руси в конце XVII века был учреждён специальный «орден за пьянство» - тяжёлая чугунная плита с железным опшейником. Тем не менее, миф о якобы «традиционном русском пьянстве», испокон веков процветавшем на Руси, существовал с давних пор. Западной периодической печати, особенно любящей муссировать его, пришли на помощь русофобы с учёными степенями, доказывавшие якобы национальную склонность русских людей к спиртным напиткам. Однако на деле пьянка пришла в Россию с «трезвого» Запада.

Литературные памятники донесли до нас невоздержанность в употреблении вина в Древнем Риме. Подробно и живо описаны «лукулловы пиры», на которых в винном угаре тонули и общественная мораль, и общепринятые нормы поведения. «У самых цивилизованных и просвещённых народов очень принято было пить», - вывел в своём трактате о пьянстве Монтень. Нет, не было народа и государства как на западе, так и на востоке, которые не испытывали бы тягу к вину.

Документы свидетельствуют, что пьянство с древнейших времён не являлось прерогативой какой-либо страны, национальности. Сметая на своём пути этнические и государственные границы, оно не обошло ни одну страну, ни один народ. Но повесили ярлык «исторически спивающегося» на русский народ.

Подобные утверждения полностью лишены исторической подоплёки. Как свидетельствуют историки, ни в одном древнерусском письменном памятнике до татаро-монгольского нашествия, т. е. до конца первой трети XIII века, нет ни жалоб на чрезмерное употребление алкоголя, ни упоминания о пьянстве вообще среди нашего народа. Объясняется это довольно просто. До X века русичи не знали пьянящего виноградного вина, варили пиво, изготавливали брагу и квас, медовуху. Эти лёгкие напитки сопровождали застолья и братчины, приносились в качестве угощений на пирах, вызывая у пьющих весёлость, не переходившую в тяжёлое опьянение.

Напротив, в Западной Европе средневековые отмечено повсеместным ростом употребления не только вина и пива, но и крепких спиртных напитков. Уже в XIII веке западный европеец, в отличие от наших предков, не только знал, что такое спирт, джин и другое, но и старательно их употреблял. Разнообразные и дешёвые крепкие напитки триумфально шествовали из дворцов в простой народ через кабаки и торго-

вые лавки. «Германия зачумлена пьянством», - восклицал реформатор церкви Мартин Лютер. «Мои прихожане, - жаловался одновременно с ним английский пастор Уильям Кет, - каждое воскресенье смертельно все пьяны». Общественное сознание тех лет в Англии не осуждало пьянства. Более того, непьющий не считался джентльменом.

В России производство крепких напитков приходится лишь на рубеж XV-XVI веков. Похлебкин В.В. считает, что винокурение, производство хлебного спирта, в России возникло где-то между 1460 и 1500 годом. А создано было хлебное вино в Московском государстве, скорее всего, в самой Москве, в одном из её монастырей. А вначале в России крепкие напитки в виде виноградного спирта попали из Европы и использовались только как лекарство.

В середине XVI века в России появляется кабак - место казённой или откупной продажи спиртных напитков. Уже к первой половине XVII века «царёвы кабаки» как грибы после дождя выросли не только в городах, но и в небольших деревнях. Приходившие туда быстро хмелили. Пожалуй, с этих лет начал формироваться миф о повсеместном пьянстве на Руси, в основе которого лежат свидетельства заезжих иностранцев. Однако это была клевета. Купить водку (хлебное вино), или пиво в XVII-м веке было не так просто, на это надо было иметь разрешение от государства.

Но и в таких условиях церковь увидела вред пьянства для своих прихожан, считая ее одной из причин «душевредства». Так именовал пьянство патриарх Никон, под влиянием которого царь Алексей Михайлович задумал широкую реформу кабацкого дела. С этого времени берут начало попытки государственной регламентации производства алкоголя. В феврале 1652 года были посланы грамоты по городам, которыми объявлялось, что с нового года «в городах кабакам не быть, а быть по одному кружечному двору». Запрещалась торговля вином во время Великого поста и на Святой неделе. Воеводам предписывалось закрывать на это время кабаки. В августе 1652 года был созван «собор о кабаках», на котором предстояло выяснить детали реформы, уже в принципе принятой и осуществлённой в своих основных чертах.

Из постановлений собора особенно важным является ограничение времени торговли вином. Запрещалась его продажа во время постов, по воскресеньям, средам и пятницам. А разрешалась в понедельник, вторник, четверг и субботу только после обедни, то есть после 14 часов, и прекращалась летом - за час «до вечера» (около 17 часов 30 минут), а зимой - «в отдачу часов денных» (около 17 часов). Категорически было запрещено торговать вином ночью. Количество вина, продаваемого одному лицу, было ограничено одной чаркой (после 1652 года чарка содержала

У кабака зимой. Сверчков Н.Е.

в себе около 370 мл вина), в долг и под заклад давать было не велено.

Да и стоила водка в России дороже, дороже, чем в Европе. И это сдерживало её массовое употребление. В конце XIX века наша страна по потреблению спирта была на девятом месте, пропустив далеко вперёд Францию, Швецию, Данию, Голландию, Германию и других.

Один из виднейших специалистов в этой области тех времён Н. О. Осипов писал, что «Россию по количеству алкоголя можно было бы причислить к самым трезвым странам Европы». Русский крестьянин имел возможность пить лишь несколько десятков дней в году - по престольным праздникам, на пасху, масленицу, на свадьбах и базарах. Всё остальное время он тяжело работал, отвоевывая у земли в суровых условиях нашего климата хлеб свой насущный. Крестьянский труд не терпел ни двух, ни трёх каждодневных рюмок.

Одним из распространенных массовых развлечений во время праздников на Руси в те годы был кулачный бой. Кулачные бои на Руси представляли своеобразное явление, распространенное в то время повсеместно. Как было замечено, кулачные бои существуют у нас с незапамятных времен. В летописи под 1068 годом говорится: «Себо не погански ли живемь... нравы всяческими льстими, превабляеми оть

Бога, трубами и скоморохи, и гуслими, и русалы; видимъ бо игрища уточена, и людей много множество, яко упихати другъ друга деюще от беса замышленого дела.» В обширном исследовании В. Жмакина: «Митрополит Даниил и его сочинения» (1515 - 1539), между прочим, говорится: «Одним из народных увеселений русскаго общества XVI в. служили кулачные бои». Кулачные бои происходили почти исключительно зимою, и преимущественно на масляной, великим постом и по воскресеньям.

Это была не драка, ссора, вражда или что-либо подобное, а нечто вроде игрища. Между тем удары наносились серьезно, причиняли ушибы и даже смерть. Для кулачного боя в Ливнах зимой под вечер, в праздники (на Масленицу, например) по составленным заранее условиям, собирались на реке Сосне выше моста, соединявшего город и Беломестную слободу, множество ливенцев, преимущественно из простого люда.

Кулачный бой на старинном рисунке.

Местные власти смотрели на этот дикий обычай сквозь пальцы. По берегам реки Сосны теснились огромные толпы зрителей разного сословия. Среди народа ходили торговцы различной снедью: гречневиками, пшеничками, пряниками и напитками. Вся эта картина представляла грандиозное народное гуляние с турниром среди кулачных бойцов.

Договаривались о правилах состязания. Общий уговор - не бить по голове, особливо в лицо и лежащего, руки иметь в рукавицах и ни под каким видом не класть в них какой-нибудь тяжелой вещи. Сначала пускали вперед как бы застрельщиков, мальчишек. За ними мало-помалу группировались более взрослые, но главная партия противников оставалась в резерве, особенно известные по своей силе и искусству бойцы.

Документов русского происхождения о процессе воцерковления на Руси в XVII веке практически не сохранилось, а иностранные источники рисуют порой противоположные картины церковной жизни на Руси в XVII веке.

После каждого, в особенности очень многолюдного, боя, непременно были тяжело побитые, увечные и даже убитые. На утоптанном снегу, по льду реки, оставались лежавшие без движения тела, товарищи убирали их и уносили с собою, или вмешивалась... власть. Жертвы невольного, случайного изувечения не могли бы даже указать виновного, если это не было делом мести, вражды... Да и как уберечься, когда в разгаре страсти, в толпе, наносимый удар приходится неумышленно по такой части тела, что причиняет вред, или даже смерть.

Победителей, по окончании боя, продолжавшегося иногда и час и два, с триумфом вели на угощенье. (57).

Кроме того, молодые люди «...в праздники — боролись, бегали взапуски, скакали на лошадях вперегонки, метали копьем в кольцо, положенное на земле, стреляли из луков в войлочные цели и в поставленные шапки. В этих играх победители получали награды и выигрывали zakлады. Вероятно, в старину существовал обычай увенчивать удалых и ловких, как это показывает старинная поговорка: «Без борца нет венца»». (33, с. 235).

Вера русских людей в XVII веке, веке перелома, претерпела ряд изменений, важнейшие из которых были связаны с реформой Никона. Как и предшествующие времена на Руси в XVII веке влияние язычества, исконной славянской веры, оставалось сильным, что заставляло церковные власти ужесточать требования к поведению русских людей в соответствии с требованиями иудо-христианской веры, веками насаждавшейся на Руси. Светские и церковные власти пытались повысить степень воцерковленности русского народа в XVII веке, а сам народ не хотел расставаться с традициями своих предков. Как выразился Костомаров: «Православная набожность хотела всю Русь обратить в большой монастырь. Однако русский народ постоянно соблазнялся запрещенным плодом..., славянская натура вырывалась из византийской рамки, в которую ее старались заключить». (33, с. 233).

Вот какой увидел эту жизнь Павел Алеппский, посетивший нашу страну на пике её благочестия в середине XVII века во времена реформ патриарха Никона:

«Затем мы вступили, читатель, во вторые врата борьбы, пота, трудов и пощения, ибо все в этой стране, от мирян до монахов, едят только раз в день, хотя бы это было летом, и выходят от церковных служб всегда

не ранее, как около восьмого часа (около 2 ч. пополудни)... Во всех церквях их совершенно нет сидений. После обедни читают девятый час, причем все миряне стоят, как статуи, молча, тихо, делая беспрерывно земные поклоны, ибо они привычны к этому, не скучают и не роняют. Находясь среди них, мы приходили в изумление. Мы выходили из церкви, едва волоча ноги от усталости и беспрерывного стояния без отдыха и покоя. За утренней службой непременно читают каждый день три анагносис, то есть чтения из толкований на Евангелие, и иное из Патерика. Точно так же вечером после повечерия читают канон кафимеринос (ежедневный). Поста до девятого часа (за 3 часа до заката солнца) они не знают, ибо во все праздники, как большие, так и малые, они и без того постятся до после девятого часа.

Что касается нас, то, как нам советовали, учили и предостерегали нас друзья, которые уже бывали в этой стране и знали, каков нрав у жителей, мы волей-неволей к ним приноравливались и что они делали, тому подражали и мы. Сведущие люди нам говорили, что если кто желает сократить свою жизнь на пятнадцать лет, пусть едет в страну москвитов и живет среди них как подвижник, являя постоянное воздержание и пощение, занимаясь чтением (молить) и вставая в полночь. Он должен упразднить шутки, смех и развязанность и отказаться от употребления опиума, ибо москвиты ставят надсмотрщиков при архиереях и при монастырях и подсматривают за всеми, сюда приезжающими, ночью и денно, сквозь дверные щели, наблюдая, упражняются ли они непрестанно в смирении, молчании, посте и молитве, или же пьянствуют, забавляются игрой, шутят, насмеваются или бранятся. Поэтому мы строго следили за собой не по доброй воле, а по нужде, и против желания вели себя по образу жизни святых. Если бы у греков была такая же строгость, как у москвитов, то они и до сих пор сохраняли бы свое владычество». (28).

Из описания Павла видно, что церковная жизнь русских отличалась особой строгостью. В Ливенском уезде, как, впрочем, и вообще на Руси, народ всегда выражал свою приверженность православно́й вере в преданности к храмам Божьим. «Из переписных книг этого времени видно, что где скоплялось несколько десятков жилых дворов, там появлялся уже и погост с церковью или, по крайней мере, часовнею...

Уездные церкви были вообще весьма бедны. Построенные клетчки, они снаружи отличались от обыкновенного жилого дома только приподнятою кровлею (на подобие клетки), а внутри имели вид молельных домов. Весь иконостас их состоял иногда из двух икон...» (52, с. 151-153).

В некоторых ливенских церквях имелись книги богослужебного содержания, по которым учились читать в основном священники. Особен

ную роль в распространении грамотности в Ливнах и уезде играл Сергиевский монастырь, в котором чтению и письму обучали детей. Именно здесь в начале XVIII века возникла первая школа для детей духовенства в форме духовного училища.

Духовенство города и уезда в XVII веке внесло большой вклад и освоение степи для земледелия. Именно здесь были сосредоточена основная рабочая сила, в т.ч. монастырские крестьяне, которые имели возможность относительно спокойно в условиях постоянных татарских набегов обрабатывать землю и расширять пашню за счет пустошей. Все это вызывало у Ливенцев дополнительное уважение и к церкви, и к вере.

Однако посещавшие в те же времена другие иностранные путешественники видели несколько другое отношение русских людей к вере и церковным обрядам. Например, Адам Олеарий пишет о далеко неблагоприятных обычаях русских браниться, обвиняет их в содомском грехе и грехе прелюбодеяния.

Путешественник Герберштейн рассказывает, что простые люди на Руси часто не ходили на исповедь по предрассудку. «Хотя исповедь полагается по их уставу, однако простой народ думает, что это дело князей и что она преимущественно приличествует знатым господам и более именитым мужам».

Русские редко исповедовались и причащались, даже люди набожные ограничивались исполнением этих важных обрядов только однажды в год — в великую четырехдесятницу. Другие не исповедовались и не подходили к святым дарам по нескольку лет. Причем исповедь для толпы не имела своего высокого значения, пишет Костомаров, многие, чтоб избежать духовного наказания от священников, утаивали свои согрешения и после даже хвалились этим, говоря с насмешкою: «что мы за дураки такие, что станем попу сознаваться».

В сознании простого народа продолжали существовать различные верования, выбить которые у них из головы церковь не смогла и до сих пор. А в те времена они были еще достаточно сильны и оказывали заметное влияние на повседневную жизнь народа.

Купальское празднование, жжение соломы и призывание мертвых, поклонение роду и рожаницам, моление деревьям и камням с жертвоприношением и многое другое занимали видное место в быту россиян.

Издавна простые люди искали в окружающих его природных явлениях таинственный смысл, полагая, что они несомненно влияют на их жизнь, определяя в будущем события, которые появляются в их жизни. «Можно сказать, что жизнь каждого русского, по мере большей или меньшей личной склонности к мистической созерцательности, вся была управляема приметами. Предвещательность и знаменательность явле-

ний для него была так широко развита, что обратилась в систему». (33, с. 275).

О верованиях народа в былые времена написано много. Обобщены верования, существовавшие в России в XVI - XVIII веках и, в какой-то степени, сохранившиеся и по сей день. Однако в разных местах эти верования имели свои особенности. Сохранилось, к счастью, описание верований жителей Ливенского уезда. О них мы можем узнать из статьи П. Юшина «Верования русского народа в Ливенском уезде Орловской губернии», которая была опубликована в журнале «Этнографическое обозрение» в 1901 году. Эти верования касались толкования различных природных явлений, веры в нечистую силу, колдунов и знахарей.

Издавна люди пытались толковать природные явления, которые они не могли никак объяснить, исходя из запаса своих познаний. Среди простых ливенцев тоже существовали свои поверья по поводу различных видимых природных явлений. Издавна людей волновало появление на небосводе комет. Они пытались понять природу этого загадочного природного явления. У ливенцев было свое объяснение природы комет. Они считали, что кометы есть творение дьявола, но в тоже время являются живыми существами: «змеями или нечистыми». Со временем, по мнению ливенцев, кометы превращаются в мужчин и живут с женщинами.

Падение звезд, как считали ливенцы, знаменует смерть человека. Поэтому, увидев падающую звезду, они не спешили загадывать желание, как это делают современные жители Ливен, а быстро крестились и говорили «царство небесное».

Давали свое объяснение ливенцы и радуге, считая ее насосом для воды. А действовал он просто. Радуга, опускаясь своими концами в моря, вбирает в себя воду и из-за этого на землю проливается дождь.

Северное сияние ливенцы в те времена считали плохим предзнаменованием. После появления его на небе ожидали: «кровопролитную войну, землетрясение и другие ужасные бедствия». Солнечное затмение ливенцы принимали за наказание Господне. А когда происходило полное солнечное затмение, зажигали перед иконами свечи и молили Бога о прощении за грехи свои.

Своеобразно толковали ливенцы сущность грозы. Они полагали, что в небесах на огненной колеснице ездит Илья-пророк, преследуя бесов и убивая их стрелами (стрелами тогда называли гольшики, похожие на оселок – примечание П. Юшина). От езды колесницы пророка по небесному своду происходит гром. Спасаясь от преследования Ильи-пророка, бесы пытаются спрятаться в щели трещины, вследствие чего возникает блеск молнии.

Во время сильной грозы на ливенцев нападал сильный страх. Они запирали окна и двери, затыкали видимые щели, прикрывали посуду и крестились, ограждая себя этим действием от приближения бесов, разбегавшихся от Ильи-пророка. С грозой были связаны и другие поверья. Так людей, убитых молнией, считали великими грешниками. Ливенцы полагали, что пожар, зажженный молнией тушить нельзя, т.к. от тушения этот пожар будет только усиливаться. А вот сразу после первой весенней грозы ливенцы спешили умыться водой, уверенные в целительной силе воды после первой грозы.

Ливенцы, как и все русские люди в то время считали, что вокруг них, в лесах, полях, болотах и даже домах расселились нечистые духи, нечистая сила, которая воплощена в леших, русалок, водяных и других омерзительных существах.

Лешие по представлению ливенцев водились в лесах и имели облик человека, но обладали огромными размерами. Они достигали десятиаршинного роста, были одеты в белые одежды, но вблизи разглядеть леших было невозможно. Лешие сбивали путников ночью с дороги, однако с «первыми петухами» они исчезали неизвестно куда, а заблудившийся легко находил дорогу. В лесах, кроме леших, водились русалки в облике прекрасных девушек. Считали, что русалки были обыкновенными деревенскими

деревенскими девушками, пропавшими в свое время без вести по причине проклятия их своими матерями. Русалки нападали на путника в лесу и могли защекотать его до смерти. Нечистую силу в реках олицетворяли водяные. Они были, по представлению ливенцев, похожи на чертей и могли запросто утопить человека, особенно в полдень или ночью. Поэтому многие ливенцы в одиночку купаться в речке и прудах боялись, а ходили на купание гурьбой.

Заметное место в жиз-

Водяной

Приход колдуна на крестьянскую свадьбу. Максимов В.М.

ни людей того времени занимали ведуны и ведуньи. Так называли лиц обоюбого пола, обладавших способностью управлять обстоятельствами человеческой жизни. Они, по мнению людей, могли помочь в разрешении тех или иных житейских ситуаций. В ливенских краях их называли колдунами и ведьмяками. Считали, что колдуны общаются с нечистой силой и благодаря этим контактам причиняют вред людям. Колдуны делились в народном сознании на колдунов по профессии и природных колдунов, которых и называли ведьмяками. Колдуном мог стать при желании любой человек. Для этого, как считали ливенцы, он должен был ночью выйти за населенный пункт и стать на пересечении полевых дорог, где нечистая сила входит в сношение с этим человеком, а тот превращается с этого времени в колдуна. Ведьмаки обладают способностью к колдовству от природы, по рождению. Они служили для простого народа знахарями и «лечейками». Эти колдуны и колдуньи, по мнению ливенцев, могли лечить от болезней людей и скотину, разыскать воров. Простые ливенцы обращались к знахарям по нескольку раз в году.

Одной из разновидностей ведуний были «лечейки». Они лечили больных при помощи кремешков, которые назывались «стрелками», и воды. Громовые стрелки, то есть камешки наподобие стрел, которые по

мнению людей падали с неба во время грозы, а поэтому считались целебными, служили у «лечеек» средством при избавлении от многих болезней. «Лечейка, когда приходят больные, черпает кружку холодной воды и кладет в нее стрелки, потом молится Богу и читает молитвы. Затем он набирает из кружки воды в рот и ею брызгает больного, потом уже дает из кружки же пить больному. Наконец, он вынимает из кружки стрелки и делает ими крестообразные уколы на теле больного». (66, с.166). «...Церковь преследовала их, как и всякие другого рода средства. «Стрелки, топоры громовные - нечестивая, богомерзкая вещь; аще недуги и подсывания и огненные болести лечит, аще и бесы изгоняет, и знамения творит - проклята есть, и ти исцеляема ею». (33, с.284).

В XVII веке повсеместно преследовали ведунов, ведуний, колдунов и ведьмаков. Сажали их под стражу, заточали в монастырь, сжигали на кострах. Благочестивые люди брезговали услугами ведунов, уповая только на молитву, и искали помощи в религиозных обрядах. Но люди оставались людьми, и обращались в безвыходных ситуациях к колдовству. «Вообще преследовавшие чародейство, как зло, часто уступали всеобщему суеверию и обращались к нему за помощью. Сам благочестивый царь Алексей Михайлович, столь преследовавший ведовство, как богопротивное дело, в 1650 году приказывал стольнику Матюшкину высылать крестьян в Купальскую ночь искать сераборинного цвета, инпериковой и мятной трав и дягилю, а перед концом своей жизни, в 1675 году, приказывал воеводам в Сибири, которая по своей отдаленности представлялась в народном воображении страной таинственных сил и чудес, собирать знахарей, узнавать от них о травах и сами травы присылать в Москву». (33, с. 290).

Ливенцы верили, что колдуны свою жизнь заканчивают в муках: «мечутся во все стороны, сами себя дерут за волосы и т.п.». После смерти колдуна многие крестьяне некоторое время боялись даже выходить из дома, особенно ночью, потому что колдун поднимается из могилы и ходит. Конечно, были у ливенцев и какие-то другие поверья, характерные для России тех времен, но описанные выше были для них наиболее характерными.

Тем не менее, православная вера господствовала над сознанием большинства жителей России. Мы уже говорили, и это факт, христианизация Руси шла от верхних слоев в низы, но после XVII столетия носителями идеалов Святой Руси все больше становится крестьянство. От святости избранных постепенно совершается переход к религиозности масс. Однако низкий уровень религиозного образования среди мирян постепенно привел к преобладанию ритуализма. Страх осквернения церковного устава стал преобладать над церковным знанием. Такое положение сохранилось и до сих пор.

Заключение

Нет на карте России городов, историю которых можно было бы отделить от истории всей страны. Однако каждый город вошел в историю своего государства со своей судьбой, со своими особенностями развития и становления. Наш город в этом смысле не является исключением. Более того, история древних Ливен до сих пор полна неопределенностей и спорных моментов. Часть из них, касающихся возрождения и становления Ливен в XVI - XVII веках, автор попытался прояснить.

Одним из спорных моментов в истории возрождения Ливен в XVI веке является дата его возрождения. Нет сомнения, что основание Ливен в конце XVI века «на Сосне усть Ливны», стало возможным благодаря освоению Московским государством южных земель, которые в то время были по факту ничейными, никто: ни татары, ни литовцы, ни москвиты, эти земли, расположенные сейчас в Центре России, надежно не контролировали. А земли эти благодатные, богатые.

Московское государство в конце XVI века начало целенаправленную деятельность по колонизации южных земель. Начали ставить на южных рубежах государства города, которые и должны были, в конце концов, обеспечить закрепление южных земель за Московским государством. Среди таких городов были и Ливны.

Анализ имеющихся исторических документов позволяет теперь с уверенностью утверждать, что Ливны, как населенный пункт, были возрождены на слиянии рек Ливна и Сосна в 1571 году, когда здесь была размещена сторожа и осуществлена первая в истории Московского государства маркировка южной границы. В 1575 году сторожа была преобразована в город, и эту дату следует считать датой возрождения, основания, новых Ливен как города. В 1585 году, видимо, был принят царский указ о реконструкции и укреплению крепости Ливны, в связи с приданием ему более важной роли в охране южных границ Московского государства. Однако найти этот указ до сих пор не удалось. Остались записи по этому поводу в других документах, важнейшими из которых являются Разрядные книги. Они и позволяют обосновать достоверность упомянутых выше дат в истории Ливен. А 1586 год, который до сих пор полагается официальным годом основания новых Ливен, следует считать не днем рождения города Ливны, а лишь первым годом появления Ливенских сторож, которые ставились и контролировались ливенским воеводой.

Становление Ливен в конце XVI начале XVII веков происходило в сложных социально-политических условиях. В этот период Россию потрясли бурные события, которые иностранцы-современники называли «московской трагедией», а русские кратко и выразительно «смутой». В них замысловато переплелись борьба за власть, гражданская война, иностранная интервенция и освободительная борьба с ней на фоне непрерывных набегов крымчан на земли Московского государства. Пути этих нападений на Россию долгие годы непременно проходили по территории Ливенского края.

Борьба с татарами пронизывала всю жизнь, быт населения. Постоянная угроза грабежа, чужеземного плена, гибели висела над тысячами семей мелких служилых людей и крестьян Ливенского уезда, единственной защитой для которых был город Ливны. Борьба с татарами была, в полном смысле слова, вопросом жизни и смерти для населения Ливенского края.

В 1611 году Ливны стали уездным городом. Ливенский уезд делился на 4 стана: Красный, Серболов, Мокрецкий и Затруцкий. Первые три стана названы по имени лесов, и это весьма характерно. Многие села Ливенского уезда находились около небольших лесов (больших лесов здесь не было), которые все же давали возможность населению скрываться во время татарских набегов. Села и деревни Красного стана располагались к северу от г. Ливны на речках Лесной и Полевой Ливнах, а также на их притоках — у Красного леса. Серболов стан находился восточнее, занимая угол, образованный р. Быстрой Сосной и ее притоком Большой Чернавой. Мокрецкий стан был отделен от города и первых двух станов Муравской дорогой. Его села и деревни располагались на берегах реки Тим. Затруцкий стан был самым обширным, в него входили села и деревни, находившиеся к западу от города, за рекой Труды. Между немногочисленными поселениями этого стана, располагавшимися по верховьям Быстрой Сосны, рекам Хвошне (Фошне), Трудам, Куначу, оставались еще обширные территории «дикого поля». В начале 30-х годов XVII в. Ливенский уезд подвергся опустошительным татарским набегам. Это чувствуется при сравнении описаний уезда 1620 и 1646 гг. По переписной книге 1646 г. видно значительное уменьшение количества помещиков и крестьян в уезде по сравнению с 1620 г.; почти во всех селах и деревнях населения стало меньше, хотя полностью запустело лишь несколько деревень.

Черной полосой в череде этих лет стал 1632 год, в котором потери Ливенского уезда убитыми и пленными составили половину всех потерь на Юге России. Но ливенские служилые люди не сдавались, не отступили, а, наоборот, отражая татарские набеги, продолжали трудиться,

осваивать новые территории. Действительно, как образно заметил академик М. Н. Тихомиров, «есть что-то... чудесное в заселении обширных южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар».

Но эти чудеса творили люди. Поистине героическими были действия ливенцев в бою с многотысячным татарским войском в 1632 году под Савиновой дубравой. Здесь сложили головы сотни ливенских служилых людей во главе с воеводой Гриневым, погиб весь цвет Ливенского дворянства. Следует отметить, что вообще становление и развитие Ливен и уезда в конце XVI - XVII веках, было обеспечено в основном усилиями ливенских служилых людей, ливенских дворян.

Свой вклад в освоение южных земель Московского государства ливенцы внесли не только на полях сражений. Они приняли активное участие в строительстве новых городов на юге России и становлении этих городов. Ливенцы строили и заселяли Елец, города Белгородской засечной черты, внесли большой вклад в создание Белгородского полка.

Переход жителей Ливенского края к мирной жизни происходит в 70–80-х годах XVII века после крымских походов князя В.В.Голицына, когда угроза татарских погромов была снята. Как раз в 1678 году была составлена очередная переписная книга по Ливнам и Ливенскому уезду, из которой следовало, что в Ливнах на службе у царя числилось 2569 человек, а все мужское население Ливенского уезда насчитывало 5213 человек. Учитывая другие сословия и лиц женского пола, в ливенском уезде проживало в конце 17-го столетия не менее 11000 человек, а население самого города превысило 2000 человек.

Тем не менее, Ливны и Ливенский уезд, понесшие наибольшие потери из всех южных уездов в годы военного противостояния с крымчанами, имели значительно меньшее население, чем соседние Орел и Орловский уезд, Елец и Елецкий уезд, что, несомненно, сказалось на дальнейшем развитии Ливенского края.

В 1681 году Ливны потеряли значение пограничной крепости и стали рядовым городом Центральной России. По берегам Сосны и вокруг города шло усиленное заселение земель жителями центральных районов государства, а также беженцами с Украины.

За весь XVII-й век жертвы, которые принесло население Ливен и Ливенского уезда на алтарь централизованного русского государства, поражают своими размерами. Количество ливенцев, участвовавших в различных сражениях XVII-го века и погибших за Родину исчисляются тысячами. В иные годы в боях с врагами погибало и оказывалось в плену более половины всего населения города Ливны. А что такое потеря тысячи человек в год в то время, когда все население Московс-

кого государства не превышало 7 млн. человек? Она равносильна всему количеству погибших ливенцев за все годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов.

Поэтому подвиг ливенцев, совершенный ими в XVII-ом столетии во благо нашей Родины, и сегодня стоит в одном ряду с другими событиями, являющимися гордостью российского воинства. Этот вклад ливенцев в становление российского государства по праву следует считать выдающимся.

Приложение 1.

БОЯРСКИЙ ПРИГОВОР О СТАНИЧНОЙ И СТОРОЖЕВОЙ СЛУЖБЕ 1571 г.

Лета 7079 февраля в 16 день по государеву, цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси приказу, боярин, князь Михаило Иванович Воротынский приговорил с детьми боярскими, с станичными головами и с станичниками о путивльских, и о тульских, и о рязанских, и о мещерских станицах, и о всех украинских, и о дальних, и о ближних, и о месячных сторожах, и о сторожах из которого города [65] и которому урочищу станичником податнее и прибыльнее ездити, и на которых сторожах и из которых городов и по кольку человек сторожей на которой стороже ставити, которые б сторожи были усторожливы от крымские и ногайские стороны, где б было государеву делу прибыльнее и государевым украинам было бережнее, чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили, а станичником бы к своим урочищам ездити и сторожам на сторожах стояти в тех местах, которые б места были усторожливы, где бы им воинских людей мочно устеречь. А стояти сторожем на сторожах с конь не сседая, переменяясь и ездити по урочищам, переменяясь же, на право и на лево по два человека по наказам, каковы им наказы дадут воеводы. А станов им не делати, а огни класти не в одном месте; коли кашу сварити, и тогда огня в одном месте не класти двожды; а в коем месте кто полднил, и в том месте не почевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдневати. А в лесах им не ставитца, а ставитца им в таких местах, где бы было усторожливо. А где которые станичники или сторожи воинских людей подстерегут, и станичником с теми вестми посылати в государевы в украинные города, в которых ближе, своих товарищей, а самим сзади людей на сакмы ездити и по сакмом (Сакма — здесь тропа, след по траве) и по станом людей исмечати, а ездив по сакмом и сметав людей, да с теми вестми и в

другой отослать ж своих товарищей в те же города, в которые ближе, а велети ехать, покиня тех людей вправо или влево, которыми дорогами поближе, чтоб перед воинскими людьми в государевы украинные города весть была ранее, не близко перед ними. А которые головы и сторожи у них на праве или на леве стоять, и им к тем головам и к сторожем с вестью от себя отсылать ж.

А будет пойдут царь или царевич или многие воинские люди, и им к тем головам и сторожем потому же отсылать, а велети им ехать на то же сакму и сниматься с собою часа того. А будет головы или сторожи к ним вскоре не сойдутца, и им ехать самим по сакме по наказу, не мешкая, а голов и сторожей не дожидаться. А опосле тех обысок, переехав по сакме дни два, или три, или больше или меньше, посмотря по делу и по их ходу, и сметя по станом и по сакме гораздо, потому же отсылать на спех, а самим им ехать за людьми сакмою, или где и не сакмою, которыми места пригоже, покиня сакму по праву или по леву, и ездити бережно и усторожливо и того беречи накрепко; на которые государевы украинные воинские люди пойдут, и им про то розведав гораздо, самим с вестми с подлинными спешити к тем городом, на которые места воинские люди пойдут. А которые станичники подозреят людей на дальних урочищах, и им чинити отсылки три или четыре, или сколько будет пригоже, посмотря по людям и по делу, от которых мест пригоже, а не от одного места, к которым украиннам ближе, а не к Путивлю и не к Рыльску, чтоб проведав подлинно про люди, на которые места придут, самим с подлинными вестми спешити наскоро в те же города, на которые места они пойдут. А сторожем, подозрев людей, отсылать с вестми своих товарищей в те города, из которого города кто на которую сторожу ездит, [66] а достольным сторожем ездити на сакмы и сакмы переезжати и люди исмечати, а сметив людей, спешити в те города, к которой украинне те воинские люди пойдут. А не быв на сакме и не сметив людей и не доведовся допрямо, на которые места воинские люди пойдут, станичником и сторожем с ложными вестми не ездити и не дождався на сторожах сторожем себе перемены со сторож не съезжати. А которые сторожи, не дождався себе отмены, с сторожи съедут, а в те поры государевым украиннам от воинских людей учинитца война, и тем сторожем от государя, царя и великого князя быти казненным смертью. А которые сторожи на сторожах лишние дни за сроком перестоят, а их товарищи на обмену в те дни к ним не приедут, и на тех сторожах за послушание имати тем сторожем, которые за них через свой срок лишние дни перестоят, по полуполтине на человека на день. А которых станичников или сторожей воеводы или головы кого пошлют дозирати на урочищах и на сторожах, а изъедут, что они стоят небережно и неусто-

рожливо и до урочищ не доезжают, а хотя приходу воинских людей и не будет, и тех станичников и сторожей за то бити кнутьем. А которым воеводам и которых городов или головам те сторожи будут приказаны, и тем воеводам и головам над сторожами того смотрити накрепко, чтоб у сторожей лошади были добры и ездили бы на сторожи, на которых стеречи, о дву конь, на которых бы лошадях мочно, видел людей, уехать, а на худых лошадях однолично на сторожи не отпущати. А у которых сторожей не будет добрых лошадей, и воеводам и головам на сторожах лошади добрые доправити, на которых было лошадей на сторожи ездити было безстрашно, чтоб государские украинные безвестны от них не были. А которых станичников или сторожей воеводы или головы станут отпущати в станицы и на сторожи, и воеводам и головам наказывати станичников и сторожей накрепко о всем по наказу, а коней у них смотреть, чтоб у них единолично лошади были добрые; а у кого будут лошади худы, а случитца посылка скорая, и под тех сторожей воеводам и головам тотчас велети доправити лошади на головах на их, а будет надобет вскоре, а доправити будет на них неколи, и воеводам велети имати лошади добрые под те сторожи у их голов, а не будет у тех голов столько лошадей, что дати под сторожи, и воеводам имати, оценя, лошади добрые у полчан своих, да на тех лошадей посылати на сторожи сторожей, а имати на головах на те лошади найму на всякую лошадь по четыре алтыни с деньгою на день, да те деньги отдавати тем людям, у которых лошади поемлют. А который сторож у кого лошадь потеряет или испортит, и за те лошади денги по цене доправити на сторожевых головах, да отдавати тем детям боярским, чью лошадь потеряют или испортят.

А ездити станицам из Путивля или из Рыльска, откуда присмотрят, по сей росписи:

Первой станице ехать на поле с весны, апреля месяца в 1 день. Другой станице ехать апреля в 15 день; третьей станице ехать мая в 1 день; четвертой станице ехать мая в 15 день; пятой станице ехать июня в 1 день; шестой станице ехать июня в 15 день; седьмой станице ехать июля в 1 день; осмой станице ехать июля в 15 день. А вдругоряд ехать первой станице августа в 1 день; а другой станице ехать августа в 15 день; третьей станице ехать сентября в 1 день; [67] четвертой станице ехать сентября в 15 день; пятой станице ехать октября в 1 день; шестой станице ехать октября в 1 день; седьмой станице ехать ноября в 1 день; осмой станице ехать ноября в 15 день. А будет надобет еще ездити станицам, будет еще снега не укинут, и станичников посылати потому же расчитывая. А посылати по две станицы на месяц, меж станиц пропускати по две недели со днем. А которые станицы в

осень опосле съездят, и на весне отпуцати которым станицам доведетца было ехать по сей росписи; а дважды одно станицу перед иными не посылати: как взойдет ряд всех станиц, и опять посылати рядом, почина с первой же. А приезжати станицам в Путивль или в Рыльск, откуда государь велит ездити до своего сроку за две недели, и быти ему до своей посылки в том городе однолично на готове.

А печто которую станицу разгонят, и на тое место станицу посылати, которой за которую доведетца рядом по росписи ехать, а по иные станицы тотчас грамоты послати и сроки им потому же росписати с которого числа доведетца, рассуждая и расчитая, которой станице с которого дни доведется ехать. А с Москвы от царя государя и великого князя в Путивль и наместнику или к воеводе писати грамоты ежемесяд и посылати станицы по тем местом, откуда присмотрят князь Михайло Тюфякин, да диак Ржевский, куды станицам ближе ездити, из Путивля ли, или из Рыльска, чтоб однолично посылати на поле с тех сроков, которые в сем приговоре писаны, первой станице апреля с 1 дня и до тех мест, до которых мест станицам доведетца ездити, всем осми станицам по росписи и по списком рядом, которая опосле которой ездит. А которую станицу разгонят или возьмут, а не по прежним сроком, и опосле тое посылати все станицы рядом, которая после которой ездит потому же пропуцая меж их по две недели со днем. А из которых городов, и с которых сроков, и с которого числа в которой месяд наместники или воеводы учнут на поле отпуцати станицы, в им о том к государю отписати тотчас, с первым гонцом, и роспись тому подлинную к государю прислати.

А на донецкие сторожи посылати сторожей из Путивля или из Рыльска с весны на шесть недель и с проездом апреля в 1 числа, а быти им на сторожах шесть недель и с проездом, а опосле того другую статью отпуцати потому ж, рассуждая и расчитая на дальние и на ближние сторожи, как бы им переезжати по сторожам не замешкав, чтоб им в тое шесть недель к себе в Путивль или в Рыльск приехать, откуда их станут отпуцати. А как обойдутца все три статьи сторож, и тогда посылати в другой ряд сторожей на месяд и с проездом опять первой статье, да и всем по ряду, покаместо будет пригоже; и на сторожах сторожем стояти доколе и снеги укинут. А чтоб однолично сторожи без сторожей не были во весь год ни на один час, доколе большие снеги укинут, и не дождавса б себе с сторожи перемены, с сторож однолично не съезжали. А у станичных голов и у их товарищей и у сторожей у донецких, отпуцаючи их на поле с станицы и на сторожи, наместником и воеводам лошади их и рухлядь ценити по государеву наказу. А на которую станицу или на сторожей разгон будет и лошади их и рухлядь поемлют,

и за те лошади и за рухлядь по повеvodским отпискам и по ценовным отпискам платити денги по прежнему обычаю. А которые станичные головы с своими товарищи до урочищ до своих доехав с поля приедут, и им проезжае платити по прежнему обычаю. А на поле посланы по государеву наказу князь Михайл Тюфякин да диак Ржевской смотрити мест и крепостей, до коих мест и до которых урочищ будет ездити станицам, и в которых местах пригоже ставити сторожи; и как они присмотрят из которого города и до которых мест ездити станицам и по которым местам где быти пригоже донецким сторожам, по старым ли местом или где по новым местом присмотрят, и тогда по их дозору и по росписи, как они отпишут, из которого города станицы посылати и стороже на сторожах ставити потому же по две станицы на месяд, меж ими пропуцая по две недели со днем. А сторожем на сторожах стояти с весны по шести недель, а в осень по месяду, то им с проездом; а посылати за первой статьею другую и третью по срокам по наказу. А с которых сроков и с которого числа и в котором месяде воеводы сторожей учнут на поле на сторожи отпуцати, и о том им писати к государю тот же час, с первым гонцом, и роспись тому подлинная прислати, с которых сроков станут отпуцати. А на донецких сторожах и из всех украинских городов на полских сторожах сторожей ставити апреля с 1 числа, а стояти сторожем до тех мест, докуды снеги большие укинут.

Текст воспроизведен по изданию: Л. Г. Бескровный. Хрестоматия по русской военной истории. Военное издательство. 1947 г. (28).

Приложение 2.

Грамота Великого Всероссийского Земского и Церковного Поместного Собора от 21 февраля 1613 г. о призвании на Царство Михаила Феодоровича Романова

«Послал Господь Свой Святыи Дух в сердца всех православных христиан, яко едиными усты вопияху, что быти на Владимирском и Московском и на всех Государствах Российского Царства, Государем, Царем и Великим Князем всея Руси Самодержцем, Тебе, Великому Государю Михаилу Феодоровичу.

Целовали все Животворный Крест и обет дали, что за Великого Государя, Богом почтенного, - Богом избранного и Богом возлюбленного, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всея Руси Самодержца, и за Благоверную Царицу и Великую Княгиню, и за Их Царские

Дети, которых Им, Государям, впредь Бог даст, души свои и головы свои положить, и служить Им, Государям нашим верою и правдою, всеми душами своими и головами.

Заповедано, чтобы Избранник Божий, Царь Михаил Феодорович Романов был родоначальником Правителей на Руси из рода в род, с ответственностью в своих делах перед единым Небесным Царем. И кто же пойдет против сего Соборного постановления – Царь ли, Патриарх ли, и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святыя Троицы. И иного Государя, мимо Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всяя Руси Самодержца; и Их Царских Детей, которых Им, Государям, впредь Бог даст, искати и хотети иного Государя из каких людей ни буди, или какое лихо похочет учинити; то нам боярам, и окольниковым, и дворянам, и приказным людям, и гостем, и детям боярским, и всяким людям на того изменника стоять всею землею за один.

Прочтоша сию Утвержденную Грамоту на Великом Всероссийском Соборе, и выслушав на большее во веки укрепление – быти так во всем потому, как в сей Утвержденной Грамоте писано.

А кто убо не похочет послушати сего Соборного Уложения, его же Бог благослови; и начнет глаголати ино, и молву в людях чинити, то таковой, аще священныи чину, и от Бояр, Царских синклит, и воинских, или ин кто от простых людей, и в каком чину ни буди; по священным Правилам св. Апостол, и Вселенских Седми Соборов св. Отец и Поместных; и по Соборному Уложению всего извержен будет, и от Церкви Божией отлучен, и Святыи Христовыи Таин приобщения; яко раскольник Церкви Божией и всего Православного Христианства, мятежник и разоритель Закону Божию, а по Царским Законам месть да воспримет; и нашего смирения и всего Освященного Собора не буди на нем благословения отныне и до века. Да будет твердо и неразрушимо в предыдущие лета, в роды и роды, и не преидет ни единая черта от написанных в ней.

А на Соборе были Московского Государства изо всех городов Российского Царства власти: митрополиты, епископы и архимандриты, игумены, протопопы и весь Освященный Собор; бояре и окольные, чашники и стольники и стряпчие, думные дворяне и дьяки и жильцы; дворяне большие и дворяне из городов; дьяки из Приказов; головы стрельцкие, и атаманы казачьи, стрельцы и казаки торговые и посадские; и великих чинов всякие служилые и жилецкие люди; и из всех городов Российского царства выборные люди.

Своеручные подписи [далее следует больше восьмидесяти подписей, причем подписывались только грамотные]. (Подписал эту грамоту и

«... с Ливен выборный Егорьевский поп Гавриило». (52, с.77)

А уложена и написана бысть сия Утвержденная Грамота за руками и за печатями Великого Государя нашего Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всяя Руси Самодержца, в царствующем граде Москве, в первое лето царствования его, а от сотворения мира 7121-го». (28).

История города Ливны XVI-XVII веков

1483 г. Во время княжения Ивана III земли ливенского края были изъяты из владений рязанских князей и напрямую вошли в состав Великого Московского княжества.

1521 г. Рязанское княжество официально прекратило свое самостоятельное существование. Последний рязанский князь, Иван Иванович, бежал в Литву. Вся территория Рязанского княжества, включая земли по реке Сосне, перешли в состав Московского государства.

1557 г. Полки русской дворянской конницы, до этого выстраивавшиеся на случай возможного нападения крымских татар на берегах реки Оки, в 1557 году впервые вышли в Придонье, к реке Быстрой Сосне.

1571 г. 16 февраля. Царь Иван Грозный подписал указ «О станичной и сторожевой службе на государевых окраинах и в степи». Это был первый российский пограничный устав.

1571 г. По указу царя Ивана Грозного на слиянии рек Сосна и Ливна создана сторожа.

1571 г. Поход крымского хана Девлет-Гирея на Москву. Город разграблен и подожжен.

1575 г., июнь. Сторожа на «Сосне усть Ливен» была укреплена и превращена в город. Сюда был послан воевода (основание малого острожка). Основание г. Ливны на Сосне.

1575 г. Заложена первая ливенская православная церковь, соборная церковь Святой Живоначальной Троицы.

1584 г. март. Царем становится Федор Иоаннович (1584 - 1598), сын Ивана IV. Его окружает своего рода опекунский совет (бояре Никита Романович и Борис Годунов, князья Мстиславские, Иван Шуйский, Бог-

дан Бельский).

1584 г. За этим годом город Ливна упоминается как вотчина Елецких князей в Пискаревском летописце.

1585 г. Во второй половине 1585 года состоялось постановление боярской думы о возрождении на юге России города Ливны. Оно было оформлено в виде указа царя Федора Ивановича. Текст указа, к сожалению, не сохранился.

Началась реконструкция крепости Ливны. В церковном отношении город входил в состав Крутицкой епархии (до 1764 года).

1586 г. Впервые в истории из Ливен по реке Б. Сосне выставлены сторожи. Всего Ливенских сторож 13, а сторожей на них в одну смену 46 человек.

1587 г. Закончены основные строительные работы по возведению крепостной стены Большого острога Ливенской крепости.

1585 – 1590 гг. В Ливнах в составе гарнизона было не менее 150 детей боярских. А общая численность ливенского гарнизона в 1585 – 1590 годах составляла более 300 человек.

1585 – 1594 гг. Ливны в документах именуется то именем «Ливна», то именем «Ливны».

1591 г. В Угличе погиб младший сын Ивана Грозного — царевич Дмитрий.

1592 г. Первое упоминание о Сергиевом мужском монастыре в Ливнах. Дата основания монастыря. Упразднен в 1764 году.

1592 г. Восстановление Елецкой крепости, в котором заметное участие приняли ливенские служилые люди. Город Елец с уездом вошел в состав Крутицкой епархии.

1593 г., ноябрь. Под Ливнами на мосту через реку Сосну посланники Москвы Федор Хворостинин и Богдан Бельский заключили мир и «союз навеки» с послами крымского хана Казы-Гирея.

1594 г. Ливны стали постоянно именоваться в официальных документах этим именем - «Ливны».

1594 г. Официальное назначение Бориса Годунова правителем (каковым он уже фактически являлся).

1595 г. Под руководством думного дворянина Вельяминова-Воронцова близ Ливен была сооружена засека.

1598 г. 18 февраля (по юлианскому календарю - 8 февраля). Избрание Бориса Годунова на Царство. (1598 - 1605).

1601 г. Лето в Ливнах стояло очень дождливое, а затем небурные поля покрыло снегом. Снег выпал в конце августа.

1601 г. «Указ о крестьянском выходе». Образовался стрелецкий приказ.

1601 – 1603 гг. В Ливнах и окрестных землях из-за неблагоприятных погодных условий был неурожай и «великий голод». Люди ели траву, падаль, собак, кошек, кору липовую и сосновую.

1603 г. В Польше объявился Лжедмитрий I. Борис Годунов издал грамоту о войне с «самозванцем».

1604 г., осень. В Ливнах состоялся смотр служилых людей из близлежащих городов. Руководил проведением смотра окольный П.И. Шереметьев.

1605 г. Сбор в Ливнах царских полков под командованием воевод П.И. Шереметьева и М.Г. Салтыкова для борьбы с войсками Лжедмитрия I.

1605 г. Ливенское ополчение участвует в осаде Кром, занятых мятежным гарнизоном город, признавшим самозванца.

1605 г., 7 (17) марта. Ливны признали власть Лжедмитрия I, а ливенский гарнизон перешел на сторону Лжедмитрия I.

1605 г., 11 апреля, (по юлианскому календарю - 1 апреля). Умер царь Борис Годунов. Престол занял его сын Федор, несмотря на открытое недовольство бояр.

1605 г., 20 июня. Предательство московских воевод позволяет Лжедмитрию I легко овладеть столицей. Лжедмитрий I становится царем.

1606 г., 17 мая, (по юлианскому календарю - 7 мая). Бояре совершают дворцовый переворот, низлагают Лжедмитрия I и убивают его. Затем бояре выходят к народу на Красную площадь и предлагают созвать Собор, а власть временно передать патриарху. Однако толпа требует нового царя, и тогда, под крики одобрения, бояре указывают на Василия Шуйского.

1606 г., 01 июня, (по юлианскому календарю - 22 мая). Воцарение Василия Шуйского (1606 - 1610), который обещает править совместно с Боярской думой и Земским собором и приносит присягу так, как это

делают польские короли.

1606 г. Ливны не признали нового царя В. Шуйского, как не поддержали его: Рязань, Карачев, Орел, Деделов, Венев, Михайлов, Болхов, Рязжск, Кашира, Трубчевск, Кромы, Алексин, Льгов и Епифань. Восставшие ливенские служилые люди казнили шуйского воеводу Алексея Плещеева.

1606 г., август. Жители Трубчевска, Ельца, Ливен, Кром выступили против Василия Шуйского. В Ливнах убит воевода Шуйского А. Плещеев. Осада царскими войсками Кром и Ельца.

1606 г. Вооруженный отряд бунтовщиков из Ливен в составе войска Болотникова И.И. участвуют в осаде Москвы.

1606 год. Служилые люди с Ливен в составе отряда Илейки Горчакова наголову разбили войска князя Воротынского, командовавшего правительственными войсками при осаде мятежного Ельца.

1606 -1613 гг. В Ливны воеводы из Москвы не назначался. В это время в Ливнах господствовало общинное самоуправление, сложившееся в русском государстве за всю его предыдущую историю. Ливны в это время жили фактически автономной от центральной власти жизнью, порой, не признавая никакой власти.

1607 г., июнь. Появление в Стародубе нового претендента на престол - Лжедмитрия II.

1607 г., 2 сентября. Лжедмитрий II, объявивший себя «чудом спасшимся» царем Дмитрием, двинул свои войска, состоявшие в основном из литовско-польских наемщиков, на Москву. По пути многие русские ратные люди, пострадавшие от гонений Шуйского, становились в ряды войска самозванца. Были среди них и ливенцы.

1610 г. Королевич Владислав избран на Московское царство. Шуйский потерпел поражение при Клушине. Шуйский свергнут.

1610—1613 гг. Россией правило правительство из семи бояр — Семибоярщина.

1610 г., 21 сентября. Бояре впустили поляков в Кремль, после чего власть в Москве фактически перешла к командующему польским гарнизоном Александру Гонсевскому.

1611 г. Ливны стали уездным городом.

1611—1612 г. Ливенцы влились в ряды народного ополчения, сна-

чала П. Ляпунова, затем — Минина и Пожарского.

1612 г. Поляки изгнаны из Москвы нижегородским ополчением Минина и Пожарского.

1613 г., янв. — февр. Участие представителей Брянска, Мценска и Ливен в Земском соборе в Москве, обсуждавшем вопрос о выборе царя на Всероссийский престол. Подписал избирательную грамоту от ливенской делегации поп Гаврило из храма Георгия Победоносца.

1613. 11 мая, (1 мая по юлианскому календарю). Михаил Романов венчается на царствование митрополитом Кириллом.

1613 г. На Ливны новым царем Романовым М.Ф. назначены первые после окончания Смуты воеводы: Колтовский Григорий Федорович и Петр Данилов сын Изсленьев.

1613 г. В 7-ми верстах от Ливен в районе Лутовой горы произошло сражение между войсками московского князя М.И. Воротынского и крымскими татарами, в результате которого погибло много воинов с обеих сторон, а ливенский уезд был разграблен татарами.

1614 г. июль. Елецкий и Ливенский уезды подвергались опустошению казаками атамана Ивана Заруцкого, поддерживающего притязания Марины Мнишек и ее сына на русскую корону.

1615 г. Ливенцы под предводительством воеводы Степана Исленьева в составе войска знаменитого воеводы Пожарского Д.М. участвовали в освобождении г. Орла от польских захватчиков, которыми командовал известный авантюрист Лисовский. Однако Лисовский успел до тла сжечь г. Орел, который вплоть до 1635 года прекратил свое существование.

1615 г. В Ливнах в малом острожке находилось 4 церкви, управление, суд, 8 кузниц, 37 лавок, кабак с погребом и ледником.

1616 г., июль. В Ливнах русским и татарским посольствами заключен мирный договор с Крымским ханом Джанибек-Гиреем.

1616 г. 300 ливенских детей боярских и 300 казаков под руководством князя Пожарского Д.М. участвовали в обороне Калуги. Почти все ливенцы погибли в боях за Калугу.

1617. Началась война с Польшей.

1617 г. В Ливнах впервые стоял один из мобильных отрядов подвижного украинного войска, общая численность которого составляла

8647 человек.

1618 г. В Ливнах стоял отряд подвижного сторожевого полка численностью 650 человек.

1618 г., сентябрь. Елец и Ливны разорены и сожжены запорожскими казаками во главе с гетманом Петром Коношевичем Сагайдачным. Сожжена крепостная стена Большого острога, которая так и не была восстановлена.

1619 г. В восстановленном после «черкасского разорения» Ливенском гарнизоне состояло: детей боярских ливенцев 286 чел., казаков 186 чел., стрельцов 29 чел., пушкарей 13 чел., затишников 27 чел., итого — 541 человек.

1623 г. В этом году с Ливен ставилось 17 сторож, которые перекрывали около 200 верст границы Московского государства.

1624 г. В Ливнах был назначен первый ливенский губной целовальник, что свидетельствует о появлении в это время в Ливенском уезде губных (уголовных) учреждений.

1625 г. Ливны полностью оправились от погрома 1618 года. Гарнизон тоже восстановился и состоял из 916 человек.

Несмотря на численное превосходство отряда крымских татар, воеводы Андрей Измайлов и Даниил Яблочков у Кирпичного брода (возле ОАО «Ливгидромаш»), а Порфирий Гринев у реки Труды смело вступили в бой, который продолжался до позднего вечера. Ночью, воспользовавшись темнотой, татары ушли из Ливенского уезда на север.

1626 г. В России началась военная реформа, в соответствии с которой нанято 5000 иноземных пехотинцев и военных специалистов (инструкторы, литейщики и пр.)

1627 г. В Ливнах по указанию Разбойного приказа начинают выбирать губного старосту.

1627 г. 13 октября. В окрестностях Ливен объявился Лжебасманов.

1628 г., июль. На реке Фошне отряд ливенских пограничников во главе с товарищем воеводы И. Рагозиным и казачьими головами Р. Каширяниновым и И. Павловым в кровопролитном бою наголову разбил полутысячный отряд татар. Только убитыми крымцы потеряли 57 человек и пленными 53 человека. Ливенцы также отобрали у них наворованное добро и освободили пленников.

1628 г. сентябрь. В Ливнах дьяки Разрядного приказа по указанию

Государя проводили обыск (дознание) по челобитной ельчан, в которой те жаловались царю на притеснения и бесчинства по отношению к ним со стороны дяди царя боярина Ивана Никитича Романова.

1632 г. июль. В Савинской дубраве в урочище Красная Поляна Ливенского уезда (ныне Курская область) семьсот ливенских детей боярских и казаков под началом головы Меньшого Гринева бились с крымскими татарами. Ордынцы потеряли до тысячи человек убитыми. Но и 300 ливенцев во главе с храбрым Гриневым пали в бою.

1633 г, 25 апреля. ливенцы вступили в бой с татарами, направлявшимися в сторону Москвы, под Сербуловским лесом.

1634 г., 27 июля. Ливенский гарнизон вступил в бой с двухтысячным отрядом татар недалеко от Ливен в районе речки Вязовки.

1632 – 1635 гг. Ливенский уезд от набегов татар запустел, ибо потерял только пленными за это время более 1500 человек. А весной 1636 года в Ливенском уезде из-за недостатка людей и набегов татар даже пахота не производилась.

1641 г. Воеводой Д. Колтовским на Ливнах был поставлен новый острог. Был выполнен большой объем по строительству и ремонту Ливенской крепости. Практически Ливенский кремль был построен заново.

1642 г. Вышел Указ царя о запрещении детям боярским, служилым людям поступать в холопство и солдатскую службу.

1642 г. На строительство укреплений «Белгородской черты» в г. Усерд было послано 25 детей боярских из Ливен, а 100 полковых ливенских казаков участвовали в строительстве земляного вала на реке Разумной и в районе строительства г. Нового Оскола.

1645 г., 14 июля. Алексей Михайлович Романов занимает Московский престол.

1646 г. Сделанные Х. Рыльским «органки и пушечки на образец» были отправлены вместе с мастером на Ливны «для скорого походу против... государевых недругов, крымских и ногайских людей».

1646 - 1647 гг. В Ливнах стояли полки дворянской конницы (большой полк). Воеводой большого полка, дислоцировавшегося в Ливнах, был князь Г.С. Куракин. «Ливны стали главным стратегическим пунктом относительно обороны Украины».

1647 г., 17 августа. Во время сильного пожара в Ливнах сгорело

около 400 домов.

1648 г. В крепости Ливны насчитывалось 150 пищалей разных калибров, 1585 ядер и около 1000 пудов пороха.

1652 г., апрель. Никон стал Патриархом Московским и всея Руси.

1653 г., 10 июня. В Ливнах проводился смотр войск Юга, в котором участвовали боевые формирования из Ливен, Ельца, Новосили, Ефремова, Талицы и Чернавы.

1656 г. Правительство решает чеканить медные деньги, приравняв по курсу с серебряными. Финансовый кризис.

1658 г., июнь. На южной, черноземной окраине Российского государства образована крупная военно-административная единица - Белгородский разряд, прообраз губерний. Ливенский уезд и город Ливны, наряду с другими южнорусскими городами, были переданы в военное подчинение Белгородского разряда (полка).

1658 г. Из Ливен в Белгород для формирования частей Белгородского полка прибыли 176 детей боярских, 196 рейтаров, 459 драгун и 108 «старых солдат».

Вклад Ливен в формирование Белгородского полка был одним из самых значительных. 939 ливенцев влились в ряды нового военного соединения, тогда как в среднем остальные 43 города, участвовавшие в этом мероприятии, направили по 438 воина в Белгородский полк.

1659 г. Разорение Елецкого, Ливенского, Новосильского, Мценского, Курского, Болховского, Воронежского и других уездов крымчанами. Сожжено 4674 усадьбы, угнано в плен 25448 человек. В Ливнах сожжены весь посад и Сергиевский монастырь. Кремль уцелел.

1660 г. По указанию царя была укреплена Ливенскую засека. Работами руководил присланный из Москвы инженер М.И. Засецкий. Оборонительные сооружения возводились при впадении в Сосну рек «Луковца, Хвошны, Трудов, Ливен и Чернавы».

1662 г. июль. В результате выпуска медных денег вспыхнул «медный бунт» в Москве. Бунт подавлен, погибло 7000 человек.

1673 г. В составе Белгородского полка участвовали в походах и боях за освобождение Украины от ига польской шляхты и сражались вместе с украинцами против войск султанской Турции.

1674 г. Смерть царевича Алексея. Право наследования переходит к его брату Федору.

1676 г., 29 января. Кончина царя Алексея Михайловича Романова. Московский престол занимает Федор Алексеевич Романов.

1677 г. Воевода Василий Гринев построил заново Ливенскую крепость (кремль).

1678 г. По приказу ливенского воеводы Василия Гринева были сделаны графическое изображение городской крепости Ливны и «городовой образец» - макет крепости из дерева и отправлены в Москву.

1682 г. Федор Алексеевич под влиянием Бориса Голицына ликвидирует местничество (служебную иерархию в зависимости от знатности происхождения).

1682 г. 27 апреля (17 апреля по юлианскому календарю). Царь Федор Алексеевич Романов умирает, не оставив наследника.

1682 г. Началось правление царевны Софьи при царе, 10-тилетнем Петре Алексеевиче, который провозглашен царем после смерти брата Федора.

1689 г. Начало самостоятельного правления Петра Алексеевича (Петра I).

1692-1693 гг. Игумен Иосиф начал строительство первого каменного сооружения в Ливнах — собора Успения Пресвятой Богородицы с приделом св. Сергия Радонежского в Сергиевом монастыре.

1696-1697 гг. Окончание строительства и освящение первого каменного сооружения в Ливнах — собора Успения Пресвятой Богородицы с приделом св. Сергия Радонежского в Сергиевом монастыре.

1696 г., 19 июня. Капитулировал турецкий гарнизон в Азове. Осенью этого же года Петром I и Боярской думой было принято решение в полной мере начать хозяйственное освоение южных земель. «Дикое поле» навсегда превратилось в территорию Российской империи. Многовековой грабеж южных земель России крымчанами был пресечен навсегда. Ливенцы внесли свой вклад в составе Белгородского полка в разгром турецкой крепости Азов.

Литература

1. «Акты Московского государства», Т.1., СПб., 1890 г.
2. «Акты Московского государства», Т.2., СПб., 1890 г.
3. «Акты Московского государства», Т.3., СПб., 1890 г.
4. Аничков Е.В. «Язычество и Древняя Русь», М., 2009 г.
5. Барсуков А. «Списки городских воевод и других лиц воеводского управления XVII столетия по напечатанным правительственным актам», СПб., 1902 г.
6. Беляев И. «О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича», М., 1846 г.
7. БСЭ, Т. 6, М., 1971 г.
8. БСЭ, Т. 17, М., 1974 г.
9. Болдин С.В. «Российская трагедия», М., 2007 г.
10. Бондарев Ю. «Летопись города Ливны», г. Ливны, 2007 г.
11. Бондарев Ю. «Ливны изначальные», г. Орел, 2009 г.
12. Бочаров Л.И., Ефимов Н.Н., Чачух И.М., Чернышев И.Ю. «Заговор против русской истории», Москва, 2001 г.
13. Булатников О.Н. «О чём рассказали раскопки». Альманах «На берегах Быстрой Сосны» №5, г.Ливны, 2000 г.
14. Валянский С., Калужный Д. «Другая история Руси». Москва, 2001 г.
15. Водарский Я.Е. «Население России в конце XVII начале XVI в.», М., 1977 г.
16. Водарский Я.Е. «Проблемы сущности, времени и места основания городов и возникновение города Липецка». В книге «Липецк: начало истории», г. Липецк, 1996 г.
17. Гольцова А. «Орел и орловцы», Орел, 2008 г.
18. В. Горлов, А. Новосельцев. «Елец веками строился», г. Липецк, 1993 г.
19. Гумилев Л. «От Руси до России», М., 2006 г.
20. В. Даль «Толковый словарь», Т.4., М., 1991 г.
21. Даркевич В. П. «Происхождение и развитие городов древней Руси (X-XIII вв.)», «Вопросы истории». 1994 г., №10.
22. «Дворянские роды Российской империи». Т. 1. СПб., 1993 г.
23. «Донские дела», кн.V, СПб., 1917 г.
24. Загоровский В.П. «Белгородская черта», Воронеж, 1969 г.
25. Загоровский В.П. «История вхождения Центрального Чернозе-

- мья в состав Российского государства в 16-м веке», г. Воронеж, 1991 г.
26. Загоровский В.П. «О древнем Воронеже и слове Воронеж», Воронеж, 1977 г.
 27. «Записки отдела рукописей», вып.20, М.1958 г.
 28. Интернет.
 29. Карамзин Н.М. «История государства Российского», г. Тула, 1990 г., Т1-3,
 30. Н.М.Карамзин. «История государства Российского», г. Тула, 1990 г., Т.10 -12, Гл.№3.
 31. Каргалов В.В. «На границах стоять крепко!» М., 1998 г.,
 32. Ковалев Ф.В. «Ливны». г.Тула, 1991 г.
 33. Костомаров Н.И. «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», М., 1992 г).
 34. Костомаров Н.И., «Русская история», Кн.1, М.,1990 г.
 35. Краснощекова С.Д. «Городище Ключевка – древние Ливны»». Альманах «На берегах Быстрой Сосны» №5, г.Ливны, 2000 г.
 36. Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. «Краеведческие записки. Археология Орловской области». Орел, 2006 г.
 37. Лавицкая М.И. «Из истории происхождения и эволюции дворянства Орловской губернии». (Интернет).
 38. Ляпин Д. А. «Дворянство Елецкого уезда в конце XVI – XVII веках». Г.Елец, 2008 г.
 39. Макаренко В. «Откуда пошла Русь» М., 2004 г.
 40. Малый энциклопедический словарь.,Т.1. Изд. 2-е. Издание Брокгауз и Ефрон. С.-Петербург., 1907 г., М., 1997г.
 41. Мацук М.А. «Номенклатура государственного тягла Ливенских детей боярских в конце XVI – XVII веках», Альманах «На берегах Быстрой Сосны» №22, Ливны, 2007 г.
 42. Неделин В.М. «Ливны в 16 – начале 20 века. Архитектура и градостроительство». Архитектурное наследие № 48., М., 2007 г.
 43. Неделин В.М. «Орел изначальный»,г. Орел, 2001 г.
 44. Новомбергский Н. «Слово и дело государево». М., 1911. Т.1.
 45. Новосельский А.А., «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века», М.-Л., 1948 г.
 46. Новосельский А.А. «Вотчинник и его хозяйство в XVII веке», М.-Л., 1929 г.
 47. Платонов С.Ф. «Очерки по истории Смутного времени», М., 2009 г.
 48. Платонов С.Ф. «Полный курс лекций по русской истории», г.Петрозаводск, 1996 г.

49. «Полный церковно-славянский словарь», М., 1998 г.
 50. Похлёбкин В.В. «История водки», Интернет.
 51. Пясецкий Г. «Забывтая история Орла», Орел, 1993 г.
 52. Пясецкий Г.М. «Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении», г.Орел, 1999 г.
 53. «Разрядная книга 1550 – 1636 г.г.», Т.1., М., 1975 г.
 54. «Разрядная книга 1550 – 1636 г.г.», Т.2., М., 1976 г.
 55. «Разрядная книга. 1475 – 1598 г.г.» М., 1966 г.
 56. «Российская крепость на южных рубежах». (Документы)., г. Елец, 2001.
 57. «Русская старина», 1913 г., № 6, 7., Интернет.
 58. Г. Рыжкин. «Ливенские дали», г.Орел, 2000 г.
 59. Соловьев С.М. «История России с Древнейших времен».кн.2, М., 1960
 60. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1961. –Кн.5..
 61. Строев М.Я. «Ливенские воеводы XVII столетия», Альманах «На берегах Быстрой Сосны» №10, Ливны, 2001 г.
 62. Строев М.Я. «Село Успенское», М., 2006 г.
 63. Тихомиров Д.П. «Исторические исследования о генеалогии князей: Рязанских, Муромских и Пронских.» М., 1844 г.
 64. Тропин Н.А. «Елецкая земля в 12 – 15 вв.», г. Елец, 1999 г.
 65. Филимонов С.Б. «Краеведение и документальные памятники (1917-1929 гг.)», М., 1989 г.,
 66. Энциклопедия. «Города России». Москва, 1998 г.
 67. Юшин П. «Верования русского народа в Ливенском уезде Орловской губернии», «Этнографическое обозрение», 1901 г., №1.
 68. АРАН - Архив Российской академии наук.
 69. РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Обнаруженные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
15	2 сн*	уже 1584 году	уже в 1584 году
15	5 сн	но отвечавшего	но не отвечавшего
20	4 сн	подписывались и	подписывались им и
59	7 сн	Москва праздновать	Москва праздновала
60	12 сн	настаивал настаивал	настаивал
72	7 св**	с о	со
80	13 сн	10 июля	12 июля
91	Наименование схемы	...в пределы	...в пределы Московского государства в 30-х годах XVII века.
110	11 сн	в Ливнах числилось	в Ливнах их числилось
116	21 сн	ф.2Ю	ф. 210
154	8 св	Ливнским	Ливенским
156	9 сн	аспространение	распространение
176	таблица	7 строк	верхние 4 строки
180	5 св	до пят покрой	до пят, покрой
182	10 сн	1550 подтвердил	1550 года подтвердил
182	18 сн	редко (38, 303).	редко». (38, с. 303).
195	12 св	русалок	русалках
199	2 св	в слонях	в сложных
210	15 св	1606 – 1613 гг...не назначался	1606 – 1613 гг...не назначались
214	5 сн	участвовали	ливенцы участвовали

*сн – снизу, **св – сверху